

А. БЫХОВСКИЙ

РАСЫ
И
ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ЧЕЛОВЕКА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ—1934

С 44498

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Количество пред. выдач.

06

3 ТМО Т. 3600000 3. 2079—87

Д.Х.

2002

C 666

44498

А. БЫХОВСКИЙ

28.7
572
15958

Р а с ы
и
происхождение
человека

1944 г.

Инв. 1936 г. № 44498

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1934

КНИГОУВАЛІШЧЭ
Цэнтр. б-ка і бібліятэка
імя Францішкі

Книга показывает полную научную беспочвенность и классовый фашистский смысл «расовых теорий».

Обзор современных рас приводит к выводу, что не существует ни «чистых», ни «высших», ни «низших» рас.

Человечество едино по своему происхождению. Это следует также из всего, что мы знаем об истории современного человека. Читатель убедится в этом, читая главы об очеловечении обезьяны, о предках человека и о первобытных культурах.

Редактор В. Сафонов. Техред: М. Лойтерштейн.
Сдано в произв. 19 VI—1934 г. Подпис. к печати 4/IX—34 г.
Мг.—4349. Инд. ДР. Форм. бум. 82 110¹/₃₂. 11 печ. л., 10,45
авт. л. Уполном. Главлита Б-39479. Тираж 10 000 Зак. 887.

18-я тип. треста «Полиграфгиз», Москва, Варгунихина
гора, дом 8.

Старая тема на новый лад

(Вместо предисловия)

«В обществе, раздираемом классовыми противоречиями, не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии

Л е н и н

Происхождение человека — эта тема не новая. О ней много писалось, а еще больше рассказывалось.

Но старая тема — это не всегда значит старое содержание. Хотя проблема происхождения человека насчитывает семидесятилетний «стаж», все же именно сейчас она «злободневнее», чем когда бы то ни было.

Учение о животном происхождении человека было впервые обосновано во второй половине XIX века. Оно явилось неминуемым логическим следствием эволюционного учения Дарвина. До Дарвина вопроса о происхождении человека как научной проблемы не существовало¹.

И само эволюционное учение Дарвина и материалистическое решение вопроса о происхождении человека были порождены эпохой бурного расцвета буржуазии. Тогда буржуазия не боялась действительности. Наоборот, познание действительной природы, значит материалистическое позна-

¹ Мысли об эволюционном происхождении человека высказывались еще до Дарвина. Особенно четко эта мысль была изложена французским биологом Ламарком, которого, пожалуй, можно назвать отцом эволюционного учения. Но все же до Дарвина ни эволюционное учение, ни вопрос о происхождении человека не были достаточно научно обоснованы, чтобы считаться проблемой, стоящей в порядке дня научно-исследовательской работы. Это было достигнуто только с выходом дарвинского труда «Происхождение видов».

ние (правда, в основном, в силу классовой ограниченности буржуазии, механистическое), явилось для нее насущной необходимостью, ибо только такое научное познание природы давало ей возможность сделать природу своей служанкой для того, чтобы завоевать мир машинами и дешевыми товарами. Действительная наука была нужна, так как она приносила баснословные барыши, так как она дала пар, электричество, химию и пр. Помимо всего этого наука, в частности эволюционное учение было использовано молодой, тогда еще революционной буржуазией в борьбе против феодальной буржуазии: эволюционное учение в корне подрывало сказку о незыблемости существующего строя, будто раз навсегда утвержденного богом.

Недаром знаменем передовой части процветающей буржуазии стала «всепознающая и всемогущая наука», и в образованных буржуазных кругах считалось хорошим тоном высокомерное, скептическое отношение к религии (конечно «для себя», но не для «народа»).

Именно тогда родилась проблема происхождения человека и ее первое материалистическое разрешение. Оно-то обычно и знакомо. Оно-то обычно и излагается на лекциях и в популярных книжках.

Но время расцвета буржуазии прошло. Она заканчивает свой обреченный путь исторического развития.

Мир позорного рабства,
Мир грязи и крови
Ухабами кризисов
К смерти идет.

На «ухабах кризисов» лопнули тысячи банков и сотни крупных трестов. Закачались самые стойкие в мире валюты. Нищета, голод, безработица поразили капиталистические страны. Фашистский террор, небывалая эксплуатация трудящихся и цветных народностей колоний, подготовка нового раздела мира — такими средствами обреченный капитализм пытается продлить свое существование. Но эти средства сами только приближают неотвратимую гибель классового общества. Классовая борьба обострилась в капиталистических

странах небывало, всё ближе час новых, решающих революционных потрясений.

Буржуазия борется за жизнь и за власть всеми возможными путями и средствами. Кровавый фашистский террор, разжигание человеконенавистнической расовой и национальной вражды, жесточайшая эксплуатация пролетариата — все это прикрывается тогой научности. Фашизм — это неприкрытая диктатура крупного финансового капитала — не брезгает никакими средствами при осуществлении намеченных целей. В одних случаях наравне с «наукой» используется религия, в частности проповедь «любви» и непротивления, в других же случаях, когда христианство не в состоянии уже прикрыть наготу фашизма, идеологи буржуазии начинают болтать о «реконструктивности христианства» или же, полностью отбросив в сторону ветхие библейские и евангельские побрякушки, усиленно возрождает «язычество», как это случилось с германским фашизмом.

И буржуазная классовая наука выполняет этот социальный заказ. Она старается подать руку религии, хорошо испытанному средству «успокоения» эксплуатируемых масс, — эта «наука» ищет «объективные законы природы», обосновывающие фашистский террор.

Нет ни одной теоретически важной проблемы, в которой не отразилось бы выполнение социального заказа буржуазии. И в проблеме происхождения человека идеология умиротворяющего класса сказалась особенно отчетливо. Это понятно, так как вопросы, связанные с человеком и человеческими расами, смыкаются ближе всего с социальной практикой и колониальной политикой классового общества.

Старческая дряхлость буржуазии привела к небывалому расцвету так называемого социального дарвинизма, который «борьбой за существование» и «естественным отбором» старается подменить классовый антагонизм в капиталистическом обществе. Благодаря такой подмене правящая буржуазия превращается в избранников природы, а ее господство выступает пред нами как вечное и неминуемое предопределение природы. Родными братьями социального дарвинизма явились различные расовые теории, во множестве сфабрико-

ванные фашистской «наукой». Есть расы «высшие» и «нижние»; высшие по самой природе своей призваны господствовать над низшими, — вот их «последнее слово науки»!..

Но этим не исчерпываются «научные» достижения в вопросах о человеке и его происхождении. Есть еще один важный пункт социального заказа, который вполне откровенно и четко сформулирован крупным американским коммерсантом Роджером Бэбсоном: «Религия общества — вот истинный оплот наших капиталов». Буржуазной «науке» надлежит проложить мостик к религии. И этот мостик ревностно прокладывается и в нашей проблеме, где под маской ультра-современной научности всячески обосновывается мысль об «особом», отличном от всего остального животного мира, происхождении человека.

Проблема происхождения человека не является и не может быть только узконаучной проблемой. Как и всякая теоретическая научная проблема, она превращается в один из участков классовой борьбы на идеологическом фронте. И именно под этим углом зрения мы должны рассматривать старую тему о происхождении человека, влив в нее новое содержание. Сейчас нам недостаточно ограничиться опровержением библейского рассказа о происхождении человека. Вопрос надо ставить шире. Надо вскрыть, в чем, как и почему буржуазные ученые во имя «объективной науки» стараются лить воду на мельницу религии. Нужно разрушить все мостики между религией и наукой. С расовых теорий и социального дарвинизма мы должны сорвать их внеклассовый наряд и маску научности и этим «теориям» противопоставить действительную науку, отображающую природу такой, какова она есть. И мы увидим тогда, как на фронте современной науки стоят друг против друга перед последним решительным боем также два класса, два мира — мир умирающей буржуазии и мир пролетариата, могильщика капитализма, строителя бесклассового общества.

I. Ад, которого Данте не видал

«Оставь надежду всяк сюда входящий».
(Надпись над воротами ада по «Божественной комедии» Данте.)

1. Открытие Америки и цена американского золота

Уже много столетий тому назад хищническому и авантюристскому торговому капиталу стало тесно в своих европейских границах. Он направил парусные суда бороздить моря и океаны, заставил торговые караваны внедриться в неизвестные края в поисках новых земель и народов, новых рынков и нового сырья. Открытия следовали за открытиями, и цивилизованным европейцам впервые пришлось познакомиться с еще неизвестными им «дикарями», а «дикарям» впервые пришлось приобщиться к культуре и цивилизации. Это приобщение к культуре и цивилизации обошлось «дикарям» очень дорого. Во вновь открытые земли первыми цивилизаторами проникали вооруженные отряды солдат, а затем миссионеры и купцы. «Словом божьим» туземцы подготавлились к «непротивлению злу». Огнем и мечом они сгонялись с лучших земель — добычи завоевателей. Этим кончалась первая ступень приобщения туземцев к цивилизации. Вторая ступень цивилизаторского влияния превращала туземцев в рабов, чем и заканчивалась вся культполитпросветработа буржуазии среди малокультурных народов, постепенно оттесненных на самые неудобные места земной поверхности.

Так было с американскими индейцами, австралийцами и тасманийцами, африканскими неграми, с туземцами океанских островов и со всеми северными народностями азиатского материка.

В XVI веке началось «освоение» Америки. Европейцы впервые обогнули Африку, открыли целый ряд островов в Тихом и Индийском океанах и многое другое. Во вновь открытые земли, как хищники на добычу, устремились завоеватели всех цивилизованных в то время государств — испанцы и португальцы, французы и англичане. Но особенным

Рис. 1. «Цивилизаторская» деятельность испанцев в Америке. Травля собаками индейцев в испанских владениях. С гравюры XVI века.

Рис. 2. «Цивилизаторская» деятельность испанцев в Америке. Сожжение взятых в плен индейцев. С гравюры XVI века.

вниманием пользовалась Америка. Она оказалась богатой золотом, серебром и медью, а климатические условия ее некоторых мест оказались идеальными для разведения сахарного тростника и табака, а впоследствии и хлопка.

Америка сулила горы золота. В погоне за ним первые испанские колонизаторы пошли по самому «прямому» пути — по пути грабежа и насилия (рис. 1 и 2). Они отбирали у туземцев все более или менее ценное, заставляли их платить золотом налоги (неизвестно за что), а помимо того — работать на плантациях и в рудниках. К каждому испанцу-плантатору прикомандировывалось несколько «подшефных» индейцев, которые из двенадцати месяцев года девять месяцев должны были работать у него. И за эти девять месяцев они получали по 1 пезо, на что можно было купить себе... гребень или маленькое зеркало, как об этом пишет современник — миссионер Лас-Казас, которого никак нельзя заподозрить в том, что он агент Коминтерна. Лас-Казас рассказывает, как на его глазах «один испанец, не имея чем накормить собак, оторвал ребенка от груди матери и изрубил на куски, чтобы раздать своим гончим». Туземцы массами кончали самоубийством, предпочитая смерть благодетельному влиянию «цивилизации». И один из описанных Лас-Казасом случаев особенно замечательен. Плантатору доложили, что индейцы его поместья хотят повеситься. Он поспел во-время. Но его угрозы и угрозы не приводили ни к чему. «Тогда он попросил и ему дать петлю, потому что без них ему все равно придется умереть с голоду. Это навело несчастных на иные мысли: они опасались, что если их господин отправится вслед за ними на тот свет, то туда перейдет также и рабство их. Итак, чтобы успокоиться, по крайней мере, после смерти, они вернулись опять к земным мукам».

По приблизительным подсчетам за сорок-пятьдесят лет подобной «цивилизаторской» деятельности погибло около пятнадцати миллионов индейцев, причем некоторые племена были совершенно уничтожены. Зато в Европу один за другим шли корабли, груженные золотом и серебром, сахарным тростником и табаком.

Туземное население Америки исчезало с катастрофической быстротой, и возникала угроза, что вскоре плантации и рудники останутся без рабочей силы. И тогда знакомому уже нам человеколюбивому миссионеру Лас-Казасу пришла в голову гениальная мысль. Он предложил ввозить рабочую силу из других частей света. Его идея была вскоре осуществлена. В 1562 году на английском пароходе «Иисус» была отправлена из Африки в Америку первая партия негров.

Так миссионер Лас-Казас впервые предложил, а «Иисус» впервые проложил путь к ужасающему рабству негров.

Ирония истории беспощадна!

Официальное рабство было отменено в Соединенных штатах в 1865 году, после знаменитой гражданской войны северных штатов с рабовладельческими южными.

2. «Героические» похождения империалистов в Конго

С официальным уничтожением рабства в Америке прекратилась и прежняя массовая охота за этой выгодной «дичью» в Африке. Но положение изменилось только по форме, а не по существу.

Во второй половине XIX века был завершен империалистический раздел Африки. И в 1876 году была создана Международная африканская ассоциация, во главе которой стал бельгийский король Леопольд. Основной целью ассоциации было приобщение Центральной Африки к «благам европейской цивилизации, прогресса, науки и человечности».

Целый ряд исследователей — французов, немцев, англичан — начали бороздить Африку вдоль и поперек. И за спиной этих путешественников (Ливингстона, Стэнли и др.) стояли крупные фирмы, субсидировавшие исследования, ожидая от них больших выгод. И они не прогадали. Стэнли впервые исследовал колоссальный бассейн реки Конго, в частности открыл огромные территории, покрытые каучуконосами. Путешественник-исследователь и вместе с тем представитель-агент крупных бельгийских фирм и бельгийского короля Леопольда, Стэнли не только изучал, описывал и собирал научные коллекции. Помимо этого он заключил с вождями негритянских племен до двухсот договоров на право пользования их землей. И вслед за Стэнли появляются бельгийские капиталисты, вернее их агенты-дельцы, с отрядами бельгийской армии, и вскоре вся территория колоссального бассейна реки Конго, территория, которая в восемьдесят четыре раза больше самой Бельгии, превращается в Бельгийское Конго — в бельгийскую колонию. К началу колонизации туземное население Конго приблизительно определялось в 30—40 миллионов человек на 15 тысяч европейцев, включая отряды бельгийской армии. И эта ничтожная кучка европейцев настойчиво и решительно стала приобщать население Конго к «благам европейской цивилизации, прогресса, науки и человечности», тем самым выполняя программу, намеченную Международной африканской ассоциацией во главе с Леопольдом, который долгое время был фактическим владельцем Конго.

Главным богатством Конго является каучук. Бельгийское Конго стало поставлять каучук в больших размерах. Сбор каучука в тропических, девственных лесах Африки — дело нелегкое, но европейских цивилизаторов этот вопрос мало беспокоил. Все туземное население облагалось налогом, который оно должно было выплачивать каучуком. Помимо налога делалась еще разверстка по деревням, которые за грошевую цену должны были к назначенному сроку доставить определенное (и довольно значительное) количество каучука. Эти обязательные сборы каучука в убийственных условиях тропиков превратили туземцев в рабов. Не выполнившим чудовищную норму в назидание отрубали руки. За отказ идти в убийственные джунгли или же за недостаточное ретивое выполнение разверстки сжигались целые деревни. И это не было «загибом головорезов на местах». Таков был курс, взятый свыше, начиная с короля Леопольда и кончая крупными компаниями и фирмами, в чьи руки попало затем Бельгийское Конго. В циркулярном письме одной компании мы читаем: «Вы не должны забывать, что пулемет является серьезным фактором в деле получения каучука». Самый сбор каучука в тропических джунглях стоил многим жизни. У туземцев создалась поговорка: «Каучук — это смерть». Из 30—40 миллионов населения Бельгийского Конго, по сведениям последней переписи, осталось около 9 миллионов туземцев. Остальные — цена каучука, вывезенного отсюда на «цивилизованные» рынки. Положение негров и деятельность европейских цивилизаторов в Конго ярко характеризует опубликованное частное письмо одного бельгийского офицера. «Мы, белые люди, — пишет он, — должны закрывать глаза, чтобы не видеть приводящих в ужас мертвых, кланущих нас умирающих, умоляющих нас раненых, рыдающих женщин и гибнущих от голода детей. Мы должны закрывать уши, чтобы не слышать стонов, плача и проклятий, которые несутся с каждой пяди земли, из каждого куста». Но зато компания «Абир» в первые же шесть лет своих деловых операций в Конго получила 400 процентов чистой прибыли. Другие же компании и фирмы получали еще больше. Даже в других капиталистических странах положение вещей в Конго вызывало возмущение (как легко догадаться, далеко не всегда диктуемое только человеколюбием). Среди «возмущавшихся» на первом месте стояла Англия, которая еще в 1833 году издала знаменитый «Акт о полной отмене рабства в колониях». Следует помнить, что Англия имела на Конго весьма серьезные виды, недаром была организована Английская ассоциация для реформы Конго приблизительно

с такими же прекрасными целями, как леопольдовская Международная африканская ассоциация. О зверствах в Конго было немало выступлений в парламенте, в которых в достаточной степени доставалось бельгийскому королю Леопольду, владевшему Конго до 1907 года. В одном выступлении (в июне 1906 года) Джордж Паркер возмущался Леопольдом, который, по его словам, «захватил эту область во имя принципов морали, цивилизации, а между тем ввел в этой части света такой зверский режим, подобного которому мир еще не видел». Даже английский король Эдуард VII в своей тронной речи (29 января 1908 года) сказал, что «мое правительство испытывает сильное волнение по поводу невыносимого положения, в котором находится население Конго».

3. Рабство XX^{го} века

Теперь положение туземцев в Конго не лучше, а даже, пожалуй, хуже, чем было в 1907—1908 годах, о чем свидетельствуют попадающие время от времени в прессу сообщения и большое число кроваво подавленных восстаний за последние годы.

Но ни одна из цивилизованных стран больше не возмущается положением в Конго, находя это, очевидно, в порядке вещей. Да кроме того слишком уже явно, что у каждой из них «рыльце в пуху». Возмущения буржуазной Англии в 1907—1908 годах были вызваны не ее чрезмерным свободо- и человеколюбием, а ее желанием самой приобщиться к джунглевым богатствам Леопольда. Произнося громовые речи в парламенте, английские империалисты вели себя в своих собственных африканских колониях не лучше бельгийских. Во всех английских колониях рабство является обычной формой использования труда туземцев. Богатейший материал по рабству в колониях цивилизованных стран дает книга «Рабство», изданная в 1930 году леди Симон, чрезвычайно далекой от каких бы то ни было социалистических тенденций. В Абиссинии, Аравии, Либерии, во многих местах Западной Африки и в других колониях до сих пор процветает рабство в «классическом виде», включая и торговлю рабами (что было установлено особой комиссией Лиги наций). В комиссии Лиги дело замяли, в печать не попало почти ничего. Все же выяснилось, что среди «знатных рабовладельцев» большую роль играл бывший испанский король Альфонс, который покупал рабов у либерийского правительства для своих предприятий в испанских колониях.

Во всей Африке туземцев насильно сгоняют на работу на плантациях, в рудниках, копях и шахтах. Их заставляют подписывать кабальные договоры, которыми они, по всем правилам законов, «добровольно» осуждают себя на рабский, подневольный труд. Их зарплата ниже зарплаты белых рабочих больше чем в десять раз. Они живут в невыносимых условиях, под присмотром, как в тюрьме. От эпидемий, непосильного труда и голода они умирают во множестве, а армия вербовщиков гонит новые и новые партии «добровольцев».

Не в лучшем положении находятся крестьяне. Например, в английском Южноафриканском союзе все лучшие земли принадлежат белым фермерам, и туземные крестьяне вынуждены арендовать у них землю. Для фермера туземные крестьяне являются дешевой, а то и бесплатной рабочей силой, которую он всячески эксплуатирует. И так как эта рабочая сила разбегалась, то был издан закон, по которому туземец-арендатор должен работать на фермера 180 дней в году. Никто не имеет права нанимать туземца-крестьянина, если у него нет паспорта, удостоверяющего, что он отпущен фермером на определенный срок. Если фермер продает свою землю, то вместе с землей к новому хозяину переходит и крестьянин.

Это крепостное право в самом чистом виде, и оно восстановлено Англией в 1932 году, почти как раз в ознаменование столетия со дня издания (в 1832 году) «Акта о полной отмене рабства в колониях»!

Не лучше дело обстоит и в Индии, где крестьянство — 70 процентов всего населения — закабалено налогами, которые со времени наступления кризиса не только не уменьшились, но были еще увеличены. Как же живут крестьяне-индусы?

В 1928 году директор по охране здоровья в Бенгалии сообщал в своем официальном отчете: «В настоящее время громадная часть крестьянства Бенгалии получает такое количество пищи, при котором даже крысы не могли бы прожить более пяти недель». Понятно, почему в 1926 году из 131 тысячи родившихся в Бенгалии детей 119 тысяч умерло в возрасте от одного до двенадцати месяцев.

Задолженность крестьянства по арендной плате и налогам все возрастает. Власти накладывают арест на жилище, волов и зерно, и крестьянин осуждается на голодную смерть, все же не имея возможности ликвидировать свою задолженность. Индийская газета «Гинду» от 22 марта 1933 года сообщает, что «крестьяне Пенджаба даже продавали своих дочерей, чтобы уплатить налоги и проценты ростовщику».

Так обстоит дело с колониями цивилизованной буржуазной Англии, близко к сердцу принимавшей бедственное положение негров Бельгийского Конго.

4. Дровосеки в человеческом лесу

Не лучше действуют и остальные «цивилизаторы». Достаточно привести в пример постройку железных дорог в целом ряде французских африканских колоний, что рассматривается как важный шаг внедрения «цивилизации» в Африку. На постройку дорог негры толпами сгонялись за сотни километров специальными вербовщиками с вооруженными отрядами солдат. Уже по дороге они сотнями мерли от истощения и усталости.

Вот что пишет о таком строительстве реакционная французская газета «Тан» в 1929 году:

«В течение первых же месяцев работы в горах Моюмби все пригнанные сюда негры были скошены: одни дизентерией, вследствие недостаточной пищи и отсутствия чистых жилищ, другие — воспалением легких, из-за климатических условий, третьи — голодом, из-за скверной организации снабжения продовольствием, четвертые погибли от истощения и непосильной работы. Из каждой сотни 60 человек умирает в течение года. Каждая партия таких рабов работает около двух лет... Сколько погибло негров на этом участке, мы не знаем, но, очевидно, не меньше, чем проложено рельсов. Некоторые определяют количество погибших в 18 тысяч человек, т. е. по 130 человек на каждом из проложенных 140 километров».

Постройка дороги — это смерть. Население толпами стало убегать в леса, оставляя пустые деревни.

Французский журналист Лондре, побывавший на постройке, рассказывает:

«В округах, населенных когда-то людьми, вербовщики находили лишь шимпанзе. Можно ли строить железные дороги с помощью обезьян? Мы начали охотиться за неграми. Наши люди ловили их арканами и т. п. Мы надевали на них «ошейники», как их тут называют. Человеческий материал, завербованный здесь таким способом, был не из лучших. Процент смертности увеличился. «Мы должны пойти на потерю 6 или 8 тысяч человек, — говорил генерал-губернатор, — или отказаться от железных дорог». Однако число жертв было гораздо более значительно. На сегодняшний день оно уже превышает 17 тысяч человек. Мы являемся дровосеками в человеческому лесу».

«Дровосеки в человеческом лесу» — вот блестящая оцен-

ка «цивилизаторской» деятельности империалистов среди
цветных народностей.

Век высшей «цивилизации и культуры» — XX век, в
империализма, вполне заслуженно можно назвать веком с
мого откровенного и беспощадного рабства.

Современной колониальной действительности не вид
Данте, творец «Божественной комедии». Иначе ему пришлось
бы много изменить и усилить в своем «Аду», средневековы
ужасы которого кажутся детской забавой по сравнению
империалистической действительностью наших дней.

Страницы
утрачены

мнению Гобино, созданием арийской расы. Где и когда бы в истории человечества ни возникала высокая культура, всегда и везде она обязана творческой и культурной мощи длинно-головых, высокорослых и голубоглазых арийцев. Лишь только они и примесь их крови двигали цивилизацию по пути прогресса. И лишь только полное господство арийцев на земле могло и должно было бы привести человечество к недосыгаемым высям сверхкультурного будущего. Но несчастье в том, что помимо длинноголовых арийцев имеются низшие расы и короткоголовые элементы человечества. Они не способны к культурному развитию. Даже то, что уже достигнуто с помощью арийцев, они снижают и разрушают своим тлетворным влиянием. Вначале арийцы завоевали эти короткоголовые и низшие расы, превратив их в своих подчиненных, в рабов. Но смешение владычествующих арийцев с короткоголовыми элементами постепенно загрязняет чистоту арийской крови, что ведет к снижению культуры, первым признаком чего является победа демократических принципов. Дальнейшее загрязнение арийской расы грозит крахом и полным закатом культуры и цивилизации. Спасти культуру и цивилизацию человечества можно, лишь спасая чистоту арийской расы, лучшие образцы которой Гобино видел в германцах — «этом наиболее благородном отпрыске белой расы».

Такова сущность «гобинизма».

Неважно, что научное обоснование учения Гобино было очень поверхностно и слабо. Неважно, что граф Гобино очень откровенно и, что называется, с головой выдавал всю социальную подоплеку своего учения. Важно лишь то, что его основная идея о неравенстве рас давала идеологическое оружие в борьбе с демократизмом. Именно из-за этого гобинизм лег в основу биологического обоснования самых реакционных, самых человеконенавистнических теорий.

В «демократическом» XIX веке гобинизм не особенно пришелся «ко двору». Сторонники гобинизма насчитывались единицами и то почти исключительно в Германии, среди «наиболее благородных отпрысков белой расы».

Но наступил XX век — эпоха империализма, век рабства, век борьбы за мировое господство. Вместе с дальнейшим ростом и обострением внутренних и внешних противоречий между отдельными империалистическими странами, между империалистическими странами и колониями и полуколониями, с дальнейшим углублением всеобщего кризиса капитализма, с небывалым обострением классовой борьбы, — гобинизм приобретает все более и более плодородную почву для своего роста и расцвета. XX век, возродивший и углубивший самые

отвратительные формы рабства, поистине может быть назван также веком гобинизма.

На смену непризнанного и в свое время обруганного Гобино фашистская действительность создала кадры популярных и признанных ученых-вождей человеконенавистничества. На немецкой почве выросли Вольфман, Гютнер, и Ленц. Германия же приютила одного из столпов гобинизма — англичанина Чемберлена.

В Америке отстаивают расовые теории Стоддард и Грант. «Дух времени» достаточно ярко сквозит даже в названиях некоторых «научных» трудов современных расовиков. Гайзер озаглавливает свою статью «Рабство. Его биологическое обоснование и моральное оправдание». Стоддард пишет книгу под бульварным широкоощетельным названием: «Гибель культуры. Угроза низшего человека».

Человеконенавистничество стало настолько выгодным делом, что крупное издательство Лемана в Мюнхене специализировалось на вопросах неравенства рас, получая от этого большой доход даже во время всеобщего кризиса. Но учение Гобино было использовано лишь как старые меха, в которые было влито новое вино. Своим «учением» Гобино превозносил как высшую расу, как цвет человечества умирающую аристократию. Социальное умирание феодальной аристократии под напором развивающегося капитализма, продвижение магнатов капитала в господствующую верхушку и завоевание ими руководящих высот Гобино считал началом конца культуры и цивилизации. Позднейшие же гобинисты — идеологи другого класса. Они воспользовались учением Гобино о неравенстве рас как оружием для защиты тех, против которых боролся сам Гобино, — для защиты буржуазии, занявшей верхушку социальной лестницы. Произошла лишь «небольшая», но вразумительная замена. Вместо аристократии «самой полноценной», «высшей» частью человечества оказалась буржуазия — господствующая верхушка капиталистического общества.

Каковы же научные обоснования современного гобинизма и ему подобных теорий так называемых расовиков?

Исходят они из того, что отдельные расы различаются по внешнему и внутреннему строению.

Учитывается длина черепа, прямые или выдающиеся челюсти, косозубие, наличие постоянных выступов над глазничными впадинами (надбровные дуги), объем черепной коробки, окраска кожи, форма и окраска волос и пр. Американский антрополог Мортон уже давно выставил и всячески обосновывал положение, что различные человеческие расы

отличаются различным объемом черепной коробки, а значит и различной величиной самого мозга. Согласно его учению европейцы обладают мозгом самой большей величины, тогда как все остальные расы обладают меньшим мозгом, а у «низко стоящих» чернокожих рас наблюдается «самый маленький и самый неразвитый мозг». Если же при этом малом объеме черепной коробки со «слабо развитым мозгом» имеются и выдающиеся челюсти, какие мы встречаем у многих чернокожих рас, да к тому же еще плоский и широкий нос украшает их лицо, то разве это не говорит о животноподобности данной человеческой расы? С точки зрения расовиков в этом не может быть никакого сомнения. И они стараются это доказать различными сопоставлениями, крайне тенденциозными, «научно точными» рисунками и бесконечным множеством столбцов всяких индексов и соотношений. Таковы были «научные доказательства» еще во времена Гобино, то же осталось и теперь. Все это должно доказать, что «низшие» расы стоят даже ближе к обезьянам, чем к человеку.

Бывший социал-демократ и «марксист» Вольтман (умерший в 1907 году) в своей «Политической антропологии» пишет следующее: «На основании чисто морфологических (касающихся строения. — А. Б.) и физиологических соображений мы должны прийти к заключению, что великорослый, с большим черепом человек, с долихоцефалией и светлым пигментированием (окраской. — А. Б.) — следовательно, северо-европейская раса — будет самым совершенным представителем человеческого рода и высшим продуктом органического развития».

Этот «высший продукт органического развития», лучшим образцом которого может служить лишь чистый тевтонец, т. е. немец, является верхом совершенства не только по своему строению, но и по красоте¹.

Различия строения влекут за собой и более существенные различия между расами, а именно: различия в умственной одаренности и способностях. Именно эти различия являются, по мнению расовиков, решающими факторами в истории человечества. Духовная ограниченность низших рас не только не дает им возможности создавать культурные ценности, но даже и воспринять и освоить уже имеющиеся достижения культуры и цивилизации. Цивилизация и культура скатывается с них, «как с гуся вода». Она воспринимается ими

¹ Хотя «о вкусах не спорят», но само собой разумеется, что по мнению гобинистов арийская раса должна, по чисто «объективным» признакам, считаться самой «красивой» расой, тогда как в «низших расах» они также «объективно» находят «отталкивающее безобразие».

лишь поверхностно, не доходя до самого «нутра» их жизни, быта и воззрений.

Но такова участь не только цветной расы — таковы и все короткоголовые элементы среди европейцев. Они не имеют никаких творческих способностей. В лучшем случае они могут лишь воспринять культуру цивилизованного народа, но, восприняв, они перерабатывают ее по-своему и до неузнаваемости снижают культуру и ведут ее к гибели. И расовики «доказывают» это всей историей человечества. Только арийцами созданы все знаменитые культуры человечества — древние культуры Индии и Китая, Вавилона и Египта, Греции и Рима.

Все эти культуры сошли с исторической арены. Развалины когда-то могучего Вавилона погребены теперь под мусором тысячелетий. Индия, Китай и Египет превратились в жалкие колониальные или полуколониальные страны. Могущественная Римская империя, перед которой трепетали народности всего известного тогда мира, превратилась в второстепенного участника мировой политики, а блестящая Греция перешла на роль почти безмолвного статиста.

Чем же вызваны изумительные исторические превращения?

5. Гибель культуры, головной индекс и большевизм

Граф Гобино видел причину гибели культуры в смешении чистых арийцев с низкосортными элементами человечества — с низшими и короткоголовыми расами. Современные гобинисты стараются прикрыть циничную классовую наготу этого положения Гобино броней научных доказательств.

И из чего только не выковывалась эта непроницаемая броня! Языкознание и физиология, антропология и этнография, мифология и народный эпос — все мобилизовывалось для того, чтобы доказать, что низшие и короткоголовые расы — это угроза культуре, тем более опасная, что низшие расы чересчур живучи и плодовиты «благодаря своей физической и в особенности сексуальной силе, обычно связанной с относительной духовной ограниченностью» (Чемберлен).

Сохранившимися статуями и красочными изображениями, описаниями из сказаний и легенд различных народов, ссылками на классиков древности, «анализом» языков и обычаев и т. д. и т. п. современные гобинисты стараются доказать, что все культуры древности были созданы пришельцами северной, арийской расы. Еще в доисторические времена Каменного века началось продвижение арийцев на юг и восток. Волны арийцев одна за другой покидали свою родину — се-

веро-запад Европы, равнины северной и центральной Германии, отправлялись на завоевание новых областей. Перевалив через Альпы, они достигли Италии, через Карпаты внедрились в Грецию, проникли в Северную Африку, пробрались в Персию, а оттуда в Индию, доорались и до Китая. Они несли с собой начатки земледелия и скотоводства, искусное изготовление глиняной посуды, постройку бревенчатых прямоугольных домов, т. е. высшие достижения культуры каменного и начала бронзового века. С морских берегов своей родины они уносили с собой янтарь, распространяя его по своему пути, где внедряли свой индо-германский язык, свои религиозные представления и обычаи, среди которых очень характерным для них уже с конца каменного века был обычай сожжения трупов.

Прекрасная по стройности историческая картина! Жаль, только, что сам Гюнтер вынужден признать, что «следы первых волн северных народностей пожалуй что исчезли навсегда».

И расовики отыгрываются на «косвенных доказательствах». Что же это за «доказательства»?

Во-первых, утверждает Гюнтер, язык. «Где теперь говорят на индо-германских языках, — пишет Гюнтер, — там была прежде территория, где господствовала аристократическая верхушка северной расы».

Древние саги (сказания вроде наших былин), некоторые описания, сохранившиеся в исторических документах, скульптурные и раскрашенные изображения и пр. также призваны доказать, что «индусы, персы, греки, римляне были первоначально сынами белокурой, светлой расы, которые постепенно, путем смешения с более темными туземцами, более или менее утеряли свои признаки» (Вольтман). По описаниям древние персы и индусы, греки и римляне были белокурыми, высокорослыми и светлоглазыми народами — пришельцами. Белокурыми и светлоглазыми они представляли также своих богов и героев. Но эти благородные, арийские элементы составляли лишь господствующую верхушку, тогда как низшие сословия — короткоголовы, низкорослы и черны. Для «доказательства» приводятся древние индусские записи, по которым внедрившиеся северные народности описываются как «рослые», «белые», «светлые», «красивоносые», в отличие от местного населения, презрительно называемого «темной кожей», «маленькими», «черными», «безносыми». Этим расовым подразделением сословий Гюнтер думает объяснить и древнеримскую поговорку, приводимую Горацием: «Этот черен, остерегайся его, римлянин».

В этих, с позволения сказать, «доказательствах» мы разберемся дальше. Пока же продолжим нашу экскурсию по «научному» арсеналу расовиков.

Сословное, классовое или кастовое расслоение общества всегда имело и имеет, по мнению расовиков, одни и те же причины. «Распадение общества на сословия и профессии,— пишет об этом Вольтман,— является последствием разделения труда и господства на основании различий телесных и душевных способностей. Это расчленение общества основывается либо на племенных и расовых различиях, либо на вариациях (изменениях.— А. Б.) в накоплении индивидуальных энергий внутри одной и той же расы».

Многие буржуазные антропологи стараются наперебой доказать, что знатное, аристократическое и вообще господствующее население склонно к долихоцефалии, тогда как в низших слоях населения — крестьянстве и пролетариате — наблюдается сильная склонность к брахицефалии. Долихоцефалии господствующих классов или сословий соответствует и более высокий рост и более светлая окраска кожи и глаз. На поприще подобных изысканий много сделал французский гобинист Лапуж, немецкий антрополог Фраас, Аммон и др. По их мнению, «широкая голова (брахицефалия) встречается гораздо чаще в таких профессиях, которые требуют физической работы, узкая же (долихоцефалия) — у таких людей, которые посвящают себя более интеллектуальным деятельности». Недаром, по их мнению, интеллигентный человек называется в Англии «длинноголовым человеком», и в Мекленбурге об особенно умном человеке говорят так же как о человеке с длинной головой. В Германии же глупый человек называется часто «квадратным черепом». Среди профессий умственного труда — юристов, врачей, писателей, учителей — обнаруживается и большее число высокорослых, чем в других профессиях. Городское население всегда более длинноголово, чем деревенское. Например, по исследованию Лапужа в одном из департаментов Бретани головной индекс городского населения составляет 82,2, а деревенского 84,7. Подобная разница на 2—4 процента была установлена и для других мест. Аммон нашел среди ученых 33 процента ясно выраженной длинноголовости, тогда как среднее городское население обладает только 25 процентами долихоцефалов.

Благородные сословия некоторых цветных народностей, например малайцев, тайтян, индусов, японцев, также обладают большим ростом, более светлой окраской кожи и глаз и склонностью к долихоцефалии. Расовики, ничуть не смущаясь, и это объясняют тем, что благородные, господствующие

сословия состоят из... чуждой расы завоевателей — пришельцев с примесью арийской крови! Не социальные причины распределяют людей по классам и сословиям — вопрос решает головной индекс, окраска кожи и рост.

Антропологическая основа деления на сословия и даже профессии — вот окончательный вывод расовиков. С их точки зрения это закон природы, ввиду чего «так было — так будет».

Головной индекс решает и судьбу народов и всего человечества. Единственными творцами и носителями культуры и цивилизации являются арийцы — долихоцефалы.

Но в своих завоевательских странствованиях арийская раса неоднократно подвергалась скрещиванию с монгольскими и другими низшими короткоголовыми расами, и это вело к увеличению головного индекса. Об ужасных результатах этого ясно и определенно говорит Чемберлен. Упомянув о движении арийцев на юг и восток, он добавляет: «Затем следует большая примесь монгольского элемента, которая по изысканиям Бушана привела к явному уменьшению емкости черепа, величины мозга, а вместе с тем и восприимчивости к культуре — короче говоря, к поглуплению».

Подобного типа снижением «восприимчивости» к культуре — короче говоря «поглуплением» — стараются расовики объяснить гибель всех великих культур древности, созданных «великими арийцами».

И Греция и Рим погибли потому, что увеличивался головной индекс населения. Даже среди «благородных» сословий и аристократии все больше и больше повышался процент брахицефалии. Это якобы видно и по сохранившимся статуям и по измерениям черепов времен расцвета и упадка культуры. Головной показатель древних греков поднялся с 76 до 81. Таблицы Лапужа должны доказать то же для римлян и других народностей.

С повышением головного индекса исчезают великие люди. Исчезают носители и творцы культуры. И быстрыми темпами культура идет к упадку и неминуемой гибели.

Почему же увеличивается головной индекс? Почему брахицефалия низов начинает просачиваться в аристократические, господствующие верхи, лишая их творческих сил, необходимых для поддержания и дальнейшего расцвета культуры?

Арийская раса, согласно расовикам, отличается двумя особенностями. Из всех рас она хуже всего акклиматизируется, и условия жизни в жарких странах для нее губительны. Помимо этого светлокотые, голубоглазые и высокорослые арийцы, богато одаренные умственными качествами, являются в

то же время (увы!) наименее плодovитой расой на земле. Таково, во всяком случае, глубокое убеждение расовиков, которые стараются доказать, что где больше примеси арийской крови, там меньше рождаемость. Например, Гюнтер указывает, что «число рождений в странах Европы постепенно убывает с востока на запад и с юга на север, т. е. обратно степени участия северной расы в европейском населении».

Обе эти особенности являются губительными для господства арийцев. Попав в условия жарких стран, например в условия Индии или Египта, арийская раса осуждена на постепенное вымирание. Жестокое кастовое подразделение, которое арийцы ввели в Индии для поддержания своего господства и аристократического образа правления, привело к прогрессирующему численному уменьшению господствующей верхушки. Смешение с туземцами стало неминуемой необходимостью, как противоядие против смертоносного действия тропического солнца и малой рождаемости. Смешение придало арийцам более темную окраску кожи, спасительную в условиях тропического юга, но оно же повлекло за собой и укорочение черепа, т. е. «поглупение», что и привело к гибели индусской культуры.

И в древней Греции и в Риме аристократические арийские верхи медленно, но верно шли к вымиранию. Правящая верхушка пополнялась выходцами из низов, и процесс пошел особенно быстро тогда, когда денежный капитал стал важным фактором в расслоении общества. Материальные интересы и ведение денежных дел не в духе благородных арийцев. Они рождены «для звуков сладких и молитв». Они полны стремления к красоте и справедливости, стремления к героическим делам. Они никуда негодные дельцы, но прекрасные воины, хорошие поэты, художники, философы и вожаки. И как раз эти их качества, позволившие им породить культуру и цивилизацию, отодвигают их на второй план перед корыстолюбивыми, ограниченными и жадными до денег низами, живущими лишь мелочными интересами материальной жизни. Но настойчивые в своих желаниих низы уверенно идут к достижению своих мелочных, земных целей. Они добиваются до вершук социальной лестницы, тогда наступает конец господства чистых арийцев — значит, начало конца культуры и цивилизации. Так было в древней Греции и Риме. Так дело обстоит и теперь. Уничтожением сословных подразделений, вознесением золотого тельца на пьедестал единственно реально почитаемого бога, — гремят фашистские демагоги от «науки», — капитализм проложил дорогу неполноценным низам к господствующей верхушке. Он повлек за

собой демократию и гражданские свободы. Он положил начало всевозможным расовым смешениям, или «хаосу крови», по определению Лундворга. И примерный ученик Гюнтера, Ленца, Готтарда и Чемберлена, социал-демократ Гротьян пишет: «Теперешнее положение, при котором восстановление высших слоев происходит меньше за счет собственного размножения, а главным образом за счет поднятия отдельных лиц из нижних слоев, со временем наверняка приведет к обеднению нации деятельными и одаренными людьми, обладающими сильной волей».

По учению расовиков современному цивилизованному миру грозит участь Греции и Рима. Но эта гибель будет последней лебединой песнью культурного человечества, так как на земле больше не останется достойных наследников и продолжателей культурного развития, не останется чистых арийцев с их творческой мощью и исключительными умственными дарованиями.

И расовики начали бить тревогу: достаточно с нас гибели Индии и Египта, Греции и Рима! В общечеловеческих интересах необходимо поднять борьбу за культуру и цивилизацию, необходимо дать отпор низшему человеку.

Высокий головной индекс — вот опаснейший яд для цивилизации! Короткоголовые — вот злейшие ее враги!

И среди них особо почетное место уделяется евреям. «Еврейская раса, — пишет Вольтман, — по наблюдениям и признаниям даже еврейских врачей, находится в физическом упадке, так что уже ради только этих оснований (расовик пробалтывается, что есть другие «основания»! — А. Б.) нельзя рекомендовать для германских элементов расовое скрещивание с евреями». Это, так сказать, антропологически-физиологическая сторона вопроса. Другой стороны вопроса касается Гюнтер. «Экономическим могуществом достигнутое влияние еврейского духа, — пишет он, — представляет глубокую опасность для жизни европейских народов и народа Северной Америки».

В чем же выражаются эти опасные духовные достижения короткоголовых?

Короткоголовые — практики и материалисты. Им должна казаться смешной идеалистическая философия — «прекрасное детище» арийского духа. Короткоголовые — люди земли, а не заоблачных высей. Они не могут подняться над опытом своей повседневной жизни. Им недоступно чистое мышление, глубокое проникновение в сущность космоса, рождающее идею «высшего разума», божества. Короткоголовые — люди среднего, посредственного, обычного, недаром им принадлежит

идея равноценности людей, идея демократии, стремление к обезличивающему социализму. И своего наивысшего расцвета все эти идеи и представления, вся философия «низшего человека» достигла в большевизме. В нем сконцентрировалась вся соль «духовной немощи» неполноценных рас.

Так расовики срываюТ с себя маску, обнажая под псевдонаучной личиной лицо фашизма.

Большевизм, вопяТ они, опасен тем, что он зовет на бой. На последний и решительный бой с господствующими верхушками, с носителями и творцами культуры и цивилизации. Большевизм — это опаснейший яд, это смертельная зараза. Он дал оружие низшему человеку в его губительном натиске на культуру и цивилизацию.

— Крестовый поход против большевиков, единый фронт против СССР! — истерически вопяТ «профессора»-расовики со страниц своих книг и с университетских кафедр, предоставленных им хозяевами — фашистами.

«Сама судьба как бы указала этот путь, — заявляет сам Гитлер. — Предав Россию во власть большевизма, она отняла у русского народа интеллигенцию, которая до этого времени гарантировала его государственное состояние. Ибо организация русского государства не была результатом государственной способности славянства в России, а только блестящим примером государственно-творческой деятельности германского элемента среди нижестоящей расы».

Ибо «великая и обильная, но лишенная порядка земля» стала государством, когда в нее был приглашен княжить ариец — варяг Рюрик. И «арийцы» «наводили порядок» до октября 1917 года, пока не пришел Ленин и не уничтожил «германское ядро» и не установил «власть монголоидов».

Слуга монополистического капитала перевел «ученые» речи расовиков на язык фашистской интервенционистской политики.

6. Теоретики фашистского террора

«Всегда будут рабы и господа —
таков закон природы».

Н и ц ш е.

«Падающего толкни».

Н и ц ш е.

Выживание наиболее приспособленных — вот закон органической эволюции. Органическая эволюция достигла поражающих нас совершенных форм лишь потому, что «путевки в жизнь» она выдавала в крайне ограниченных количествах,

с большим выбором, с исключительной осторожностью. Естественным отбором, как мастерским резцом ваятеля, природа вытачивала совершенные формы своего творения. И это происходит быстрее и лучше, чем безжалостней и беспощадней действует естественный отбор.

В природе нет и не может быть жалости. Естественный отбор исключает ее; она мешала бы совершенствованию и привела бы всю органическую жизнь к гибели.

Как же обстоит дело в человеческом обществе?

Крайне любопытно проанализировать ответ на это буржуазных ученых, философов, теоретиков и апологетов фашизма, — ответ, исчерпывающе разоблачающий партийность науки в классовом обществе.

С одной стороны, у многих буржуазных ученых имеется тенденция оторвать человека от животного мира, возвести между человеком и остальными животными непреходимую грань, поставить человека в исключительное положение, чтобы заставить думать о его особом происхождении (впоследствии нам еще придется говорить об этих своеобразных «мостах» от буржуазной науки к религии). И тем интересней, что буржуазная наука, выполняя свой «социальный заказ», одной рукой отрывает человека от животного мира, другой же рукой переносит на человека все законы, свойственные миру животных.

Дарвиновский биологический принцип борьбы за существование и естественного отбора превращают в универсальный закон, действующий также и в человеческом обществе. «Только полное господство беспощадной борьбы за существование, — пишет Пассарж, — гарантирует телесное и духовное здоровье народов, а этим самым и прогресс культуры».

С точки зрения расовиков «низшие» расы, находящиеся в рабском подчинении у «высших», должны считаться неполноценными и несовершенными. У Вольтмана (а нечто подобное можно найти у каждого из расовиков) мы уже читали, что арийская раса является «самым совершенным представителем человеческого рода и высшим продуктом органического развития». Это следует понимать так, что волею естественного отбора именно эта раса благополучна на полное господство. Полное господство — это ее «долг, завещанный от бога», это ее святая миссия, для которой естественный отбор и выковывал ее в продолжение всей органической эволюции, длившейся сотни миллионов лет. Все же остальные расы — это мусор человечества. И если они могут оказаться чем-то полезными человечеству и цивилизации,

то лишь только как рабочий скот, выносящий на себе все необходимые тяготы культурного прогресса.

Быть может, изложенные здесь бредовые мысли поклеп на расовиков, имеющих все-таки профессорские дипломы?

Но вот выдержки.

Вольтман так и пишет: «Германская раса (она же арийская.— А. Б.) призвана охватить земной шар своим господством, использовать сокровища природы и рабочей силы и включить пассивные расы как служебный член своего культурного развития».

Нам знакома практика подобного «включения» — это рабство в колониях, это «дровосечество в человеческом лесу».

Видный буржуазный ученый Пирсон вполне оправдывает это «дровосечество», говоря: «Мысль об уничтожении менее приспособленных, являющемся благодетельным фактором развития человечества, должна сделаться составной частью нашего миропонимания; мы должны смотреть на это уничтожение, как на главную причину умственного и физического роста человечества в прошлом... как на главный источник всего того лучшего, что мы ценим в интеллекте и в телосложении человека теперешнего». «Можно глубоко сожалеть об этом трагическом факте, — писал по тому же вопросу еще в прошлом веке знаменитый естествоиспытатель-механист и социальный дарвинист Геккель, — но нельзя ни отрицать, ни изменить его. Все званы, но лишь немногие избраны! Отбор этих избранников необходимо связан с ущербом и гибелью остального большинства».

А нынешние фашиствующие буржуазные антропологи не только признают этот «неизменяемый факт», но яростно защищают его. Их голоса часто превращаются в негодующие вопли против гуманности, жалости и человеколюбия, против облегчения участи слабых, осужденных на гибель. Сильный должен господствовать, а слабый погибнуть, — вопят они, — иначе гибель грозит всему человечеству. Поэтому: жалость, сочувствие, человеколюбие, гуманность «приносят», как писал английский философ и ученый Спенсер, «огромный и бесспорный вред». Они вредны тем, что мешают «естественному процессу выпалывания» (т. е. естественному отбору). И, чтобы человечество могло достигнуть полного совершенства, надо всячески помогать «выпалыванию» сорных трав.

Отсюда и громкий призыв, с которым обратился к человечеству Ницше — этот самый яркий, последовательный и талантливый выразитель «зверя в человеке». Человек должен достигнуть высшего совершенства. Он должен стать сверхчеловеком, но для этого он должен «освободить зверя от оков че-

ловеческого». Зверя, который, по Ницше, «к счастью людей», еще уцелел в человеке.

«Нет яда более ядовитого,—говорит Ницше устами Заратустры,— чем учение о равенстве». В человечестве есть лишь небольшая кучка знати, аристократия духа, которая может и должна послужить исходным началом для сверхчеловека. Остальная же масса — это масса неполноценных и незначительных людей, уделом которых Ницше считал «веру и подчинение», тогда как первым предназначались «власть и творчество». Всегда будут рабы и господа — таков закон природы, утверждал Ницше. На эксплуатации низших должен воспитываться и вырастать сильный духом и телом сверхчеловек. Человечество мельчает, потому что вымирают аристократы духа, с избытком заполняясь низшими, неполноценными элементами. И решающую роль в этом мельчании и вырождении человечества играет, по Ницше, «укрощение» зверя в человеке. Жалость, общественная мораль, гуманность, справедливость, сочувствие — вот опасные враги сверхчеловека. «Равным равное, неравным неравное — таков должен быть истинный принцип справедливости». И поэтому «демократическое движение,— пишет Ницше,— не только несовершенная форма политической организации, но упадок, или, вернее, принижение человека. Оно превратило бы людей в карликов с одинаковыми правами и требованиями, а общественный строй — в автономное стадо».

«Падающего толкни» — такова единственно справедливая по Ницше мораль жизни.

«Земля полна таких, которые должны быть осуждены на смерть».

Эпоха империализма, яростных классовых схваток и озверелого фашистского террора подготовила благоприятную почву для незамеченной в XIX веке философии Ницше, так же как она подготовила благоприятную почву в области антропологии для гобинизма.

Из модного наряда для прикрытия различных антисоциальных поступков «сверхлюдей»-одиночек ницшеанство возводится в систему действий, в тактику социальных методов борьбы. «Вражда Ницше к пролетариату,— пишет Кирхнер — один из соратников Ленца, Гюнтера и др., — к малоодаренным, бедным, незначительным, его аристократическое мировоззрение являются необходимой, здоровой реакцией против процесса пролетаризации» (подчеркнуто мной.— А. Б.).

В одном из своих «ученых» трудов Гюнтер жалуется на «гуманность» современного законодательства цивилизован-

ных стран, которой гордился XIX век. «Как бы благонамеренным оно ни желало быть,— пишет он,— законодательство XIX века содействовало вырождению западноевропейских народов тем, что оно следовало духу «гуманности». «Неправильно понятое «человеколюбие» привело теперь западноевропейские народы к тому, что социальная помощь и социальные мероприятия касаются главным образом людей с неполноценными наследственными задатками».

Раздаются голоса против социального страхования. Достаточно указать хотя бы на книгу доктора Лика «Вред социального страхования и пути к его улучшению» (1927 год). Основное положение этой книги — все «современное социальное попечение являются больше рассадником болезней, чем социальной гигиеной».

С точки зрения Гюнтера, Лика и др., государство, затрачивая деньги на социальное страхование, совершает двойное зло. Во-первых, деньги тратятся зря, а, во-вторых, эта затрата способствует лишь повышению рождаемости неполноценных элементов. Основой законодательства Гюнтер считает нужным сделать положение Ницше «падающего толкни», которое «при всей своей кажущейся жестокости вызвало бы улучшение народов».

В эпоху империализма довольно абстрактный и теоретический «зверь в человеке», к какому взывал Ницше, приобрел плоть и кровь и превратился в вполне конкретную программу действий. Первый и основной пункт этой программы — «долгой гуманность и жалость в законодательстве». Бедные и голодные пусть гибнут. Нужно не только не поддерживать их, но ускорить процесс их «выпалывания». Недаром знаменитый американский биолог Конклин приветствует современный экономический кризис, родивший безработицу, так как, с его точки зрения, «кризис способствует отбору». Неминуемая гибель миллионов безработных и голодных лишь очистит человечество от множества никчемных и малоценных элементов.

Спокойно-холодные глаза зверя смотрят на нас из выступлений и заявлений целого ряда ученых. Вот, например, «истинно научная» программа действий, предложенная известным ботаником Истом для разрешения расовой проблемы в Африке. «Надлежит осуществить,— пишет он,— экономическую борьбу между этими двумя типами (белыми и черными. — А. Б.), резко различающимися в смысле своих умственных способностей, причем эта борьба поведет к выживанию наиболее приспособленных».

Что это такое, как не призыв быть «дровосеками в человеческом лесу»?

Так расправляются расовики с «низшими» расами. Но и «высших» они не оставляют своим попечением.

«Наука» гобинистов, как мы видели, обеспокоена тем, что смешение с «низкосортными» элементами человечества грозит гибелью нашей современной цивилизации. Все труды теоретиков фашизма и буржуазных антропологов пронизаны этим ужасом перед смешением. Например, у одного из видных профессоров южных штатов Северной Америки мы читаем: «Никакое бедствие, которое могло бы постигнуть Юг, не идет в сравнение с опасностью смешения. Пожар и наводнение, лихорадка, война и голод, собственное невежество и лень — все это Юг может превозмочь и перенести, пока его кровь остается чистой. Но когда будет загрязнен живой источник его жизни, тогда все потеряно, не исключая и чести».

И разве после таких авторитетных заявлений со стороны «ученых» можно считать грехом суды Линча? Пожалуй, даже наоборот — эти суды превращаются в героический подвиг спасения чести и поддержания чистоты «источника жизни», недаром почти все суды Линча идут под лозунгом обвинения негров в изнасиловании белых женщин или в попытках к подобному изнасилованию.

Но по теории расовиков неполноценными являются не только цветные народности, но и все короткоголовые, темно-волосые и темноглазые народности, в первую очередь евреи, затем «низшие сословия» и... большевики, каких бы мастей они ни были.

Некий Томпсон в американском научном антропологическом журнале публикует статью «Самоубийство расы в Соединенных штатах», в которой многими статистическими данными доказывает процесс замещения первоначального «северного» элемента Соединенных штатов славянами и евреями. На том же основании известный уже нам американский гобинист Грант поднял громкий вопль об «угрозе низшего человека». И этот вопль послужил как бы научным обоснованием целого ряда новых законов, ограничивающих право иммиграции в Америку для евреев, для желтой расы и некоторых других цветных народностей, — законов, экономическую подоплеку которых легко разгадать в условиях кризиса, научившего буржуазию бояться новых пришельцев — конкурентов и новых ртов.

Американские иммиграционные законы приветствовали немецкие теоретики человеконенавистничества — Гюнтер,

Ленц и др. — как один из конкретных шагов, предпринятых государственной властью на основе «истинно справедливого и научно оправданного решения расовой проблемы».

Тогда вся славная компания немецких гобинистов еще только могла мечтать о тех днях, когда в их родине ее «научные» теории смогут найти свое применение на практике. Эти дни настали вместе с приходом к власти фашизма. Гробооткровенная внешняя и внутренняя политика и практика немецкого фашизма лишь наглядно показала, для кого выковывывался «научный» фундамент нищезанствующими зверечеловеками.

Недаром министерство народного просвещения и пропаганды во главе с д-ром Геббельсом широко рекомендует труды Гюнтера и всей плеяды немецких гобинистов. По специальному распоряжению имперского канцлера Гитлера было создано особое «ведомство просвещения по политике народонаселения и по расопопечению». В прессе и по радио оно широко распространяет уже знакомые нам идеи расовой ненависти со всеми вытекающими из них «научными» выводами.

Немецкий фашизм заявляет, что «тот не имеет права на жизнь, кто в недостаточной степени близок к роду в смысле родства по крови». И, чтобы не было сомнений, о каком роде идет речь, в дальнейшем поясняется, что «гражданином может быть тот, кто является членом народа; членом же народа может быть тот, кто имеет немецкую кровь». Достаточно известно, как отнесся фашизм к остальным, «неполноценным» — к евреям, к рабочим и в особенности к коммунистам как опаснейшим представителям «неполноценных» элементов, угрожающих культуре и цивилизации. Еврейство фашистской Германии экономически разорено, морально подавлено и находится в положении затравленных зверей, хуже чем в средневековых гетто. Правда, к еврейским капиталам у фашистских заправил нет особой ненависти. И хотя по тем же законам особого положения еврейские капиталы не могут быть вывезены из Германии, все же само собой разумеется, что гонение на евреев меньше всего касается евреев-капиталистов. В то время как громили мелкие еврейские лавки и гнали евреев-профессоров, между еврейскими магнатами капитала в Германии и фашистским правительством Гитлера, этим суровым охранителем чистоты тевтонской крови, состоялось чисто деловое соглашение, небезвыгодное для обеих сторон.

Средневековая жестокость особенно дает себя чувствовать в борьбе фашизма с рабочим движением и коммунизмом. Эта

борьба откровенно поставлена во главу всей политики как внутренней, так и внешней, где фашистская Германия делала попытки выступить застрельщиком и организатором единого фронта, крестового похода против СССР.

Но если на международной арене арийская Германия пока не может похвастаться особыми успехами, зато внутри своего «немецкого дома» звероподобные арийцы в лице штурмовиков оказались на высоте положения. И ужасы застенков и концентрационных лагерей достаточно ясно показали, что такое гобинизм на практике.

Но практика часто выдвигает целый ряд моментов, непредвиденных теорией.

Как среди примкнувших к фашистам оказались люди «неарийского происхождения», что не мешает им отстаивать тевтонскую чистоту крови, так немало стопроцентных и наилучших образцов арийской крови есть и среди рабочих и коммунистов, замученных и погибших в застенках, концентрационных лагерях или под топором палача.

Как же быть? В теорию должна быть внесена какая-то поправка, и нужная поправка вносится. Вот она в формулировке пресловутого Альфреда Розенберга. «Полная или преобладающая принадлежность к расе,—пишет он,—действительнее всего выявляется из душевных движений; ведь душа—это есть раса, рассматриваемая изнутри». Еврейский нос и темные волосы какого-нибудь еврейского капиталиста, примкнувшего к Гитлеру, благодаря этой поправке Розенберга превращаются, «рассматриваемые изнутри», в нечто совершенно арийское. Точно так же гордо-спокойный взгляд голубых глаз высокорослого и русоволосого рабочего-коммуниста при этом исследовании «изнутри» обличает в нем «неполноценного», врага культуры и цивилизации. Чистота арийской крови там, где нужно, замещается чистотой арийской души, т. е. стопроцентной «зверски»-фашистской идеологией. Круг завершен, классовые маски сорваны!

«Чисто арийские души» заняли все ответственные правительственные и административные посты, они же возглавили научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения. Из-за еврейского происхождения или из-за недостаточно чистой «арийской души» фашистское правительство удалило с занимаемых ими кафедр свыше восьмисот крупных ученых. Среди них немало людей с мировым именем, вроде Эйнштейна, которому даже запрещен въезд в Германию. Среди них мы встречаем знаменитого химика Габера, который во время империалистической войны оказал Германии незаменимые услуги своим методом получения азотистых

соединений из воздуха. Среди этих ученых и всемирно известный физиолог Гейбер, и антрополог Фриденвальд, и крупный клиницист и экспериментатор Цондек и многие другие — словом, все те которые окраской волос, формой носа или «оттенками своей души» являлись угрозой, цивилизации и культуре, той средневековой «культуре» «немецкого дома», которая ретиво насаждается Гитлером и ради которой немецкая наука фактически разрушена и почти ликвидирована.

Если фашизм не может прямо истребить коммунистов, если у него руки коротки, чтобы стереть с лица земли СССР, то зато борьбу с чуждыми ему идеологиями (в первую очередь с марксизмом — «философией евреев и короткоголовых») фашизм ведет вполне средневековыми методами.

Имперским министром пропаганды Геббельсом, как прежде римским папой, изданы списки запрещенных книг, которые торжественно подверглись сожжению. На огромных кострах ярко пылали труды всех основоположников марксизма, вся социалистическая пресса и десятки тысяч других книг, заподозренных в марксизме, еврействе автора или в «неарийском духе». Средневековое пожарище было произведено торжественно и с помпой. В эту «просвещенческую» работу были втянуты широкие массы фашистского студенчества. Новое немецкое студенчество, кадры «интеллигенций» «третьей империи», поразило весь мир своей военной выправкой, солдатской дисциплинированностью и полной политической и научной безграмотностью, о чем в один голос писали многие иностранные корреспонденты после разговоров с ними.

Фашизм затратил немало усилий, чтобы подготовить себе такую смену. Еще до фашистского переворота вопросами воспитания усиленно интересовались Ленц, Плате, Гюнтер и др. Ими и были отточены основные принципы, по которым должна готовиться духовная пища для немецкой молодежи. Вот эти принципы в изложении известного немецкого биолога и фашиста Плате. «Необходимо показать молодежи, — пишет он, — что верно не демократическое учение о принудительном равенстве, но аристократический принцип». Право на жизнь имеет лишь настоящий, по телу и духу, ариец. Он господин и владыка мира, перед которым в рабском повиновении должны склониться все народы земли. Вот какой проповедью заполнены программы школ, вузов и втузов фашистской Германии.

Уже на школьной скамье ребят обучают так называемой «арийской иерархии», согласно которой на верхней ступеньке «лестницы народов» стоят германцы, затем американцы, потом англичане, латиноамериканцы, ирландцы, итальянцы,

французы, поляки, русские, сербы, индусы и еще ниже «желтые» — японцы, за ними китайцы и т. д.

Молодежь зазубривает этот бред, лишенный даже элементарной логики и последовательности. Ибо в тех же школах вдалбливают в головы, что ближайшими единомышленниками, «братьями по духу» «третьей империи» являются итальянцы, первые изобретатели фашизма, и милитаристская Япония (в свою очередь утверждающая, что ее раса — первая в мире) — «низшие расы» по арийской «иерархии».

Школы и вузы дают молодежи фашистскую «теоретическую подготовку», в фашистских отрядах она получает «производственную практику».

Эта система обучения готовит из буржуазной молодежи звероподобных защитников гибнущего империализма. Готовит армию фашистских бойцов, готовых драться под идеологическим стягом, на котором написано:

«Смерть и рабство всем неполноценным элементам. Голод рабочему, тугую мощну капиталисту! Беспощадное уничтожение большевизма, крестовый поход против СССР — оплота пролетариата всего мира!»

7. Дальневосточные «дети богов»

«Япония превосходит все страны, так как Япония — страна богов».

(Из современной японской печати.)

«Япония не должна удовлетворяться собственным расцветом, свои идеи она должна распространять по всему Дальнему Востоку и далее по всему миру».

(Из речи генерала Садао Араки.)

Не только «белолицый» цивилизованный мир является творцом расовых теорий. Наряду с хорошо известными нам арийцами — этой якобы высшей расой земли, сливками человечества, мы наталкиваемся еще на одну «высшую расу». Она обитает как раз на крайне противоположной — от арийцев — оконечности Евразийского материка, в «Стране восходящего солнца», на небольшой территории Японских островов.

«Объективная наука» европейских расовиков подписала смертный приговор всем «неполноценным» — короткоголовым, низкорослым, темноглазым, темноволосым и темнокожим элементам человечества. Это не помешало японцам, обладающим всеми признаками «неполноценности», воинственно поднять знамя высшей расы, призванной, с их точки зрения, прине-

сти миру новую цивилизацию, даже ценой завоевания всего мира.

Свое право на звание «высшей расы» японцы не удосужились пока что обосновать многоотными доводами антропологической науки. Сейчас подобные науки в Японии не особенно процветают. «Великая миссия», диктуемая прозой жизни японского империализма, требует технических наук, военизации, авио- и флотостроения, механизации армии и т. п., в чем Япония блестяще преуспевает.

Поэтому обоснование своей великой миссии, своих прав на звание «высшей расы» японский империализм черпает не из науки, а... из шинто, из старой национальной религии японцев.

Согласно шинто, два высших существа — Джцанагу и Джцанами — создали Японские острова. После создания этой жемчужины земли они занялись сотворением множества небесных и земных божеств, главным из которых была богиня солнца — Аматеразу-О-Ми-Ками. В ее ведении была передана прекрасная земля Ямато (Япония). Для управления Японией она послала с неба своего внука, наделив его регалиями, знаками императорского звания: зеркалом, яшмой и мечом, что является у японцев олицетворением справедливости, милосердия и смелости. И от этого внука богини — богочеловека — берет начало вся императорская фамилия.

Таково сказание, таков «научный» багаж, по которому японцы вместе со своими микадо считают себя «детьми богов».

Неудивительно, что при таком высоком «чине и звании» японцы рассматривают себя как высшую из всех рас. За ними следуют варвары — все представители белой расы и вся желтая раса, за исключением японцев.

Но есть еще и третья, низшая ступень, куда относятся все чернокожие народности, почти даже не люди.

Это общераспространенные представления, которыми пронизаны все воспитание, весь быт японцев. Это узаконенно-официальная точка зрения, которая дала право Мишиму — главному управляющему иностранным отделом столичной полиции — написать в «Джепан таймс», что «все иностранцы ниже японцев». Иностранцы — варвары — презируются, а культура и цивилизация «белой расы» всячески высмеиваются и опорочиваются. В этом отношении дело нередко доходит до анекдотической несуразности. Например, в марте 1932 года в серьезном журнале «Фуджин-клуб», пользующемся в Японии значительным распространением, некий Явая пишет: «Женщины на Западе носят меха, потому что они сами так

близки к животным, что носят шкуры своих близких на себе; животные — братья этих глупых иностранок». Точно в таких же тонах европейские расовики говорят о неграх и других низших народностях.

У японцев, как и у других расовиков, презрение к «варварам» также связано с недопустимостью скрещивания. Японцы или японки, вступающие в брак с «варварами», теряют всякое уважение общества. Достаточно указать на то, что «за последнее десятилетие старший сын японского цэра был лишен титула за то, что женился на французенке». О простых смертных не приходится и говорить: они подвергаются всевозможным издевательствам.

Япония — не просто Япония, а «Дай Ниппон Тейкоку» — Великая японская империя. «Императорское государство — Япония, — с гордостью говорит в своей речи генерал Садао Араки, — так гигантски возвышающаяся над облаками горы Фудзи, является великой фигурой для мира». Этот великий народ имеет святую миссию, завещанную ему от богини Аматеразу-О-Ми-Ками. Вот что о ней говорит тот же генерал Садао Араки: «Справедливость, милосердие и смелость, представленные регалиями японской династии (зеркало, яшма, меч. — А. Б.), являются основным идеалом японского государства, путь которого указывался императорами. Это так называемый настоящий императорский путь. Японская история представляет из себя не что иное, как осуществление этого пути. Сохранить этот путь, прославить его является долгом японского народа как верного подданного его величества».

Принести миру справедливость и милосердие взамен «легкомысленной иностранной идеологии», «среди которой все более заметной становится тенденция к погоне за скоропреходящим весельем», — миссия достаточно высокая, чтобы человечество было благодарно. Это тем более должно возвысить Японию, что свою миссию она самоотверженно готова выполнить какими угодно средствами, хотя бы путем своей гибели. По мнению Садао Араки и представляемой им господствующей милитаристической клики, лишь только «мир и справедливость заставляют ее (Японию. — А. Б.) приняться за меч, ибо это является необходимым средством реализации ее идеалов». «Различные страны Восточной Азии являются объектами гнета со стороны белой расы». Поэтому «Япония больше не может позволить произвол белой расы. Миссией Японии является борьба со всеми действиями, несовместимыми с императорской нравственностью, от какой бы страны эти действия ни исходили». «Япония должна решительно встать во имя справедливости, хотя бы и была реальная угроза разо-

рения отечества. Во всяком случае нам нужно решительно бороться за правду!», восклицает японский империализм устами генерала Араки. И лишь только в этой борьбе за правду, за справедливость, за мир и спокойствие была, по мнению Араки, завоевана Корея, поработощена Манчжурия, наводятся «порядок в Китае», завоевывается Монголия и создаются плацдармы для захвата Приморья и Восточной Сибири. Того требует настоящий «императорский путь», предначертанный волею небес — богиней солнца. Но это программа-минимум. «Свои идеалы, — говорит Араки, — она (Япония) должна распространить по всему Дальнему Востоку и далее по всему миру». Вот более полная программа «героических» действий, предстоящих Японии.

Еще пару лет назад эта программа была сформулирована в передовой статье крупной японской официозной газеты «Осака майнич»: «Япония должна подчинить себе народы Востока и завоевать весь мир острием штыка». Здесь уже дело обошлось без идеалов — откровенней и ясней.

Для проведения в жизнь «императорского пути» — пути агрессивного японского империализма — идет выдержанная и мастерская подготовка «пушечного мяса». Культивируется преклонение перед императором и убеждение в своем «божественном» превосходстве и призвании. Даже через строгую японскую цензуру в официозной «Осака майнич» проскользнула статья с откровенным признанием, что «во всех японских школах главное внимание фиксируется на полнейшей преданности микадо, и студенты (речь идет уже о вузах. — А. Б.) обязаны поклоняться ему как представителю бога.

Поклонению императора посвящены некоторые национальные праздники с церемониями, пением песен и гимнов, основным мотивом которых является патриотизм и превосходство Японии над остальным миром». Песням и гимнам дети обучаются в школах с малых лет, этим самым, чуть ли не с молоком матери всасывая в себя сознание своего «божественного» происхождения и первенствующего значения среди остальных народов.

В обработке масс используется все, что возможно, и в первую очередь грандиозная сеть религиозных организаций и сект. На небольшой территории Японии имеется двести пятьдесят три тысячи храмов, молелен и монастырей с почти неисчислимой армией жрецов и монахов. Особым постановлением правительство обязало военнотружущих и учащихся посещать шинтоистские часовни для культивирования «верноподданности императорскому дому, любви к родине и на-

ционального духа», как гласит об этом раз'яснение министерства просвещения.

Политическая активность многих религиозных сект значительна. Достаточно указать, что в 1932 году монахи секты «Ницдерен» подали повод к шанхайским событиям. Затеяв провокационное столкновение с китайцами, они довели дело до агрессивных выступлений, в результате которых было убито несколько монахов. Руководители секты подняли кампанию с требованием наказания китайцев, что послужило началом шанхайских событий. Та же секта «Ницдерен» возглавляла широко развернувшуюся кампанию против заключения пакта о ненападении и теперь почти что является идейным центром всех антисоветских выступлений вообще.

Такие «учителя» и «воспитатели» призваны в двухстах пятидесяти трех тысячах часовен и храмов перевоплотить агрессивность японского империализма в богом намеченный «императорский путь», в борьбу за «справедливость, милосердие и правду».

Какова же эта справедливость и милосердие, нетрудно убедиться в деле.

В реализации своей «высокой миссии» и «идеалов» Япония «освободила» Корею от «гнета белой расы» — русского царского правительства. Корейцы превратились в подданных «Великой японской империи», и, по словам современной японской печати, в Корее — «стране утренней тишины» — воцарилась «мудрая, спокойная, счастливая жизнь». Вот отзыв миссионера об этой «спокойной и счастливой жизни»: «В Корее народ лишен какой бы то ни было самостоятельности, он целиком находится во власти военщины (японской. — А. Б.)... Мы были свидетелями зверств, совершаемых солдатней». Прекрасный знаток Японии и Кореи профессор Тэйд О'Конрой, проживший в Японии пятнадцать лет, дает более подробную картину «счастливой жизни в Корее». «У них нет права голоса, как у японцев (это в своей-то стране! — А. Б.), каков бы ни был их социальный, интернациональный или экономический ценз. Их посылают в особые школы, где не встретишь ни одного японца (как негров в южных штатах Северной Америки. — А. Б.). Для них закрыта карьера чиновника, каковы бы ни были их дарования. Все государственные учреждения и выборные должности для них закрыты. Корейским рабочим платят меньше половины ставки японца за ту же работу; их или поселяют чуть ли не в хлеву, как скот, или совсем не дают помещения».

Около 75—80 процентов земли принадлежит японцам-помещикам, которые сдают ее на кабальных условиях в аренду

или же хозяйничают сами, пользуясь феноменальной эксплуатацией сельскохозяйственных рабочих-корейцев. Деревни обнищали, и сотни тысяч крестьян совершенно лишились земли. Огромное количество крестьянских восстаний за последние годы, тюрьмы, переполненные арестованными за забастовки и «по делам левых организаций», прекрасно иллюстрируют настоящее положение вещей. «Корея — огромная тюрьма двадцатимиллионного народа», характеризовал недавно Корею один путешественник.

Не лучше положение и во вновь испеченном государстве — Манчжоу-Го, в котором Япония, идя по «императорскому пути», также стремилась навести «порядок, мир и благоденствие».

О комедии образования самостоятельного Манчжоу-Го «по воле народа» говорить не приходится. На что осторожная комиссия Лиги наций — и та пришла в докладе ее председателя Литтона к выводу, что «местные китайцы считают Манчжоу-Го орудием в японских руках». И в беззащитной Манчжурии находится сейчас одна треть японской армии и около половины всей японской военной техники.

Политика ясна. И она не заключается в «высоких идеалах» гуманности, справедливости и милосердия, о которых высокопарно говорит генерал Араки. В конце 1933 года в официальной печати вице-адмирал Гото откровенничает без всяких словесных прикрас: «Манчжурия представляет собою широкую основу Японии как в экономическом, так и в стратегическом отношении. Вопрос о Манчжурии представляет собою начальный шаг ко всей континентальной политике Японии», т. е. к завоеванию Монголии, Северного Китая, советского Приморья и части Сибири. И мы знаем, что эта политика проводится бешеными темпами: устройством стратегически важных дорог, аэроциклов, концентрацией военного снаряжения и т. п.

Верная своим идеалам и «высокой божественной миссии», японская пресса утверждала, что после образования Манчжоу-Го силами японских штыков, направляемых «милосердием и справедливостью», «мир восстанавливается в Манчжурии не по дням, а по часам». В действительности же, несмотря на строжайшую цензуру, манчжурская и японская пресса должна была признать, что началось катастрофическое разорение крестьянства. С этим связано все нарастающее в Манчжурии партизанское движение, которое создает теперь весьма серьезные опасения со стороны японского командования. Даже армия Манчжоу-Го стала чересчур ненадежной, и приходится все время прибегать к различным перетасовкам и пере-

стройкам, хотя она и переполнена японским командованием — от низшего до высшего комсостава.

Словом, «благополучие», нарастающее в Манчжоу-Го «не по дням, а по часам», довольно подозрительного свойства. Уж очень не по нутру приходится манчжурским китайцам «милосердие» и «справедливость» японского империализма, что привело к быстрому революционизированию масс. «Манчжурия в настоящее время является опорным пунктом революционного движения. В связи с этим необходимо принять крайние репрессивные меры, так как в Манчжурии вследствие ее географического положения (близость с СССР. — А. Б.) вполне возможно усиление идеологической преступности». Эта цитата из речи Симоды — главного японского прокурора в Манчжурии — на совещании японских судей в октябре 1933 года ясно показывает, какой «мир, спокойствие и порядок» создала японская оккупация Манчжурии.

Чем же отличается колониальная политика японского империализма от таковой «варваров», т. е. белой расы? Ничем! То же беспощадное угнетение, то же рабство в колониях, только лишь более лицемерное. Рабство и уничтожение проводятся под флагом императорских регалий — зеркала и яшмы — «милосердия и справедливости», завещанных богиней солнца, владычицей земли Ямато. Белолицые же расовики возводят жестокость в закон природы.

Японский империализм — «спрут Востока», как определил его знаток Японии О'Конрой. И, как всякий другой империализм, он старается облагородить свое хищничество, морально узаконить политику своего погибающего класса. И, как всякий другой империализм, он это достигает превознесением себя как высшей расы, расы «детей богов». Но не весь народ склонен идти по этому пути. Не весь народ осознает «великую миссию» японского империализма, и не только не высказывает бурных стремлений для ее быстрее осуществления, но даже наоборот — многие трудящиеся Японии восстают и протестуют против этого. Генералу Араки пришлось констатировать, что «процесс ухудшения народного духа протекает быстро и направить его по пути добродетели (т. е. по пути империалистских завоеваний. — А. Б.) чрезвычайно трудно». Широко распространились «опасные мысли», «развратные течения», которым императорское правительство объявило беспощадную борьбу. И, как для всякого империализма, этими «опасными мыслями» является материализм вообще и в первую очередь коммунизм. Недаром подстать всем теоретикам империализма генерал Араки взывает: «Долой еретическую доктрину материализма! Уничтожить развратные течения!»

И в Японии с ними борются зверски и беспощадно, ничем не уступая Гитлеру.

Поэтому с особенной ненавистью японский империализм относится к СССР — опоре угнетенных и трудящихся всего мира. «Сокрушим красную Россию» — довольно популярный лозунг всей патриотической и националистической японской печати. Недаром Япония — инициатор и идейный вдохновитель всех антисоветских провокаций на Востоке. Она — деятельный соучастник и соратник всех дипломатических антисоветских ходов и выступлений на Западе. И в этом отношении, как и в ряде других, она особенно близка германскому фашизму.

«Крайности сходятся». Крайности по расовым особенностям, крайности по географическому положению (дальний восток и дальний запад Евразии) сошлись — сошлись в нагло-откровенной агрессивной политике империализма, в безмерной, нескрываемой ненависти к СССР. На арене международной политики они остались изолированными, что их еще больше сблизило, что заставило их подать друг другу руку помощи и сочувствия. Неудивительно, что гордые арийцы, презирающие все короткоголовые и низкорослые элементы человечества, нашли для себя возможным открыть у японцев струи чисто арийской крови. «Дети богов» оказались в какой-то степени потомками арийцев. Но японцы в своем сверхпрезрительном отношении к белолицым этот вопрос замалчивают. Шинто еще не может осветить довольно щекотливый вопрос о том, как попала арийская кровь к «детям богов», к потомкам богини солнца — Аматеразу-О-Ми-Ками.

III. Правда о расах и расовиках

«Расовые теории — это идеологическая ширма для эксплуататоров, орудие в борьбе против демократии, средство для укрепления власти».
Герц.

«... Раса перестала быть этическим и антропологическим понятием и стала чем-то вроде названия боевой организации».

(Из речи М. М. Литвинова на IV сессии ЦИК СССР.)

Чтобы по заслугам оценить теории расовиков, нам необходимо внимательно разобраться в их научных построениях — как в отношении фактической основы «сырья», которое было взято ими в обработку, так и в отношении окончательной «формовки» этого «сырья», т. е. обобщающих выводов.

Итак, приступим к критическому разбору основных звеньев расовых теорий.

1. Расы и форма головы

Исходное положение расовиков — тезис о неравенстве человеческих рас, впервые провозглашенный Гобино. «Мы самым энергичным образом, — пишут вновь испеченные столпы фашистской «науки», — высказываем, во-первых, положение об абсолютном различии видов человека: все неравно, что носит человеческий облик».

Неравно — это вполне правильно. Нет двух людей, вполне похожих друг на друга, и даже две пресловутые капли воды чем-либо всегда отличаются, хотя обычно говорят «похожи, как две капли воды». Абсолютного сходства вообще нет и не может быть в природе.

Но можно ли на этом основании строить теорию о «высших» и «низших» расах?

Человеческие расы, как мы видели, отличаются друг от друга целым рядом внешних признаков, из которых антропологически важными являются: окраска кожи и глаз, форма и окраска волос, форма и строение головной и лицевой части черепа (длинно- и широкоголовые, узко- и широколицые),

форма челюстей, рост и некоторые другие признаки. Так как рост, окраска кожи, глаз и волос, а в особенности форма головы играют у расовиков особо важную роль, то сначала мы постараемся разобраться в этих признаках.

Начнем с формы и строения головы, важнейшего среди этих признаков. Этот признак выставляется как чрезвычайно стойкий расовый признак. Вспомним, что, по утверждениям гобинистов, повышения на несколько процентов головного индекса у населения древней Индии, Греции и Рима было достаточно, чтобы погибли все эти великие культуры древности.

Вместе с тем при ближайшем знакомстве «стойкость» этого расового признака оказывается с некоторой странностью. Эта странность заключается в том, что ни в одной «чистой» человеческой расе мы не наблюдаем однообразия по этому, как и по всем другим признакам. Достаточно привести небольшую табличку, иллюстрирующую распределение форм черепа у различных народов и рас. Эта таблица составлена на основании большого количества измерений.

Распределение форм черепа у различных народов в процентах

Народность	Долихоцефалы до 74,9	Мезоцефалы 75,0—79,9	Брихцефалы с 80 и выше
Современные немцы	16	41	43
Французы-парижане	14	41	45
Французы-овернцы	5	7	88
Китайцы	25	42	33
Современные североамериканские индейцы	17	43	40
Эскимосы	86	9	5
Австралийцы	89	11	0
Полинезийцы	63	23	14
Негры	56	38	6

Из этой таблицы нам ясно, что в каждой расе мы находим почти все формы черепа. Например, желтая раса считается типично короткоголовой, на самом же деле только треть китайцев являются действительно короткоголовыми, а четверть—длинноголовые, причем процент длинноголовых у них даже выше, чем у современных немцев и французов. А Китай ведь полуколониальная страна, арена алчной деятельности всех «цивилизованных» империалистических стран,—хотя по головному индексу, пожалуй, следовало бы ожидать как раз обратное. Эскимосы и австралийцы, дающие огромный процент долихоцефалов, относятся к самым отсталым, первобытным народам.

Итак, в пределах расы форма черепа чрезвычайно измен-

чива. Нет в этом признаке никакой «стойкости». Поэтому ни одну расу нельзя характеризовать формой черепа,— нельзя говорить, что такая-то раса короткоголова, такая-то длинноголова. Можно конечно высчитать средний головной индекс расы (и это неоднократно приходится делать), но этот индекс будет абстрактной величиной. Это такая же абстракция, как если бы мы высчитали среднюю высоту дома на какой-либо улице, равную, к примеру, трем с половиной этажам. Подобная «этажность» ни в какой мере не может нам дать представления о действительном «лице» данной улицы. Может быть, наряду с немногими гигантами-небоскребами на ней имеется много одно- и двухэтажных вилл или домишек. Может быть, вся улица более или менее равномерно застроена трехэтажными домами, среди которых лишь изредка возвышается четырех- или пятиэтажный дом. Из средней высоты мы ничего этого не выясним.

То же самое и с абстрактным «средним индексом».

Мы можем говорить лишь о преобладании того или иного головного индекса у той или иной расы — и не больше. Стоит здесь же отметить, что то же самое касается и таких признаков, как рост, окраска кожи, окраска глаз и волос, — вообще всякого признака. Из всего этого следует, что каждая раса не представляет собою что-то единое и стойкое.

Но и этого мало. Оказывается, даже у той же самой особи, у того же самого человека головной индекс не является надежно стойким признаком. Под влиянием различных воздействий окружающей среды он, как и многие другие признаки, подвергается изменениям. Это хорошо доказывают нам, например, наблюдения проф. Ивановского над украинским населением в тяжелые годы гражданской войны. Трехлетние измерения мужчин и женщин различных национальностей (великоруссов, белоруссов, украинцев, армян, грузин, калмыков, киргизов и др.) в возрасте от 25 до 55 лет показали, что голодание вызвало значительное изменение головного указателя, но не у всех в одном и том же направлении. Так, например, у великоруссов, белоруссов и украинцев индекс изменился в сторону долихоцефалии, т. е. череп стал длиннее, у армян, грузин и крымских татар после голодания усилилась брахицефалия. Особенно показательны данные с украинцами и грузинами. У украинцев (мужчин) средний головной индекс до голодания был 83,62, а после голодания 81,33, у грузин же с тем же средним головным индексом до голодания (83,62) после голодания средний головной индекс поднялся до 85,25. От подобного изменения головного индекса украинцы не стали новой, более «высокой» расой, а

грузины как будто не поглупели, несмотря на то, что, по теории гобинистов, приблизительно такой же процент изменения головного индекса у населения древней Греции и Рима привел к гибели обе великие культуры древности.

Чрезвычайно интересные данные по изменению головного индекса мы находим в обширных наблюдениях известного американского антрополога Боаса. Он установил явное изменение головного индекса у родившихся в Америке детей эмигрантов из других стран. Головной индекс самих эмигрантов, переселившихся в Америку даже в детском возрасте, все время остается в среднем таким же, как и на родине. При чем и среди детей, как пишет Боас, «каждый тип изменяется на свой лад». Так, например, средний головной индекс сицилийцев, родившихся в Европе и переселившихся в Америку, равен примерно 78, а у родившихся в Америке — около 80, т. е. их голова сделалась короче. Как раз обратное мы наблюдаем у восточноевропейских евреев. У эмигрантов-евреев, родившихся в Европе, средний головной индекс около 83, а у их потомков, родившихся в Америке, около 81, т. е. у них голова удлинилась. При этом интересно отметить, что в общем «форма головы тех и других приблизилась к некоторой общей форме головы» (80 и 81) у потомков вместо 78 и 83 у родителей). В материале, собранном Боасом, исключена всякая возможность скрещивания с коренным населением Америки. Остается лишь воздействие условий окружающей среды, хотя пока не вполне ясно, какое именно влияние оказало это изменяющее действие, да более чем вероятно, что речь идет не об одном, а о нескольких факторах влияния.

Итак, ни для какой расы и даже ни для какого отдельного человека головной индекс, которому расовики придают такое решающее значение, не может служить признаком надежным. Уже это одно не дает нам никакого права устанавливать между отдельными расами непроходимые пропасти. Тот же факт, что головной индекс чрезвычайно пластичен, что он способен изменяться под влиянием окружающей среды, категорически доказывает нам, что никак нельзя связывать форму черепа с умственными способностями, творческим дарованием и т. п., как это делают гобинисты.

2. «Австралийцы» из европейских кладбищ и «европейцы» среди негров

Но, помимо головного индекса, на черепе важен и целый ряд других особенностей, как, например, развитие надбровных дуг, прямые или выступающие челюсти (прогнатизм и

ортогнатизм), косозубие, выдающиеся скуловые дуги, крутой или убегающий назад лоб, узкое или широкое лицо и многое другое.

Каждая раса характеризуется определенным сочетанием всех этих признаков. Так, например, для негров наряду с длинноголовостью типичен прогнатизм и косозубие. У австралийцев же бросается в глаза сильное развитие надбровных дуг, убегающий назад лоб и крупные зубы на выступающих вперед челюстях. Широкое лицо с выдающимися скулами и короткоголовой формой черепа считается характерным для желтой расы.

И вот оказывается, что и это верно только «в среднем». Внутри каждой «чистой» расы мы найдем самые различные сочетания всех черепных признаков. Так, например, известный недавно умерший немецкий антрополог Лушан во время своих исследований в Африке сравнительно часто находил среди негров «совершенно прямочелюстные черепа, которыми мог бы гордиться любой европейский мыслитель». Другой же известный немецкий антрополог — Биркнер, — подводя итоги своим исследованиям, пишет, что «нередко формы черепов внеевропейских стран оказываются столь тождественными с европейскими черепами, что самые опытные краниологи¹ нередко ошибались в их определении». И с таким же успехом, с каким вполне европейские черепа мы находим среди самых чистых цветных народностей и рас, мы можем найти чисто «австралийские», «негритянские», «монгольские» и всякие другие черепа среди европейцев. Один известный немецкий антрополог составил себе полную коллекцию «типичных» расовых черепов, пользуясь лишь материалом с кладбища небольшого немецкого городка.

Итак, сопоставление всех «характерных расовых» особенностей черепа также уничтожает всякие резкие границы между расами. И при тщательном изучении рас мы все больше и чаще сталкиваемся с моментами подобной «спутанности признаков».

Можно ли при таком положении вещей говорить о резких расовых различиях, о «близости к обезьянам», о «животно-подобности низших рас»?

Как же быть тогда с «австралийцами», «неграми» и «монголами» с европейскими кладбища, прекрасными бюргерами, вполне стоявшими при жизни на высоте современной им «арийской цивилизации»? Так как бессмысленно утверждать,

¹ Краниология — наука, специально занимающаяся изучением черепа.

что среди одной расы могут быть «истинные люди» наряду с ближайшими «родичами обезьяны», то уже по одному этому следовало бы оставить разговоры о животноподобности и о низших расах.

Еще раз: материал, которым владеет антропология, не дает возможности устанавливать резкие границы и непроходимые пропасти между отдельными расами. Наоборот, все человечество предстает перед нами как единая семья, единый род. Поэтому нам становится понятным тот вывод, к которому пришел известный немецкий антрополог Ранке. «Изучение черепа,— пишет он,— на каждом шагу убеждает нас, что человечество представляет замкнутое единство, крайние формы которого при помощи бесконечных тончайших переходных звеньев сочетаются в единый ряд».

3. Ни белого, ни черного, ни голубого — все бурое

К тому же самому выводу о единстве человеческого рода приводит тщательное изучение и всякого другого признака. Остановимся на окраске кожи, которой гобинисты тоже придают большое значение, так как по их теориям большая умственная одаренность связана с меньшим количеством пигмента (окраски) в коже. На первый взгляд окраска кожи белокожего европейца, черного негра и желтокожего китайца действительно может показаться резким отличительным расовым признаком. Но и тут надо помнить, что внутри каждой из взятых нами расовых групп окраска кожи является признаком крайне изменчивым. У «черных» негров мы встречаем различные оттенки окраски — от цвета кофе до черного, как сажа. Помимо этого среди народностей Африки, этого «черного материка», мы встречаем целый ряд более светло окрашенных народностей, вроде бушменов. Подобную же изменчивость мы наблюдаем и среди желтой расы и среди всех «белокожих» рас. Поэтому трудно установить, где кончается белая окраска кожи «чистосортной» арийской расы и где начинается пигментированная окраска кожи южноевропейской средиземноморской расы (испанцев, итальянцев, португальцев), где граница между интенсивной пигментировкой некоторых южноевропейцев и желтокоричневой окраской кожи более светлых цветных народностей. Одно переходит в другое с такими незначительными нюансами, что, опять-таки, смываются все резкие границы между человеческими расами. Следовательно, и по окраске кожи человечество представляет собою один сплошной и непрерывный ряд, одно сплошное и единое человечество.

Это единство человечества подтверждается еще и другим. Приведем интересную выдержку из известного антрополога и не менее известного антидарвиниста Вирхова (вовсе не склонного к демократическим идеям). «Как ни различны, — пишет он, — человеческие расы по своей наружной окраске, но под микроскопом все эти различия исчезают, там нет ни блондинов, ни голубоглазых, ни черных, а все является бурым. Голубая радужная оболочка глаз оказывается под микроскопом содержащей бурый пигмент. Негр, кожу которого мы исследуем, обнаруживает бурый пигмент; даже кожа самой нежной европеянки, которая кажется совершенно белой, вызывает под микроскопом известное количество бурого пигмента». Главное количество этого одинакового у всех рас бурого пигмента находится собственно не в коже, а в тонкой надкожице, или эпидермисе, состоящем из многих клеточных слоев. Чем большее количество клеточных слоев эпидермиса снабжено пигментом и чем больше этого пигмента, тем интенсивнее окраска кожи». Недаром Вирхов пришел к тому выводу, что «все различия в цвете людей — только количественные различия».

Тот же бурый пигмент вызывает и все многообразие в окраске глаз. Дело в том, что радужная оболочка глаза (которую мы и видим окрашенной) состоит из трех слоев: 1) из так называемого верхнего пограничного слоя, 2) среднего, сосудистого слоя, богатого сосудами кровеносной системы, и 3) нижнего пограничного слоя, обращенного к внутренней полости глаза. Нижний пограничный слой интенсивно пигментирован. Если в верхнем пограничном слое пигмента нет, то пигмент нижнего пограничного слоя просвечивает сквозь вышележащие слои радужной оболочки, что и придает глазам голубовато-синюю окраску. Если же пигмент имеется и в верхнем пограничном слое, то, в зависимости от количества пигмента, радужная оболочка глаза приобретает различную окраску — от светлых до темнокоричневых, почти черных тонов. «Следовательно, — продолжает Вирхов, — лишь количество и распределение пигмента, а отнюдь не цвет его и форма пигментных клеток, обуславливают окраску радужной оболочки».

Еще и еще раз мы видим, как по окраске кожи и глаз все человечество бесконечным множеством переходов соединяется в сплошной, единый и непрерывный ряд, в котором нельзя наметить границ между отдельными звеньями.

Мы знаем, что под действием солнечного света, главным образом от действия ультрафиолетовых лучей, кожа загорает. При загаре в коже вырабатывается большее количество пиг-

мента. Благодаря этому даже самый белый, европеец может при сильном загаре стать похожим на какого-либо представителя цветной народности. При этом европеец несколько не «глупеет», как не глупеет и при увеличении своего головного индекса.

На юге, под тропическим солнцем, окраска кожи для человека очень важна. Пигмент задерживает ультрафиолетовые лучи. Поэтому в светлоокрашенной коже, где пигмента мало, ультрафиолетовые солнечные лучи беспрепятственно проникают до глубже лежащих тканей и кровеносных сосудов. Это вызывает покраснение, воспаление кожи и ожог, что приводит часто к общему недомоганию, повышению температуры и пр. В смуглой коже южноевропейских народностей, не говоря уже о коже цветных народов, пигмента больше. Значение этого теперь нам понятно.

Вообще смуглая и сильно пигментированная кожа, хорошо задерживающая ультрафиолетовые лучи, и загорает быстро, интенсивно и равномерно. В светлоокрашенной коже солнечные лучи вызывают воспаление и ожог. Это нарушает нормальную функцию кожи, нарушает выработку защитительного пигмента. Поэтому светлая кожа загорает болезненно и медленно. Вот почему северные светлокожие европейцы не могут долго выдержать жаркого климата, и жаркий пояс земного шара населен лишь интенсивно пигментированными народностями. Их пигментация необходимо должна была выработаться как приспособление к условиям их обитания. Ни с какими творческими дарованиями это не связано. Уже поэтому бессмысленно говорить, что всякая культура, в каком бы уголке земного шара она ни находилась, непременно должна была быть создана «белокожими».

Уж если угодно сравнивать «качества» цветной и белой кожи (хотя такое сравнение вообще нелепо), то скорее придется отдать преимущество цветной, как физически более здоровой, так как она значительно меньше, чем светлая кожа, подвержена всевозможным кожным заболеваниям (например нарывам и опухолям). Интересно отметить, что то же самое мы встречаем и у некоторых животных. Так, например, белые лошади отличаются от лошадей цветных мастей особой склонностью к кожным опухолям.

4. «Паты и Паташоны» человечества

Высокорослость — вот еще один признак, которым гордятся арийцы, эти «совершенные представители человеческого рода». По их мнению человечество делится на Патов и Пата-

понов. С одной стороны — высокорослые народности с стройным, крепким, но худощавым телом, с высокой шеей, длинным и узким лицом, заостряющимся книзу. Это избранные Паты человечества, и лучшие среди них — арийцы. И как бы в противовес им мы наблюдаем низеньких, круглых Паташонов, коренастых и широкоплечих, с короткой шеей и широким, округлым лицом. Паташоны — характерные представители «неполноценных» элементов человечества. При сопоставлении Патов и Паташонов одни кажутся как бы выросшими в длину, другие — в ширину. И этот рост в длину или в ширину также, по мнению расовиков, является неким выразителем умственных дарований, способностей и культурности. Именно этим гобинисты объясняют тот установленный ими факт, что городское население более высокоросло, чем деревенское, что люди интеллигентных профессий более высокорослы, чем работники физического труда, и наконец, что аристократы из старинных дворянских фамилий высокорослее остального населения, потому что в них течет настоящая арийская кровь.

Как же обстоит дело с Патами и Паташонами человечества?

Рост пропорции тела, т. е. соотношение длины туловища с длиной рук и ног, принадлежат, пожалуй, к самым изменчивым и самым пластичным признакам.

К самым высокорослым народностям, относятся некоторые негритянские племена и южноамериканские патагонцы (около 180 сантиметров). Вместе с тем среди народностей «черного материка» мы встречаем как раз и самых низкорослых, почти карликовых представителей человечества — пигмеев, обитающих в тропических лесах Центральной Африки, с средним ростом около 150 сантиметров. Рядом с ними человек среднего роста кажется великаном (рис. 5). Низкорослой является вся желтая раса. И как раз к этой расе, вообще довольно однородной по своим физическим признакам, принадлежат низкорослые японцы, «цивилизованные» и нагло агрессивные империалисты Дальнего Востока, «братья по духу» арийцев «третьей империи», затем значительно менее культурные и «передовые» монголы и китайцы и наконец совсем малокультурные якуты, камчадалы, чукчи и другие обитатели северного побережья азиатского материка. Рядом с японцем негр кажется гигантом. Если к тому же еще вспомнить, что, в отличие от короткоголовых японцев, у негров преобладает долихоцефалия, то станет ясно, что, по всем теориям расовиков, от негров следует ожидать сверхвысокой культуры. Но расовики, как огня, боящиеся касаться действительных социологических причин «культурности» или «некультурности»

народов, привыкли тщательно обходить все острые углы, все, что не укладывается в прокрустово ложе их «теорий».

Вообще характеризовать расу ростом можно с еще большей натяжкой, чем формой черепа или цветом кожи. По росту каждая раса представляет собою большую пестроту, и в каждой расе мы находим своих Патов и Паташонов.

Условия окружающей среды в сильнейшей степени влияют на такой пластичный признак, как рост. Высокорослость или низкорослость в основе своей конечно наследственны, но, попадая под влияние окружающей среды, наследственная основа роста подвергается значительной обработке.

На рост влияет раньше всего питание, в особенности в детском возрасте и при подрастании. Недостаточное питание задерживает рост; чем длительнее недоедание, тем больше задержка. При массовом недоедании, как, например, в пораженных безработицей рабочих кварталах капиталистических городов, рост детей, как установлено статистическими обследованиями, значительно снижается. В различных государствах не раз приходилось даже снижать норму роста призывников для «детей голода», т. е. для поколения, родившегося в голодные или кризисные годы.

Играют роль для роста и условия труда. Многие тщательные наблюдения, как и специально произведенные опыты над собаками, показали, что напряженная мускульная работа, особенно на открытом воздухе, приводит в период роста не только к увеличению мускульной массы, но и к усиленному росту в ширину. При этом рост в длину замедляется, и организм выявляет явно выраженную тенденцию развиваться в направлении Паташона, т. е. в короткого, коренастого и широкогрудого. И как раз обратное, т. е. рост в длину отмечен при отсутствии у детей физической работы, при их малой подвижности, при жизни в закрытых помещениях. Ребенок тянется вверх, как растение при недостаточном количестве света. Он делается высоким и узким, с некрепкой мускулатурой. О таком влиянии среды нельзя забывать, когда говорят о разнице в росте между городскими и деревенскими детьми (там, где эта разница действительно существует). С этой точки зрения объясняется для нас (но совсем по-иному, чем думают расовики) и другая разница, установленная их статистикой,— между детьми менее обеспеченных слоев населения из народных школ и детьми из среднеучебных заведений, т. е. детьми более обеспеченных слоев. Вторые выше и уже¹. И мы видим теперь, что удивляться этому не приходится.

¹ Нужно иметь в виду, что речь здесь всюду идет конечно только о среднем статистическом выводе.

Паты не потому более культурны и занимаются интеллигентным трудом, что они высокорослы. Наоборот, их социальная среда, их трудовая (а по большей части — нетрудовая) обстановка способствовала их высокорослости при узких плечах и слабой мускулатуре. И мы не будем удивляться, что, по уверениям расовиков, высшие слои населения — и в Европе, и в Японии, и в Индии, среди малайцев, таитян и где угодно — отличаются от низших слоев своей большей высокорослостью и узкогрудостью. Для такого «благородства», как видим, не надо примеси драгоценной арийской крови.

5. Зависит ли ум от формы головы?

Длинноголовые идиоты и короткоголовые гении

На той же тенденциозной антинаучности базируется и основной тезис расовиков, тезис о духовной неравноценности рас. Творческой мощи арийцев и их чрезмерной умственной одаренности они противопоставляют умственную ограниченность всех остальных человеческих рас. Вполне понятно, что если существуют эти предполагаемые духовные различия между расами, то они должны быть связаны с мозгом, т. е. с какими-либо специфическими особенностями его строения, с его величиной или соотношениями его отдельных частей и т. п. Но до мозга расовики не добрались. Вообще, плывя по поверхности, они не проникли глубже внешних признаков строения (рост, окраска, форма головы). Из всех этих внешних признаков строения есть лишь один признак, который имеет отношение к мозгу, связан с ним — это черепная крышка, вмещающая мозг. А так как арийцы длинноголовые, то длинноголовость оказалась «высшим продуктом органической эволюции».

Приходится нам теперь разобраться в том, в чем расовики разобрались не захотели. Попробуем выяснить, есть ли какая-либо связь между формой головы, величиной мозга и умственной одаренностью, чтобы затем разрешить вопрос о духовной неравноценности рас.

Связь большей умственной одаренности с долихоцефалией расовики видели, например, в том что по их данным (Ляпуж, Аммон), городское население более длинноголово, чем крестьянское, среди интеллигентных профессий содержится больший процент длинноголовых, чем среди низших сословий, а наибольший процент длинноголовых наблюдается среди прославленных ученых. Правильность своих положений расовики доказывают чрезвычайно скудными данными. И

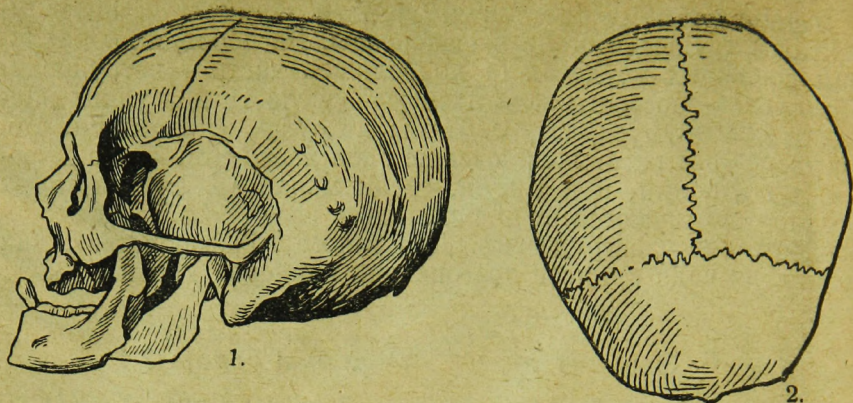

Рис. 8. Череп Канта: 1 — в профиль, 2 — сверху.

«объективность» этих данных прекрасно демонстрируется исследованиями шведского антрополога Нистрема.

В шведском населении преобладает долихо- и мезоцефалия. Среди пятисот обследованных человек Нистрем нашел 35 человек с высокой степенью брахицефалии (указатель 83 и выше) и 11 человек с крайней долихоцефалией (указатель 72 и ниже). Из 35 крайних брахицефалов 27 оказались принадлежащими к высшим классам, а 8 к низшим, тогда как из 11 крайних долихоцефалов лишь трое были из высших классов, а 8 из низших. Словом, получилось шиворот навыворот в сравнении с тем, что утверждают расовики.

Так же «объективны» расовики и при сопоставлении большей одаренности с формой черепа. Исследования показали, что значительный процент гениальных людей и ученых, не обладали ни долихоцефалией, ни некоторыми другими признаками арийской расы. Великий буржуазный философ Кант, философия которого лежит в основе современной идеалистической философии, крайне модной и среди фашистов, был резко выраженным брахицефалом (головной индекс 85,5) (рис. 8), да к тому же еще низкорослым. Еще большим брахицефалом был знаменитый философ и ученый Лейбниц (головной индекс 90,3), философ Шопенгауэр, всемирно прославленный Гете, Лашлас, Вольтер — этот властитель дум XVIII века, Бетховен — выдающийся музыкальный гений XIX века, и многие, многие другие. Все это противоречит положению расовиков, что наибольший процент долихоцефалии наблюдается у «ученых, достигших высших ступеней». Исследуя этот вопрос, известный немецкий ученый проф. Вейденрейх имел все основания прийти к выводу, что наоборот,

можно неоспоримо доказать, что последние (т. е. великие ученые) в значительной мере были короткоголовы и в этом отношении не обладали признаками северной расы.

Можно было бы предполагать, что умственная одаренность арийских долихоцефалов связана с тем, что у них более крупный и более тяжелый мозг, так как у них больший объем черепной коробки. Но и это предположение оказалось ни на чем не основанным. Головной индекс, т. е. отношение ширины черепа к его длине, ничего не говорит об абсолютном объеме черепной крышки, а вместе с этим и о величине и весе мозга. Многие брахицефалы с более короткой, но и более широкой черепной крышкой обладают большим мозгом, чем долихоцефалы.

В отношении объема черепной крышки у всех человеческих рас мы опять-таки встречаем большую пестроту. Средний объем черепной крышки для всего современного человечества считается около 1 500 кубических сантиметров. Средний вес мозга европейца равен около 1 400 граммов. Вместе с тем известно, что многие крупные ученые обладали весом мозга ниже или лишь незначительно выше средней величины. Так, например, мозг великого химика Либиха — основателя современной химии и, в частности, агрохимии, — весил всего лишь 1 352 грамма. Мозг знаменитого физика Бунзена весил 1 295 граммов, а всемирно известного французского писателя Анатоля Франса — 1 100 граммов. Мозг прославленного французского политического деятеля XIX века Гамбетты весил 1 314 граммов, мозг Данте — 1 420 граммов, мозг великого физиолога Гельмгольца — 1 440 граммов, великого математика Гауса — 1 492 грамма. Большой вес мозга установлен для английского поэта Байрона — 1 807 граммов; известного французского естествоиспытателя XIX века Кювье — 1 861 грамм, Тургенева — 2 012 граммов. Уже один этот перечень достаточно убедительно доказывает нам, что не в весе мозга дело, не говоря уже о том, что «тяжелые» мозги могут принадлежать брахицефалам (например Тургенев), а более легкие долихоцефалам. И правильность этого вывода подтверждается еще и тем, что многие идиоты, к слову сказать — долихоцефалы, обладали очень «тяжелым» мозгом. Самый «тяжелый» из до сих пор известных мозгов (около 2 300 граммов) принадлежал идиоту из психиатрической клиники.

Ни для рас, ни для отдельных людей мы не имеем никаких оснований решать вопрос об их умственной одаренности по форме черепа или весу мозга. Недаром тот же Вейденрейх заявляет, что «вопрос об интеллигентности и духовном превосходстве отдельных рас вследствие «формы головы» я счи-

таю таким же бессмысленным, как и попытку на основании веса мозга делать выводы о большей или меньшей интеллигентности его обладателя».

Это бьет уже по козырной карте расовиков. Пожалуй, в этом вопросе им остается еще одно последнее убежище. Если не форма черепа, не вес и не величина мозга, тогда, может быть, играют роль различия в особенностях внутреннего строения мозга у различных рас? Может быть, как раз в этом строении, архитектонике мозга наблюдается значительная, заметная разница между умственно одаренными арийцами и остальными «неполноценными» элементами человечества?

За тщательное и детальное изучение мозга принялись сравнительно недавно, но уже то немногое, что сделано, доказало, что и в этом отношении заметных различий нет. Прежде всего эти различия не найдены у всех европейских рас. Чрезвычайно детальное и кропотливое исследование нескольких мозгов индейцев, произведенное Кигеном, привело его к выводу о том, что отличия между мозгами индейцев и мозгами европейских рас ничтожны. То же самое отмечено и для мозгов некоторых других цветных народностей.

Каков же окончательный вывод?

6. Существуют ли «неполноценные» народы?

Ни форма головы, ни объем черепной коробки, ни вес мозга не имеют никакого отношения к умственной одаренности. Единственно важным для умственной одаренности является внутреннее строение мозга, его архитектоника. Но как раз в этом признаке между различными человеческими расами, между самыми «высшими» и самыми «низшими» мы не находим каких-либо значительных и явно заметных различий. Поэтому у всех человеческих рас мы должны ожидать приблизительно одну и ту же умственную одаренность. Отсюда следует, что мы должны категорически отвергнуть всякую попытку делить человечество на «высшие» и «низшие» — или на «полноценные» и «неполноценные» — расы. Это единственный действительно научный вывод, и правильность его поставлена вне сомнений множеством наблюдений и фактов.

Даже миссионеры, открывавшие во всех углах земного шара школы для детей «дикарей», чтобы воспитывать их в духе христианской «любви» и «морали», подготавливая к будущему рабству, вынуждены были единодушно признать, что по своим способностям к обучению дети всех цветных народов стоят не ниже, а часто даже и выше детей цивилизованных европейцев и, в частности, арийцев. Конечно курс «наук» в миссионерских школах так же далек от науки,

как и сами миссионеры от своего несуществующего бога. Но все же при обучении даже простой грамоте и арифметике быстро и с достаточной отчетливостью выявляются способности.

Самым же ярким доказательством умственной полноценности всех «неполноценных» народов является огромный опыт СССР. Через наши комвузы, вузы и рабфаки прошли и проходят сотни и тысячи молодежи недавно еще самых отсталых национальных меньшинств. У нас есть комвузы, где учатся представители рас со всей земной поверхности. И из наших учебных заведений выходят сотни талантливых молодых ученых, аспирантов, квалифицированных педагогов во всех областях знания. Недавние «дикари», они блестяще освоили всю культуру, они двигают дальше самые сложные научные дисциплины. Они освоили великий опыт революционной борьбы и научились управлять государством — участвовать в управлении величайшим из государств, родиной трудящихся всего мира. «Критерий истины есть практика». И нашей каждодневной практики по существу достаточно, чтобы опровергнуть всяческие расовые теории, слишком прозрачное прикрытие для звериной классовой ненависти.

Вспомним еще, сколько талантливых и образованных специалистов интеллигентных профессий дали негры в северных штатах САСШ и маорисы Новой Зеландии. А ведь в XIX веке маорисы были самыми дикими «дикарями» — людоедами. Сколько талантливых писателей из негров достигли мировой известности! Отметим хотя бы Рене Марана, который за свое произведение «Батуала» удостоился знаменитой Гонкуровской премии, ежегодно выдаваемой в Париже за лучшее произведение, написанное на французском языке.

Тот же Рене Маран, если бы счастливая случайность не позволила ему получить образование во Франции, ходил бы почти голышом на своей родине Конго, как и описанный им вождь Батуала, не написал бы ни строчки и фашиствующими расовиками числился бы в безымянном стаде «родственников обезьяны». И, как многие тысячи других, он имел бы все шансы погибнуть на постройке железных дорог или в каучуконосных джунглях Африки.

Не только теоретически, но и практически мы не нашли никаких оснований устанавливать между отдельными человеческими расами какие-то резкие отличия и непроходимые пропасти в отношении умственной одаренности. Действительные факты не оставляют даже самой маленькой щелочки, через которую можно было бы протащить научное обоснование неравноценности человеческих рас.

7. Пустая болтовня о творцах и носителях культуры

Современное состояние тех или иных народностей и рас ничего не говорит об их возможностях и умственных дарованиях. «Дикари» не потому стоят на низших ступенях культурного развития, что они вообще не способны к культурному прогрессу благодаря их головному индексу, окраске кожи и т. п. «Мы должны решительно установить, — пишет всемирно известный географ и этнограф Ратцель, — что понятие «дикие народы» не включает в себе ничего антропологического, ничего анатомно-физиологического, а есть чисто этнографическое, культурное понятие. Дикие народы — народы с бедной культурой».

Не раса обуславливает для того или иного народа занимаемую им культурную ступень, но социальные закономерности, закономерности исторического развития данного народа и всемирно-исторического развития. И не теории расовиков, смешивающие все в одну кучу, подменяющие историю, социологию биологией (причем самым вульгарным образом понятием биологией), могут нам объяснить культурный уровень народа, а только марксизм, вскрывающий эти специфические социальные закономерности.

«Дикари» не идут вперед вследствие того, что развитие производительных сил их общества по ряду причин, вскрываемых марксистским анализом, заторможено. Но в условиях своего быта они обнаруживают сметку и изобретательность, перед которой подчас приходится преклоняться «арийцам».

«Лук, тетива и стрелы. — пишет Энгельс. — образуют уже очень сложное орудие, изобретение которого предполагает долгий, накопленный опыт и изощренные умственные силы»¹ (подчеркнуто мною. — А. Б.). Поразительному остроумию капканов для ловли дичи у диких народов не раз поражались путешественники.

Забывают о том, что для этих «примитивных» с нашей точки зрения изобретений нужна личная одаренность не меньшая, чем в наших условиях для конструирования самолета. И становится понятным, когда антрополог и исследователь Африки Лушан в 1923 году с возмущением писал: «Тягостно слышать, когда невежественные профаны до сих пор называют негров «дикарями». Уже десятилетия тому назад я публично высказал, что в Африке не существует других дикарей, кроме некоторых обезумевших европейцев, и ужасаю-

¹ Ф. р. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1932 г., стр. 22.

щие бельгийские жестокости в Конго дали мне с тех пор во сто раз больше права на подобное утверждение».

«Низшие» расы действительно никак не могли «освоить» цивилизацию культурных народов. ту цивилизацию, которая внедрялась в них звонким красноречием пулеметов и, по словам Лушана, одаряла «дикарей» тремя C: Syphilis, Schnaps, Sklaverei, т. е. сифилисом, водкой и рабством. И после этого гобинисты приходят к выводу, что «низшие» расы не способны к культурному развитию!

Для расовиков не существует социальных закономерностей исторического развития. По их представлениям вся культура и цивилизация скрывается в арийце, как готовый цыпленок в яйце. И куда бы ни попало это чудодейственное яйцо, цыпленок проклюнется наружу. Отсюда фантастические теории, что все культуры созданы арийцами, точнее — «вероучения», решительно ничем не поддерживаемые, фантастические настолько, что в редкую минуту просветления столп гобинизма Вольтман вынужден был признать: «Все же было бы слишком смело рассматривать культуры тех стран (Китай, Вавилонии, Египта.— А. Б), как творение северной расы. Уже одно психологическое соображение исключает подобную гипотезу, т. к. те культуры слишком своеобразны и от северных слишком отличаются, независимо от того, что едва ли можно было бы тут привести антропологические доказательства в пользу такого предположения».

Спасибо за признание!

Не лучше обстоит дело с арийским происхождением культур Греции и Рима. Все «доказательства» Вольтмана, Гюнтера и др.— сплошная «беллетристика», основанная на тенденциозном подборе описаний и статуй. Тщательное изучение тех же статуй великих римлян знакомит нас с явными и важными чертами не арийского типа. Цезарь, Флавий, Веспасиан, Август, после смерти возведенный в число богов особым постановлением сената,— все они, как и многие другие, были сильно брахицефальны. а о Цезаре известно, что он был к тому же черноглазым. И в то время, когда брахицефальные и даже черноглазые элементы вершили судьбами мира и творили одну из великих культур древности, настоящие «чистые арийцы» в лице германцев и галлов «казались перед римской культурой.— как пишет Ратцель,— не менее бедными в культурном смысле, чем кажутся нам кафры или полинезийцы». Отчего же в Центральной Европе, т. е. на своей первоначальной, как это предполагают гобинисты, родине, готовый «цыпленок культуры и цивилизации» не проклевал арийской скорлупы? Отчего для проклевывания скорлупы арийцам

пришлось удаляться от своей родины на тысячи километров, к берегам Нила, Ганга, Тигра и Ефрата, на Ионические острова Эгейского моря, на Апеннинский полуостров?

Снова и снова видим мы, что не «раса», а закономерности исторического развития то выдвигают ту или иную расу или народность на первые роли, вздымая ее до вершин могущества и культурного блеска, то сбрасывают ее затем вниз, те закономерности, которые блестяще вскрыты Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным и которые находят свое выражение в историческом материализме.

Все «низшие» народности расовики считают варварами, угрожающими культуре и цивилизации, забыв совершенно о том, что германцы и галлы, эти «кафры и полинезийцы древности», являлись не меньшими, если не большими варварами по отношению к римской цивилизации.

Тов. Сталин в докладе на XVII съезде партии дал убийственную характеристику бреда расовиков.

«Известно, что старый Рим,— сказал т. Сталин,— точно так же смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители «высшей расы» на славянские племена. Известно, что старый Рим третировал их «низшей расой», «варварами», призванными быть в вечном подчинении «высшей расе», «великому Риму», причем,— между нами будь сказано,— старый Рим имел для этого некоторое основание, чего нельзя сказать о представителях нынешней «высшей расы». А что же из этого вышло? Вышло то, что не римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим».

И подобный «расовый» бред стал государственной философией гитлеровской «третьей империи»!

8. Как подтасовываются карты

(О борьбе за существование и классовой борьбе)

Гобинисты универсализировали биологический закон борьбы за существование и естественного отбора. Они всецело перенесли его на человеческое общество.

Это один из «научных устоев» расовых теорий с их моралью — «падающего толкни».

Разберемся же, насколько основателен этот «устой».

Во-первых, всегда ли в органическом мире мы наблюдаем «борьбу всех против всех»? Нет, не всегда. И это заставляет нас внести первую поправку к теории борьбы за существование даже в области чистой биологии. Эту поправку прекрасно сформулировал Энгельс. В письме к П. Лаврову он

пишет: «Взаимодействие тел природы — как мертвой, так и живой — включает в себя гармонию и коллизию, и борьбу и кооперацию»¹. В другом месте он излагает то же самое, но в более развернутом виде. «Взаимодействие живых существ, — пишет он, — включает сознательное и бессознательное сотрудничество, а также сознательную и бессознательную борьбу. Нельзя даже в растительном и животном мире видеть только одностороннюю «борьбу». Но совершенное ребячество подводить все многообразие исторического развития и усложнения жизни под одностороннюю и тощую формулу «борьбы за существование». Это значит ничего не сказать или того меньше»².

Современная биология хорошо знает, что эти кооперация, сотрудничество, взаимопомощь, сожительство широко распространены в органическом мире. Есть много так называемых «общественных» животных (муравьи, пчелы), много животных, живущих стадами.

Для всех этих животных жизнь сообществом и на основе взаимопомощи является необходимым условием существования. Только так они способны продержаться в борьбе за существование, в борьбе с природой и многочисленными врагами.

У всех «общественных» животных мы наблюдаем, что чем слабее животное в одиночку, тем сильнее взаимная сплоченность стада, кооперированного сожительства.

Во всех школах проходят пример «симбиоза», сожительства рака-отшельника и актинии, — рак с голым брюшком находит защиту у актинии и в свою очередь обеспечивает ее обильное питание остатками своего стола.

Сотни и тысячи примеров кооперации дает нам мир растений. На клубеньках и корнях бобовых живут колонии азотобактерий, связывающих атмосферный азот и тем обеспечивающих азотное питание своим «хозяевам». После бобовых почва оказывается богаче азотными соединениями, и потому бобовые играют такую важную роль в севообороте.

Всем известные лишай, покрывающие кору деревьев и голые бесплодные скалы, представляют симбиоз слившихся воедино гриба и водоросли, которые порознь вовсе не могли бы жить там, где селятся лишай.

Разумеется все эти случаи кооперации возникают без всякого участия сознания. Они возникли на основе естественного отбора, в процессе органической эволюции. Это не трудовая, а физиологическая кооперация, так же как физиологи-

¹ Энгельс, Диалектика природы. Партиздат, 1932 г., стр. 224.

² Энгельс, Диалектика природы. Партиздат, 1932 г., стр. 36.

ческой же кооперацией являются сложные «государства» пчел и муравьев, члены которых распадаются на группы по врожденной форме тела. Потому-то эти «государства» не имеют ничего общего с действительными государствами людского общества, граждане которых распадаются на классы по своему месту в производственном процессе.

Но как бы то ни было, даже и в биологии теория голой борьбы за существование далеко не является универсальным законом. Тем более это не так в человеческом обществе.

История человечества доказывает нам, что все цивилизованные народы земли прошли ступень бесклассового общества — ступень первобытного коммунизма и родового быта, когда взаимопомощь и интересы коллектива были решающим моментом в жизни племени и рода. По словам Энгельса, на этой ступени, в той или иной степени переживаемой еще и теперь некоторыми первобытными народностями, «племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, являлись высшей силой, данной от природы, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мышлении и поступках»¹.

Но бесклассовое общество, основанное на взаимопомощи, пало.

«Элементарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная алчность, эгоистический грабеж общего достояния — таковы, — как пишет Энгельс, — были силы, породившие новое, цивилизованное, разделенное на классы общество: самые низкие средства — воровство, насилие, обман, измена — подкапывались под старый бесклассовый родовой строй и привели его к падению»¹. И вся дальнейшая история человечества есть история борьбы классов.

«Свободный и раб, патриций и плебей, цеховой мастер и подмастерье, — пишут Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте», — короче, угнетатель и угнетаемый находились в постоянной вражде друг с другом, вели непрерывную то скрытую, то явную борьбу, оканчивающуюся каждый раз революционным переустройством всего общества или совместной гибелью борющихся классов»². «Однако, наша эпоха буржуазии, — пишут они дальше, — отличается тем, что она упростила классовые противоречия. Все общество все более и более раскалывается на два больших враждебных лагеря, на

¹ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1932, стр. 98.

² Карл Маркс, Избранные произведения в двух томах. Партиздат, 1933 г., стр. 152 и 153.

два больших, прямо противоположных друг другу класса — буржуазию и пролетариат»¹.

Можно ли классовую борьбу в человеческом обществе подменить борьбой за существование, как это стараются сделать расовики?

Вспомним здесь широко известное замечание Энгельса в его письме к П. Лаврову. «Самое существенное отличие человеческого общества от общества животных, — пишет он, — состоит в том, что животные в лучшем случае накапливают, между тем как люди производят. Но уже одно это капитальное отличие делает невозможным простое перенесение законов животного общества в человеческое общество»².

Животное обычно всем своим строением приспособлено к окружающей его природе и к своему образу жизни. Эта анатомическая приспособленность животного и его врожденные инстинкты являются его единственным оружием в борьбе за существование. Животные не способны изменить ни собственных приспособлений, ни окружающей их природы. Выживая в результате борьбы за существование, всякое животное выживает как обладатель врожденных приспособлений.

Животное является пассивным обладателем своих «естественных орудий». Они вырабатываются во время длительного процесса эволюции, вырабатываются на основе естественного отбора, помимо какого бы то ни было участия в этом самого животного.

Человек же является активным творцом своих орудий труда, своих «искусственных органов». Этим самым он изменяет свою собственную природу, он как бы производит сам себя со всеми своими «приспособлениями». Но, изменяя самого себя, человек стал и активным творцом окружающей его природы. Диких животных он превратил в домашний скот, обеспечивающий его пищей, одеждой и рабочей силой. Верблюд проложил ему пути через недоступные и непроходимые песчаные океаны пустынь. Реки и моря, разделяющие сухопутный животный мир, стали для него путями сообщения. Человек культивировал растения, заставляя природу давать ему то, что ему нужно. Он совершенно изменил естественный ландшафт и даже, до некоторой степени, климатические условия. В пунктах, населенных человеком, от «дикой природы» почти ничего не осталось. Искусственным орошением еще во времена «седой древности» человек превращал безжизненные полупустыни в цветущие поля и сады. Вырубая леса, он со-

¹ Карл Маркс. Избранные произведения в двух томах. Партиздат, 1933 г., стр. 152—153.

² Ф. Энгельс, «Диалектика природы. Партиздат, 1932 г., стр. 225.

здавал пашни для своих посевов, а в других местах посадкой леса и растительного покрова он приостанавливал губительное продвижение песчаных дюн.

Итак, человек не только как бы «производит» сам себя, но, в значительной мере, он сам создает, сам производит окружающие его условия существования. Он завоевал воздух и подземные богатства. Добывая себе пищу из морских недр, искусственно повышая урожайность культурных растений, выводя новые породы домашних животных с большей мясностью и молочностью, человек, в процессе своего труда, производит, т. е. сам создает, и свои продукты питания.

Как же можем мы переносить на человеческое общество борьбу за существование и естественный отбор?

Мы знаем, что основной причиной органической борьбы за существование является соперничество между особями, представляющими одни и те же требования к окружающей среде, соперничество, вызванное, с одной стороны, быстрым нарастанием числа особей в процессе размножения, а с другой стороны, ограниченностью в природе места и пищи. Но, поскольку человек является как бы сам создателем своей пищи, он и в этом отношении все больше и больше освобождается от зависимости от природы. Человек обитает не только там, где есть желательная для него пища, но умеет создавать пищу в тех местах, где он сам живет. Он вывел сорт риса, растущий на Украине. Мичуринские сорта винограда растут на широте Москвы. Домашних животных человек ведет за собой даже на самые отдаленные северные окраины СССР.

С улучшением орудий труда природные запасы пищи для человека увеличиваются практически безгранично. Достаточно, например, увеличения урожайности на 30 процентов (чего можно добиться лучшей организацией земледелия, удобрением и посевом сортовых семян), чтобы «излишек», полученный на территории СССР, был достаточен для пропитания нескольких западноевропейских стран. Траулерный лов не только облегчает, но и значительно увеличивает использование пищевых богатств морских недр. Завоевание пустынь, полупустынь, лесов и северных широт для пашен и посевов способно увеличить пищевые ресурсы человечества в очень много раз. Для сохранения рыночных цен во многих капиталистических странах сжигаются миллионы пудов пшеницы, уничтожаются десятки тысяч литров молока, из тысяч голов свиней готовят удобрения, в то время как голодают миллионы трудящихся и безработных. Это также показывает, что с наличием пищи в человеческом обществе дело обстоит не так уж скверно. Премерзко дело обстоит с распределе-

нием пищи, что уже заставляет предполагать, что в человеческом обществе мы сталкиваемся с чем-то иным, чем с биологической борьбой за существование.

Ни пища, ни место на земной поверхности (которая также сейчас допускает практически неограниченное численное увеличение человечества) не могут служить поводом для борьбы за существование в чисто биологическом смысле. Да и самое понятие перенаселения в густонаселенных пунктах есть понятие относительное, связанное с социальными условиями в классовом обществе и нынешним уровнем развития производительных сил. Человек, научившийся селиться по вертикали в многоэтажных городах, в будущем сумеет взять «перенаселение» под подлинный контроль. Мы можем сказать, что человек создает для себя место так же, как он создает пищу.

Но если два главных стимула биологической классовой борьбы не действительны в человеческом обществе, то, быть может, классовая борьба и есть борьба за существование?

Социальные дарвинисты и расовики это и утверждают.

Мы знаем уже политический смысл этой подмены. Разберемся же в аргументации.

Социальные дарвинисты водились уже во времена Маркса. Критикуя одного из первых среди них — Ф. А. Ланге, Маркс указал, что приравнивать классовую борьбу к борьбе за существование — это значит одно из двух:

либо не сказать вовсе ничего, ибо когда придется отвечать конкретно, как же идет борьба за существование в человеческом обществе, то нужно будет попросту рассказать все по порядку о классовой борьбе;

либо же сознательно стремиться затушевать классовую борьбу с целью возвести господство буржуазии и эксплуатацию человека человеком в закон природы.

В самом деле, борьба за существование и естественный отбор означает по существу, что выживают более крепкие, более приспособленные с точки зрения строения их тела. Разве это характерно для человеческого общества? Расслабленный рантье, худосочный наследник отцовских миллионов, господствует в классовой борьбе над тысячами подчиненных ему рабочих. Не биологическое совершенство тела, а классовое место учитывается в классовой борьбе. Не гениальность, а деньги дают победу в капиталистическом обществе. Классовая борьба и борьба за существование в органическом мире есть явления разных порядков. Поэтому славословия расовиков процессу, приведшему к господству аристократии и буржуазии, процессу, якобы улучшающему расу, подобно тому

как естественный отбор обуславливает в мире организмов прогрессивную эволюцию, — эти славословия есть результат подтасовки карт.

Биологически неприспособленные устраняются в мире организмов потому, что они не могут оставить потомства — они более или менее быстро уничтожаются. Но в развитом человеческом обществе люди с «биологическими недостатками» (что вовсе не значит непременно «неполноценные люди») не уничтожаются. Близорукие, узкогрудые, физически слабые сохраняют права на жизнь, наравне с атлетами. Биологический естественный отбор почти нацело выключен в развитом человеческом обществе. Здесь сохраняются разве только элементы, остатки его, да и то преобразованные, как бы «переосмысленные» классовой борьбой, причем эти остатки заметны тем более, чем ниже ступень развития, на которой находится общество (по теориям же социальных дарвинистов должно было бы быть наоборот!).

Так, суровые условия жизни и низкий уровень производительных сил у первобытных народов приводят еще к естественному отбору, вырабатывающему некоторую биологическую приспособленность к этим условиям: исключительную выносливость организма, нечувствительность к зною и холоду, остроту органов чувства и т. д. Связаны с этим и такие поразительные путешественников качества первобытных народов (уже не чисто биологические но выработанные и социальной практикой), как наблюдательность, феноменальная способность «слепопытства»: по ничтожной царапине на коре дерева, по едва заметно примятой траве, по слегка надломленной ветке они безошибочно узнают следы зверя, как давно он прошел, направление пути, даже его состояние и «настроение» — сытый он или голодный, «сердитый» или спокойный. По множеству незаметных и непонятных для европейца признакам они заблаговременно и безошибочно предугадывают погоду — грозу и бурю, наводнение и засуху.

Первобытные народы удивляются несмышленности «белых». «Глуп, как белый» — вот самая обидная формула индейцев для оценки никчемности и непригодности человека. «Чутье» туземцев выручало многих цивилизованных белых. Благодаря своим спутникам — эскимосам — Пири смог добраться до северного полюса. Первобытный гольд — проводник и спутник Арсеньева — дал ему возможность изучить дебри Уссурийского края; без Дерсу Узала погиб бы Арсеньев со своей экспедицией. Опыт всех путешественников и вообще всех «белых», близко сталкивавшихся с «дикарями», заставил их очень высоко оценивать умственные способности

сти и смысленность «дикарей», что не мешало бы расовикам иногда не забывать.

По словам одного путешественника, бушмены способны замечать отдаленные предметы, которые европеец может различить только при помощи подзорной трубы. «На моих глазах,— пишет он,— они открывали стада антилоп, находящихся от нас на расстоянии полуторы мили».

«Мальчик-бушмен,— пишет он дальше,— взятый английским капитаном на его корабль, замечал с палубы появившиеся на горизонте корабли, прежде чем матросы могли различить их с высоты мачты, а капитан с трудом мог отыскать их даже при помощи подзорной трубы».

Но чем больше развиваются производительные силы, чем больше человек в состоянии в своих интересах изменять и свою собственную и окружающую его природу, тем все меньше становится его зависимость от нее, тем сильнее падает роль естественного отбора.

В теплых квартирах, в теплой—при желании даже электрифицированной—одежде не нужно обладать выносливостью к холоду чукчей, эскимосов или огнеземельцев. Для трудовых процессов современного европейца не нужна острота зрения австралийцев или бушменов. Самый близорукий или дальнорукый может выполнить все, что ему нужно, тем более что очки легко ликвидируют дефект его зрения. То же, во многих случаях, касается и слабоисильности, не мешающей даже добиться славы и мирового признания в различных областях науки и искусства.

Значение естественного отбора, повторяем, как бы обратно пропорционально уровню развития общества.

О каком «естественном отборе» может идти речь, когда вокруг культурного человека—искусственная, им самим созданная среда и среди этих искусственных условий среды главную роль играет социальная среда?

Не естественным отбором, а социальными причинами обусловлены в классовом обществе распределение и рождаемости и смертности. В отвратительных трущобах, в которые запер рабочих капитализм, налицо все условия для развития инфекционных болезней, как туберкулез, сыпной и брюшной тиф, которые с полным правом могут быть названы социальными болезнями. Именно среди неимущих слоев населения, фактически почти лишенных к тому же возможности медицинской помощи, мы встречаемся с огромной смертностью, в особенности среди детей. Интересно привести некоторые данные о детской смертности, характерные еще и тем, что их приводит расовик Ленц.

В городе Галле из всех умерших грудных детей оказалось:

1. Из семей крупных чиновников и академических деятелей —	4,3%
2. Из семей приказчиков	11,3%
3. Из семей самостоятельных купцов	13,0%
4. Из семей средних чиновников	13,5%
5. Из семей низших чиновников	14,2%
6. Из семей квалифицированных рабочих	18,1%
7. Из семей чернорабочих	24,1%

Подобные же данные можно привести для какого угодно государства и какой угодно народности.

Нуждаются ли в комментариях эти данные расовика, бьющие по всем его фашистским построениям?

Часто «удивлялись» (и считали «доказательством» того, что мужик и рабочий «выигрывают» от того, что им тяжело), что в нищей царской деревне или в рабочих районах выросло относительно физически здоровое население. Но при этом забывали «только» то, что вырастали лишь сравнительно немногие, самые крепкие, а большинство умирало, не выдержав испытаний даже первого года жизни!

Нас не удивит теперь и тот с несомненностью установленный статистикой факт, что наибольший процент «неполноценных» (если уж говорить о «неполноценности») — хилых, слабых, психически ненормальных — падает, вопреки Гюнтерам и Ленцам, на «высшие слои» населения — людей сытой, изнеженной, паразитарной жизни, широко пользующихся высококвалифицированной медицинской помощью снижающей смертность до минимума.

К крайне интересным выводам, касающимся «отбора» в классовом обществе, приводят и другие таблицы, касающиеся смертности от социальных болезней. К сожалению, буржуазная статистика не дает четкой классовой дифференциации — классы мы должны угадывать за «расами» буржуазных статистиков.

Вот смертность от туберкулеза в САСШ в 1900 году:

у белых	1,7	на 1 000 человек
» негров	4,9	» » »
» индейцев	5,1	» » »
» китайцев	6,6	» » »

Из бедных евреев оказались менее всего подверженными туберкулезу (данные по Нью-Йорку за 1885—1890 годы):

у поляков и русских (большинство еврей)	1,0	на 1 000 человек
» венгерцев (большинство еврей)	1,5	» » »
» американцев	2,0	» » »
» англичан	3,2	» » »

у немцев	3,3 на 1 000 человек
» ирландцев	6,5 » » »
» негров	7,4 » » »

То же по данным, собранным в Тунисе за 1884—1900 годы:

у евреев	0,15 на 100 человек
» европейцев	1,02 » » »
» арабов	2,22 » » »

Не менее показательны данные о сыпном тифе, свирепствовавшем в Европе после 1914 года. Вот что пишет об этом проф. Тарасевич: «Смертность от сыпного тифа составляет 7—14 процентов всего числа заболеваний. Замечательно, что среди евреев смертность была вдвое меньше, чем среди русских, среди русских военнопленных в Германии меньше, чем среди германцев, заражавшихся от русских».

Чем же объясняются эти факты?

Туберкулез — болезнь европейских трущоб. Отсюда он пошел гулять по свету. Зато у европейских народов (т. е. среди их основной, трудовой массы) туберкулез в течение столетий успел в значительной степени выкосить людей, менее стойких к туберкулезу. Умерли миллионы, остались те, кто более стоек к нему.

Где были более благоприятные условия для туберкулеза и сыпного тифа, чем в еврейских гетто? Нынешняя большая стойкость евреев к этим социальным болезням куплена ценой столетий жизни в ужасных гетто средневековых городов.

Эти же причины объясняют и общую меньшую смертность европейцев от социальных болезней по сравнению с вне-европейскими народностями.

Значительно более длительный «стаж» культуры германцев по сравнению с царской Россией объясняет и их малую стойкость против сыпного тифа.

Таков отбор в классовом обществе. Очевидно, что это не тот естественный отбор, который ведет органический мир по пути эволюции. В классовом обществе направление действия отбора и его конечный результат определяются не естественными законами природы, а социальными причинами. Он изменяет и изменял свой характер в разных обществах и у разных классов от одной эпохи к другой, в тесной связи с классовым расслоением общества, зависящим и зависевшим от социальных законов исторического развития.

* * *

Среди причин борьбы за существование в органическом мире играет одну из самых важных ролей стихийно быстрая размножаемость организмов.

И это расовики также переносят на человека. У самого Дарвина, который, будучи величайшим революционером в науке, оставался вместе с тем типичным буржуа, неспособным понять диалектики развития человеческого общества, мы находим характерное заявление: «Человек стремится к столь быстрому размножению, что его потомки по необходимости должны подвергнуться борьбе за существование, а следовательно и естественному отбору».

Рассмотрим и этот довод, попутно оценив по достоинству и утверждения расовиков о «благородной неспособности арийской расы к быстрому размножению».

Возьмем, например, данные Бертильона, который еще в 1897 году сосчитал число рождений на тысячу женщин в возрасте от 15 до 50 лет, сопоставив межлу собой беднейшие и наиболее богатые кварталы Лондона, Парижа, Берлина и Вены. Беднейшие кварталы дали среднее число в 153 рождения в год, тогда как богатые всего лишь 54 рождения, т. е. почти в три раза меньше. Вывод о связи числа рождений с экономическим благосостоянием напрашивается сам собой. Множество новых статистических данных убедительно подтверждает этот вывод.

Вот, например, данные 1912 года о числе детей на каждый брак в Пруссии:

у офицеров, высших чиновников, лиц свободных профессий . . .	2,0
у служащих с техническим и коммерческим образованием . . .	2,5
у низших служащих с профессиональной подготовкой . . .	2,9
у фабричных рабочих . . .	4,1
у сельскохозяйственных рабочих и поленщиков . . .	5,2

Дело объясняется очень просто. Чтобы поддержать на определенной высоте «минимум» привычных «благ жизни», капиталисты предпочитают не обременять себя потомством. Отсюда и знаменитая «Zweikindersystem» — система двух детей, которая стала обычной для господствующих классов всех капиталистических стран. Отсюда и всякие средства для снижения рождаемости, которые крайне широко распространены в этих классах и почти ежедневно с шумной рекламой снова и снова выбрасываются на рынок. В этих классах шире всего распространены и аборты. Правда, аборты запрещены законодательством почти всех цивилизованных стран (одно из чудовищных лицемерий буржуазной культуры), но на деле это значит только, что это средство доступно лишь богатым. В капиталистических странах деньги обходят всякий закон и все делают возможным. Можно только удивляться «наивности» Ленца и др., которые, гордясь неплодовитостью «полноценных» и «интеллектуальных» элементов, не

принимают во внимание аборт, которые производят чистокровные арийки, не говоря уже о том числе возможных детей, рождение которых было «предупреждено». Если же включить в расчет и все эти несостоявшиеся рождения, тогда «высокосовершенные» арийки окажутся не менее, если не более плодовитыми, чем женщины «неполноценных» низов с их «низменными», «животноподобными», земными интересами. Разница окажется только в том, что для «низов» аборт, как и многие предупредительные меры, невозможны — нищие обречены плодить нищих. К тому же в неимущих «низах» в брак, трудовой союз, вступают раньше, тогда как в «верхах» с браком не торопятся — надо же сначала пожить владыка да и поднакопить приличное для брака обеспечение.

Но в капиталистическом обществе экономическое благосостояние — весьма нестойкая вещь. Во время периодических кризисов и войн оно резко идет вниз. И, подобно чуткому барометру, рождаемость немедленно откликается на все эти социальные пертурбации, повышаясь в моменты экономического подъема и заметно снижаясь в моменты кризисов и перебоев. Подобные закономерности размножения, связанные с социальными условиями, прекрасно известны и для древней Греции и Рима и для других цивилизованных стран древности.

Человек и в своем размножении резко отличен от всех остальных животных. Он является регулятором своего размножения. И в этом отношении он как бы изменяет свою собственную природу. Закономерности рождаемости в человеческом обществе — не биологические, а социальные закономерности.

Регулирование размножения мы встречаем также и у всех первобытных и малокультурных народностей. Главным образом это регулирование производится путем искусственных выкидышей, которые практикуются открыто и законно и производятся множеством способов, освященных обычаем. Большой частью выкидыши производятся лекарствами растительного происхождения, но нередко употребляют и различные механические средства. Так, например, эскимосы пользуются для этого заостренными ребрами тюленей или моржей, а гавайцы Сандвичевых островов специальным деревянным инструментом, изображающим особое божество.

У многих малокультурных народов принято иметь двух детей, в крайнем случае трех, и, как мы видим, своей нормой они не уступают аристократам и зажиточным слоям цивилизованных стран. Эта норма, выдерживаемая довольно жестко, продиктована интересами коллектива в условиях тяжелой

жизни первобытных народов, где каждый лишний рот обременителен. Недаром первобытные народы не ограничиваются лишь регуляцией рождения, но широко пользуются и регуляцией смертности. Распространено убийство уже рожденных детей, в особенности девочек (не охотники), и убийство стариков и больных, т. е. непроизводительных членов коллектива.

Необходимо помнить, что все эти «кровожадные» и «зверские» обычаи, «приводящие в ужас» цивилизованные народы, были свойственны и всему первобытному населению цивилизованной Европы. Они известны для древних греков и римлян и были распространены среди древних германцев, скандинавов и кельтов. Подобное регулирование размножения — не частное дело, а дело коллектива. Коллектив под давлением жестокой экономической необходимости выработал мощную силу обычая, превратившую контроль над числом живых в нечто само собой разумеющееся.

Экономика продиктовала мораль. Европейцы много раз поражались, видя, как сами старики требовали совершения над ними обычая и считали оскорблением затяжку. Европейцы искали «зверей» и не нашли их.

Регуляция размножения путем абортов, как и убийство стариков и детей, не только предупреждает у некоторых малокультурных народностей перенаселение, но приводит к явному вымиранию..

С самых первых ступеней развития своего общества, с тех пор, как человек стал человеком, он живет под воздействием социальных законов. Даже такая «биологическая» функция, как размножение, во всяком человеческом обществе есть уже социальная функция.

Итак, можно ли перенести на человека основной фундамент биологической борьбы за существование — «стремление к перенаселению»?

Для человечества (в особенности для самых культурных народов) перенаселения фактически не существует. Такая страна, как США, по расчетам буржуазных экономистов, могла бы, даже при нынешнем уровне развития производительных сил, вместить и прокормить вдесятеро большее население. А вместе с тем нет более кровожадной, более зверской борьбы, чем та, которую встречаем именно у человека. И это не биологическая борьба за существование, но борьба между классами — та борьба, которая разжигает и национальную и расовую рознь.

Слишком грубы и явно не научны попытки «освятить»

борьбу двух классов — угнетателей и угнетенных — в человеческом обществе ссылаясь на «закон природы».

Мы видим, что, несмотря на расовые теории, капиталисты арийских и неарийских стран находят общий язык, когда заходит речь о крестовом походе против СССР, в то самое время, когда на площадях Парижа и в рабочих предместьях Берлина и Вены расстреливаются рабочие их собственной расы. Мы знаем, что германский фашизм подал дружескую руку японскому империализму, хотя, как мы знаем, теория расовиков требует крайней враждебности по отношению к низкорослым, короткоголовым и желтокожим народностям¹. И если теоретики германского фашизма стараются теперь найти у японцев хотя бы следы арийской крови, то этим они секут сами себя, ибо это значит признать единство человеческого рода.

Нет никаких расовых и национальных интересов. Есть только интересы угнетенных и угнетателей.

Когда, ломая пограничные таможни, перегородки национальностей и рас, над странами капитала пронесется мировой Октябрь, только тогда будет положен конец классовой борьбе и действительно разрешен «расовый вопрос» так, как он разрешен сейчас в единственной стране, в СССР, бурными темпами создающей первое бесклассовое общество в мире.

¹ Достаточен для разоблачения классового смысла расовых теорий также следующий факт: еврейские капиталисты объявили свой, также основанный на «чистоте расы» «сионский фашизм», «родственный по духу... германскому национал-социализму» (!!). Когда капиталисты дерутся за собственную шкуру, им не до чувства юмора.

IV. Животное ли человек и едино ли его происхождение

1. Еще раз о человеческих расах

Доводя свою теорию до логического конца, расовики вынуждены признать, что различные человеческие расы имеют различное происхождение.

До сих пор вопроса о происхождении человека мы не касались. Теперь мы подошли к этому вопросу.

Едино или не едино происхождение человечества?

Мы уже убедились в единстве современного человечества.

Как итоговое подтверждение всего сказанного выше, можно привести слова Боаса из его книги «Ум первобытного человека». «В некоторых случаях, — пишет этот известный американский антрополог и этнограф, — встречаются различия, оказывающиеся достаточно глубокими для того, чтобы легко и определенно отличить одну расу от другой. Так, цвет кожи, цвет и форма волос и очертания губ и носа определенно отличают африканского негра от северного европейца. Однако, сравнивая все человеческие расы и типы, мы находим, что существуют бесчисленные переходы, затрудняющие констатирование того, что какая-нибудь определенная черта является специфической особенностью одного типа».

Конечно расы существуют, но все крайние расы соединяются друг с другом бесчисленными переходами.

Ни одна раса не является однообразной и стойкой по всем своим «специфическим» признакам. Нет такой расы, чистота которой не нарушалась бы признаками, свойственными другим расам и другим группам. И чем больше мы исследуем человечество, тем больше мы находим в нем новых комбинаций, новых сочетаний различных расовых признаков друг с другом и тем больше новых «рас» приходится вводить в систему подразделений человеческого рода. Поэтому-то все туманней становятся черты разграничения между отдельными расами, еще недавно казавшимися антропологам «хорошо очерченными».

Человечество, которое изучает современная антропология, оказывается единым человечеством.

Чем же объяснить такое множество человеческих рас и огромную, многогранную изменчивость, наблюдаемую внутри каждой расы?

На это есть единственный ответ: все расы давно и многократно скрестились, смешались друг с другом.

Перекочевки и переселения, которые происходили на земной поверхности с первого же момента появления на ней человека, создавали благоприятные условия для всевозможных скрещиваний. Сколько «великих переселений народов» занесено в письменную историю человечества! А сколько их было в доисторический период, не зафиксированный никакой письменностью! Во время этих передвижений, а также мирного сожительства народов бок о бок, поневоле перемешивались между собой все человеческие группы, народы, расы.

И этот процесс неизбежного смешения тянулся на протяжении всей человеческой истории, как беспрерывно идет и теперь.

Отсюда ясен и вывод, что в данный момент на земной поверхности нет и не может быть ни одной «чистой» расы. Нет рас без примеси «чужеродных» элементов ни в Европе, ни во внеевропейских странах.

Вот что пишет, например, Лушан о народах Европы: «Также и среди народов Европы все находится в течении; с севера на юг, как и с запада на восток, все находится в движении, имеются лишь крайние типы и переходные формы, нигде нет твердых границ. Лишь только неспециалист может теперь говорить про «белую расу», ни один специалист не сможет серьезно определить это понятие». А о разнообразных народностях Африки тот же Лушан в своей прекрасной книге «Народы, расы, языки» говорит: «Все они не имеют твердых географических или политических и лингвистических границ, живут в пограничных областях в полном смешении со всеми соседями и вообще, вследствие тысячелетних перекочевок, настолько между собою перемешались, что существуют бесчисленные смешанные формы, и таким образом требуется чрезвычайное старание, большая точность исследования и самые усовершенствованные методы, чтобы снова выделить основные древние типы».

Вне всякого сомнения, пресловутая «арийская раса» есть такой же продукт смешения, как и все остальные расы земли. Иными словами, сейчас никаких «чистых арийцев» не существует и не может существовать. Каждая современная

раса есть сложный производный продукт неоднократных скрещиваний, ни числа, ни характера которых больше нельзя установить.

Правда, этим выводом расовая проблема еще не решается. Возникает вопрос: каков же был тот исходный человеческий материал, те первоначальные человеческие расы, которые при дальнейших скрещиваниях дали все многообразие современных человеческих рас? И другой вопрос: когда и почему впервые появились в человечестве расы, ставшие исходными расами? Сколько их было и каковы были их расовые отличия?

Надо прямо сказать, что решение этих вопросов крайне затруднено. Мы не знаем ни числа, ни характерных особенностей первичных человеческих рас, породивших всю чрезвычайную пестроту современного человечества. Мы не знаем первоначального их распространения — их «родины», а это было бы очень важно выяснить, чтобы отдать себе отчет в тех условиях, при которых вырабатывались характерные расовые признаки.

Мы не знаем также путей перекочевок и переселений первичных рас и поэтому не может даже сказать, какие «вторичные», производные расы могли быть результатом их скрещивания. А ведь эти «вторичные», «третичные» и т. д. расы своим дальнейшим скрещиванием и дали нам современное человечество.

Для разрешения всех этих вопросов науке приходится привлекать окольный материал. Непосредственным свидетельством могли бы явиться ископаемые остатки далеких, доисторических предков человека. Но, как мы увидим, ископаемый материал, имеющийся в нашем распоряжении, очень скуден.

Вот почему наука не обладает еще вполне законченным разрешением проблемы первичных рас. Но, несмотря на «белые пятна» в разрешении расовой проблемы, одно здесь установлено современной наукой с полной категоричностью — это единство происхождения человеческих рас. Наука о происхождении человека приводит к тому же выводу, что и изучение современных человеческих рас. При всех своих различиях человеческие расы смыкаются в единый круг, в одну семью народов, единство которой может быть обяснено лишь их единым происхождением. Нет, не было и не может быть «высших» и «низших» рас.

Теперь нам предстоит познакомиться еще с другими доказательствами, подтверждающими правильность этого вывода.

2. Попы и наука о человеке и животных

Поповщина вырывает непроходимую бездну между человеком и животным. Человек от всех животных отличается разумом, «душой», он «венец творения». Разумность человека, с точки зрения поповщины, имеет божественное происхождение. Бог создал человека «по образу и подобию своему».

«Святые отцы и учителя церкви» создали такую «теорию» происхождения человека: «Из видимого и невидимого вещества бог своими руками сотворил человека по образу своему и по подобию: из земли он образовал тело, а душу словесную и разумную сообщил человеку своим дуновением». Это пишет «святой отец церкви» Иоанн Дамаскин.

Полный отрыв человека от животного мира, невозможность животного происхождения человека — вот чему учит религия.

И классовая наука фашизма сейчас, через семьдесят лет после Дарвина, пытается снова возродить не что иное, как библейский миф!

Вот, например, «вывод» антрополога Эби, к которому он приходит в своей книге «Формы головы человека и обезьян»: «Человеческий род является для нас как отдельный остров, с которого нет моста на соседнюю землю млекопитающих». Под этим «научным» выводом с радостью подпишутся все «святые отцы и учителя церкви».

В свое время с этой точкой зрения солидаризовался и знаменитый Уоллес, который одновременно с Дарвином и независимо от него дал причинное объяснение эволюции органического мира, открыв закон естественного отбора. «Мы находим,—пишет он в своей прославленной книге «Дарвинизм»,— что Дарвинова теория, даже доведенная до ее крайних логических заключений, не только не опровергает, но даже доказывает справедливость мнения о духовной природе человека. Она разъясняет нам, каким образом человеческий организм развился из организма низших животных по закону естественного подбора, но она также говорит нам, что у нас есть умственные и нравственные способности, которые не могли развиваться этим путем, но должны были иметь другое происхождение, и для этого происхождения мы можем найти достаточную причину только в невидимом духовном мире».

Чем это отличается от комментариев к библии Иоанна Дамаскина? И будем ли мы удивляться, что сам Уоллес скатился к... спиритизму?

Чтобы разоблачить до конца все эти «ученые рассуждения», мы должны внимательно разобраться в действительном отно-

шении человека к животному миру, представляет ли собой человек «отдельный остров», с которого нет мостов ко всем остальным животным.

Изучение строения человеческого тела и сравнение его строения с анатомическим строением других позвоночных животных доказывает прежде всего, что человек не обладает ни одним специфически человеческим органом. Все органы человека имеются и у других позвоночных животных и иногда настолько похожи на их органы, что неспециалисту их трудно даже отличить. Так, например, неанатому трудно отличить сердце человека от сердца собаки, по отрезкам артерий и вен трудно узнать, принадлежат ли кровеносные сосуды человеку или, скажем, корове. Даже по структуре спинного мозга трудно определить, какому млекопитающему животному он принадлежит. Вещество человеческой кости, «материал», из которого построены мышцы, печень, почки и даже головной мозг, — все это покажется неспециалисту «не специфичным» для человека. Вот это-то поразительное сходство в строении органов и в их расположении, которые мы наблюдаем у человека и других позвоночных животных, заставляет нас говорить о едином плане строения всех позвоночных животных.

Блестящим примером единого типа строения могут служить два таких важных для человека органа, как мозг и рука. С мозгом связан человеческий разум. Благодаря руке человек, в отличие от остальных животных, способен производить. Поэтому, с некоторым правом, один ученый сказал, что «рука создала человеческую историю». Рука и мозг, должны сказать мы. И что мы наблюдаем в строении этих двух органов исключительного для человека значения?

Как ни различны и по внешнему виду и по своему «назначению» передние конечности тигра, тюленя, летучей мыши и человека, все же более глубокое изучение обнаруживает поражающее нас сходство в их устройстве. Присмотримся к скелетам передних конечностей. В верхней части каждой из них мы наблюдаем одну плечевую кость. За ней обязательно расположены две кости — лучевая и локтевая. Затем идут несколько маленьких косточек запястья. От них отходят пять длинных пястных костей, к которым присоединяются косточки пальцев, так называемые фаланги пальцев, причем на всех пальцах по три фаланги, а на большом пальце всего две. Единый план строения бросается в глаза.

То же можно сказать и о строении головного мозга. Вот перед нами головные мозги собаки и человека, показанные сверху, снизу и в профиль (рис. 9). Сходство строения выра-

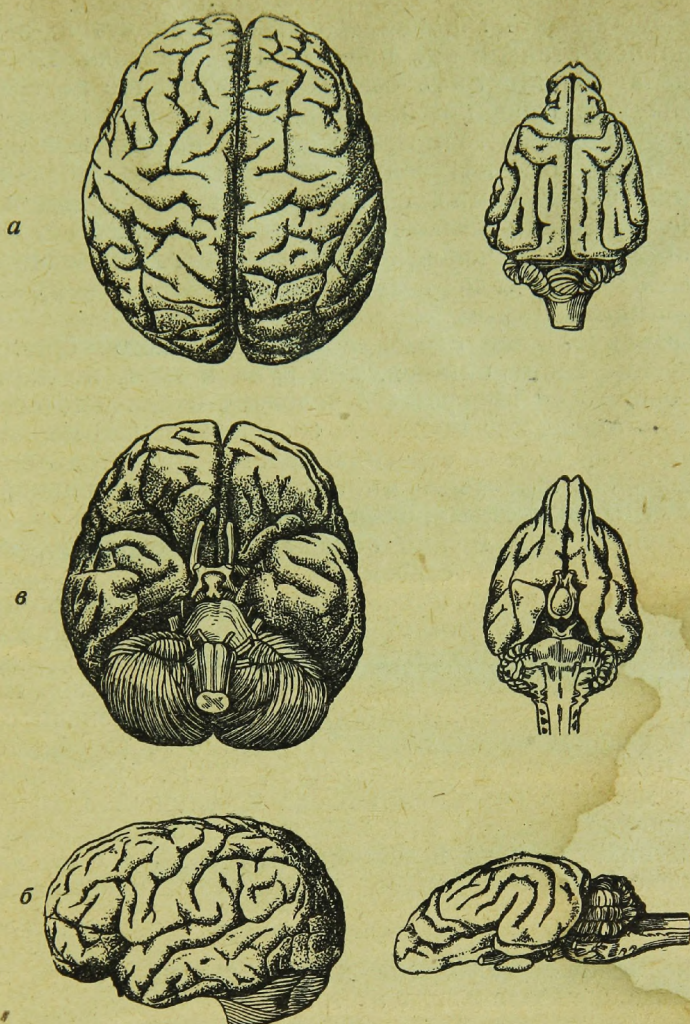

Рис. 9. 1 — мозг человека: а) сверху, б) снизу, в) в профиль
2 — мозг собаки: а) сверху, б) снизу, в) в профиль.

жается в одинаковости частей и их расположения. Везде одинаково ясно выступают большие полушария мозга, которые достигают у человека очень значительного развития. Ясно виден и мозжечок, или малый мозг, с его своеобразным устройством. Наблюдая мозг снизу, мы опять-таки везде находим те же части, те же самые головные нервы, попарно отходящие из тех же самых мест. У кролика, например, поверхность

больших полушарий гладкая, у собаки извилистая, и в особенно сильной степени она извилиста у человека. Но это не меняет дела. Извилистость означает увеличение поверхности мозга. Мы уже говорили о крайней сложности внутреннего строения человеческого мозга, о его так называемой архитектонике. Но в своем внутреннем строении человеческий мозг состоит из тех же самых составных элементов, как и мозг других позвоночных животных. Правда, количественное усложнение структуры человеческого головного мозга стало качественным — оно дало возможность человеческому мозгу стать мыслящим мозгом.

Следовательно, все строение человеческого организма, даже строение таких органов, как рука и мозг, не дает нам никаких оснований превращать человека в какой-то «особый остров», с которого нет мостов на соседнюю землю млекопитающих. По всему своему строению человек является лишь отдельным звеном животного мира, отдельной ступенькой среди позвоночных животных, единых по своему плану строения.

Единственное, чем можно объяснить это сходство, как и вообще «единый план строения», — это общность организмов между собой, их родство, вызванное их единым происхождением. Они развились от единого предка, потомки которого изменялись в различных направлениях в продолжение огромных промежутков времени и, приспособившись к различным условиям среды, достигли различной степени совершенства и высоты организации. Строение этого общего исходного предка, хотя и в измененном виде, должно было остаться у всех его потомков. Отсюда и «единый план строения» — основное сходство при весьма заметных и часто резких различиях. Отсюда и неминуемый вывод о животном происхождении человека, вывод о том, что человек развился из животного мира, в котором и следует искать предков человека.

Строение человеческого тела дает и другие, более непосредственные доказательства этого.

3. Неизжитые пережитки прошлого

Человек — «подобие божие», если верить библии, — по своей организации должен был быть самым совершенным существом. Но на деле в строении тела совершенного «венца творения» есть много недочетов. Мы находим прежде всего множество как бы лишних органов, не выполняющих в организме никакой функции, может быть правильнее сказать — функция которых никакого значения для человеческого ор-

анизма не имеет. Так как они однако питаются, как и всякий орган тела, то они могут, пожалуй, считаться паразитами в теле человека. И эти ненужные, как бы паразитные органы носят название рудиментарных органов. И как раз у человека, «венца творения», рудиментарных органов больше, чем у какого бы то ни было другого животного. Их свыше двухсот. Большая часть из них — мышцы. Хорошим примером рудиментарных мышц могут служить ушные мышцы (рис. 10). У человека их три пары. Они соединяются с ушными раковинами. Эти мышцы мы находим и у других млекопитающих животных, у которых они ведают всеми движениями ушной раковины. Но мы знаем, что ушные раковины человека неподвижны. Три пары ушных мышц в продолжение всей человеческой жизни остаются «бездельниками». А таких «бездельников» много. Укажем хотя бы еще на две широкие мышечные ленты, которые тянутся от подбородка вдоль передней части шеи и кончаются на плечах (рис. 10). Эти мышцы очень крупны, но, несмотря на это, они не выполняют никакой работы.

И среди других органов подобных «бездельников» немало. Есть у человека так называемый хвостец. Это всего лишь три-шесть слабо развитых позвонков, которыми кончается позвоночный столб человека. Слабо развитые позвонки хвостца служат продолжением крестцовой части позвоночника и вполне соответствуют хвостовым позвонкам хвостатых животных. Но человек, в отличие от значительного большинства млекопитающих животных, является бесхвостым существом. Хвостец приходится рассматривать как лишний рудиментарный орган. И при всем том этот рудиментарный хвостец снабжен рудиментарными же мышцами, соответствующими хвостовым мышцам хвостатых животных, а также двумя хвостовыми спинными нервами. Словом, он представляет собою рудиментарный хвост, скромно припрятавшийся внутри человеческого тела.

Множество рудиментарных органов человека как бы образуют широкие и прочные мосты, соединяющие человека с остальным животным миром.

Как же объяснить наличие рудиментарных органов?

Если человек создан «по образу и подобию божью», то надо сказать, что оригинал имел странный, явно неприличный для божества вид. «Всемогущий творец мира, земли и всего живущего на ней» обладал, выходит, «внутренним хвостом», ненужными ушными мышцами — двумястами рудиментарных органов.

Отбрасывая библейские басни, мы должны притти к выво-

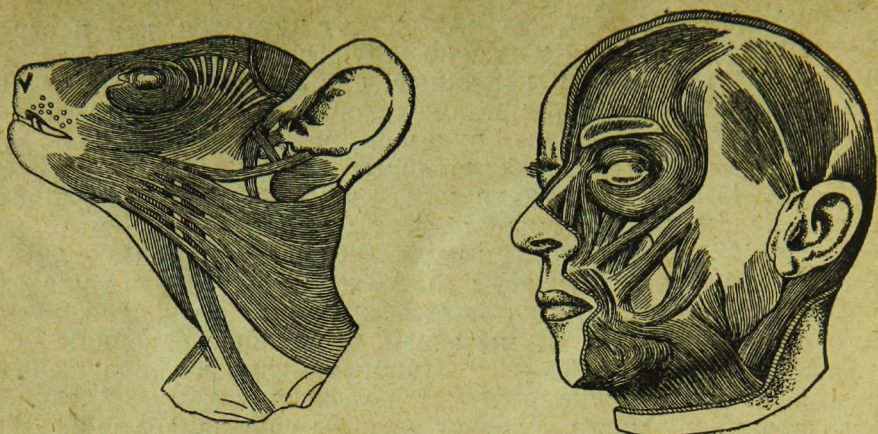

Рис. 10. Мышцы головы человека и полуобезьяны (хорошо видны рудиментарные ушные мышцы человека).

ду, что единственно правильным объяснением рудиментарных органов является лишь оценка их как остатков прошлого, наследия животных — предков человека. По ним мы можем узнать, например, что человеческие предки были хвостаты и обладали подвижными ушами. Поэтому нам становится понятным, почему рудиментарные органы называются также остаточными органами и почему один ученый назвал их «верстовыми столбами» того эволюционного пути, который прошел человек. Время немало отразилось на этих «верстовых столбах». Многие из них изменены до неузнаваемости, а некоторые и просто уничтожены. Поэтому эти «верстовые столбы» могут указать дорогу лишь в самой общей форме. Так или иначе, но направление дороги они указывают с несомненностью. Не маленьким и щербатым мостом, а широкой и прямой дорогой эти «верстовые столбы» приводят нас в животное царство как в исходную родину человеческих предков.

4. Зародыши — свидетели далекого прошлого

Яркие и очень поучительные отголоски прошлого мы находим и в зародышевом развитии человека.

Точно так же, как и у всех млекопитающих животных, оно протекает в матке, и точно так же, как вообще у всех животных, зародышевое развитие берет свое начало от оплодотворенной яйцеклетки, созревающей в яичнике. Важно отметить, что строение женской яйцеклетки, как и процесс ее созревания в яичнике женщины, чрезвычайно похоже на те же про-

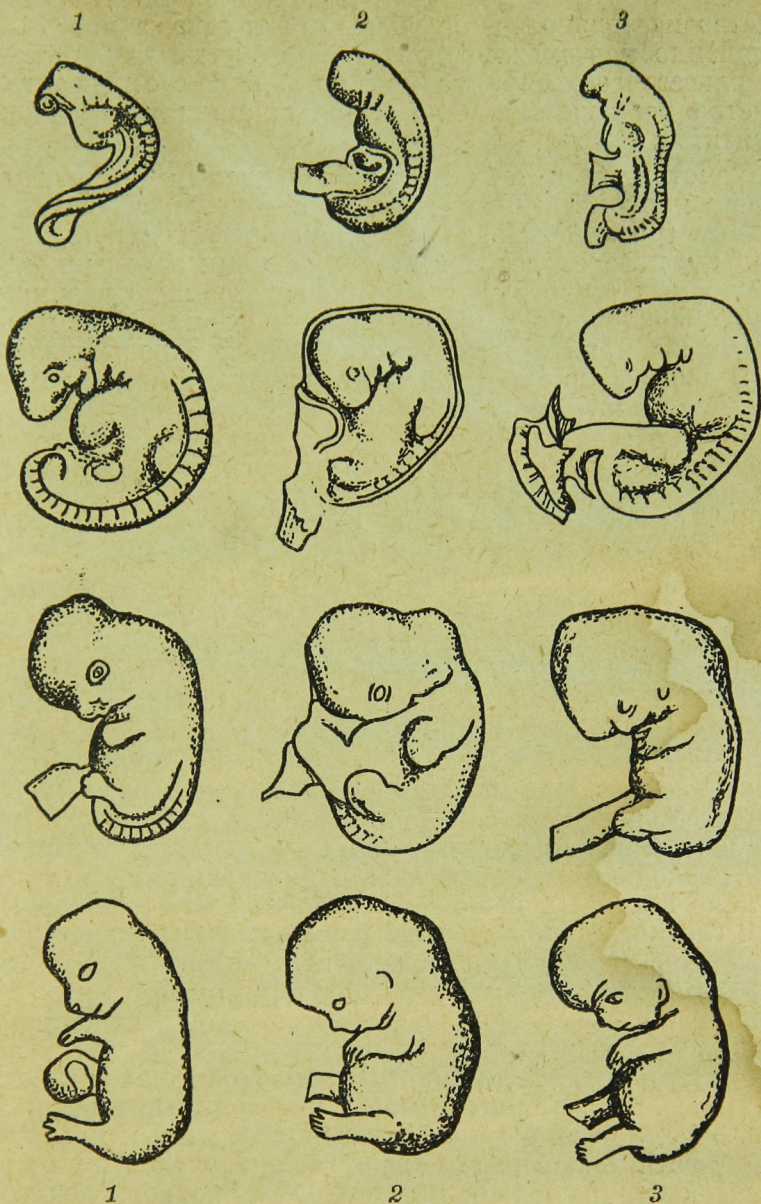

Рис. 11. Зародышевое развитие млекопитающих: 1 — кролик, 2 — обезьяна, 3 — человек.

цессы у самок всех млекопитающих животных. Часто это сходство настолько значительно, что трудно, а иногда почти совершенно невозможно бывает определить, чья яйцеклетка или разрез чьего яичника перед нами. То же поразительное сходство наблюдается и на молодых стадиях зародышевого развития.

Присмотримся к таблице с зародышевым развитием различных млекопитающих животных — кролика, обезьяны и человека (рис. 11). Первое, что нам бросается в глаза, — это очень большое сходство между молодыми зародышами всех позвоночных животных, несмотря на огромную разницу, которая существует между взрослыми формами. У млекопитающих же и на более поздних стадиях зародышевого развития даже специалист часто не может отличить, например, зародыша человека от зародыша кролика, свиньи, овцы и тем более обезьяны. Развитие всех органов из одних и тех же зачатков происходит у них в высшей степени схоже. Даже такая «человеческая» часть тела, как лицо, на ранних стадиях развития неотличима от тех же стадий в развитии морды барана, летучей мыши и кошки (рис. 12).

Сходство на молодых стадиях зародышевого развития особенно подчеркивается еще и тем, что у зародышей позвоночных животных появляются многие органы, вернее зачатки органов, которые излишни и впоследствии исчезают. Зародышевое развитие человека особенно богато этими излишними зачатками. Одними из них, и, пожалуй, наиболее странными, являются так называемые жаберные щели, появляющиеся в зародышнем развитии всех позвоночных животных. У человека они появляются к концу первого месяца зародышевого развития, когда зародыш достигает всего лишь нескольких миллиметров длины. Они имеют вид трех пар ясно заметных щелей — углублений, расположенных по бокам глотки. Точно такое же расположение мы встречаем и у зародышей остальных позвоночных животных. Свое название — жаберные щели — они получили потому, что у рыб в этих щелях развиваются жабры, являющиеся органом их дыхания. У головастика лягушек и личинок других земноводных (тритонов, саламандр) из жаберных щелей также вырабатываются временные жабры, необходимые им для дыхания в воде. У всех же пресмыкающихся, птиц и млекопитающих животных жаберное дыхание не происходит ни во время зародышевого развития, ни, тем более, во взрослом состоянии. Следовательно, жабры излишни, и остается их рассматривать как какой-то рудимент, указывающий на водного, рыбообразного предка всех наземных позвоночных жи-

Рис. 12. Развитие лицевых частей.

Рис. 13. Человеческий зародыш с явно выраженным хвостом.

Рис. 14. Ходильные подушки на руках и ногах девятинедельного человеческого зародыша.

вотных, в частности и человека. И это прекрасно подтверждается тем, что зародышей наземных позвоночных мы встречаем не только с жаберными щелями, а как бы с остатками целого жаберного аппарата, специальной жаберной кровеносной системой вполне «рыбьего» типа. Кровь подводится к зачаткам жабр особыми сосудами, как будто в этих зачатках она может очиститься, как очищается в настоящих жабрах рыб.

Таковыми же временно мелькающими «верстовыми столбами» являются хвостатость и волосатость человеческого зародыша.

К концу первого месяца у человеческого зародыша, достигающего всего 4—6 миллиметров длины, имеется ясно видимый хвост (рис. 13) с явными следами целых шести позвонков. Этот внешне видимый хвост исчезает к концу третьего месяца развития, когда человеческий зародыш достигает длины около 8 сантиметров. Его позвонки сливаются, уменьшаясь в числе, загигают внутрь, и хвост превращается во внутренний «хвостец».

Своей крайне ограниченной волосатостью тела человек отличается от остальных млекопитающих животных, тело которых обычно сплошь покрыто шерстью. И тем интересней, что в продолжение пятого месяца зародышевого развития тело человеческого зародыша все сплошь покрывается тонкими пушистыми волосками, так называемым зародышевым пушком. Временная волосатость человеческого зародыша является как бы мимолетным воспоминанием о волосатых предках человека. В зародышевом развитии человека появляется еще один «звериный» признак: у основания пальцев рук и ног бросаются в глаза подушкообразные вздутия (рис. 14), которых нет и следа у взрослого человека. Но такие подуш-

ки мы встречаем и во взрослом состоянии у многих животных. Это так называемые «ходильные подушки», смягчающие движение и защищающие когти от стирания о землю. У человеческого зародыша вздутия опять-таки должны рассматриваться как отголосок прошлого. Для нас не может теперь быть никаких сомнений, что человеческие предки ходили на четвереньках.

5. Многоговорящие уродства

В конце XIX века раз'езжал по Европе мальчик Стефан Бибровский, прозванный «мальчик с львиной гривой». Он поражал своим необычайным видом. Длинные мягкие светлые волосы, покрывавшие все лицо Стефана Бибровского, делали его лицо больше похожим на морду густошерстной собаки, чем на лицо человека. И подобных «собаколицых» людей известно немало. В XIX же веке прославился и другой волосатый человек — наш соотечественник, крестьянин Андриан Евтихьев. С XVI века сохранились хорошие портреты целого «волосатого семейства», в котором волосатыми были отец и двое детей (рис. 15), что доказывает наследственность волосатости. Еще с большей отчетливостью, а именно в трех поколениях, наследственность волосатости удалось проследить у хорошо изученного «волосатого семейства» Швемаонга из Бирмы (в Индии). Волосатость отца Швемаонга передалась его дочери Мафун, а от нее перешла и к ее сыновьям.

В значительном большинстве случаев волосатость людей обычно ограничивается лицом, плечами, иногда и верхней частью туловища. Но известны случаи, когда густые волосы покрывали другие части тела, что мы видим на рис. 16, изображающем двенадцатилетнюю девочку, вся спина которой густо покрыта шерстеобразными волосами.

Чем же объясняется уродливая волосатость некоторых людей?

Тщательные исследования показали, что подобная чрезмерная волосатость является результатом значительного развития зародышевого пушка, который ко времени рождения должен обычно исчезнуть. Следовательно, в отношении развития волосаного покрова у волосатых людей как бы происходит задержка развития. И результаты этой задержки дают нам еще одно наглядное доказательство животной природы человека.

Также наглядно демонстрируют связь человека с животным миром так называемые хвостатые люди. Иногда хвостатость у взрослого человека проявляется в виде хвостового

Рис. 15. Семейство волосатых людей. Мать нормальная.

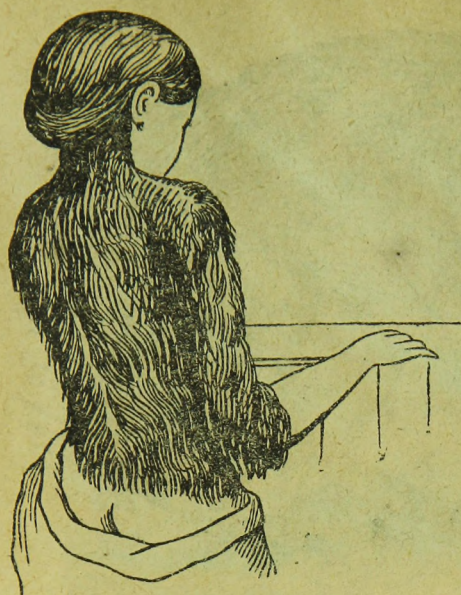

Рис. 16. Волосатая девочка.

Рис. 17. Хвостатый ребенок

бугра, сходного с хвостовым бугром, имеющимся у человеческого зародыша (перед полным уничтожением у него хвоста). Вполне ясно, что и здесь все дело опять-таки сводится к задержке зародышевого развития. Хвостатых «уродов» описано много, и у большинства из них наблюдались не скромные бугры, а хвосты, достигающие иной раз 15 и больше сантиметров длины (рис. 17). Хотя в хвостах людей никогда не находят позвонков, все же наличие и распределение кровеносных сосудов и мышц, а иногда и расположенный посредине тяж из плотной ткани говорят за то, что мы имеем дело с образованиями, вполне соответствующими хвостам остальных животных.

6. Наши близкие родственники среди животных

И тем меньше можно верить особому положению человека, что среди животных он имеет очень близких родственников в лице так называемых человекообразных обезьян. Человекообразных обезьян всего четыре формы. Две из них — горилла и шампанзе (рис. 18, 18а и 19) — живут в Африке, а две другие — орангутан и гиббон (рис. 20—21) — населяют главным образом острова Борнео и Суматру. Все человекообразные обезьяны живут небольшими группами. Наиболее много-

Рис. 18. Горилла.

численные группы — стада — встречаются у шимпанзе, у которых число особей в стаде все же не превышает тридцати.

Вся жизнь человекообразных обезьян проходит в чащах тропических лесов с их теплой влажностью, среди вечно зеленых растений. Основная пища этих обезьян — сочные плоды, которыми так богаты их родные леса во все времена года, и лишь изредка они лакомятся попавшейся под руку птичкой или каким-либо насекомым. В развилинах ветвей человеческие обезьяны, вечные лесные странники, строят себе гнезда для ночлега — каждую ночь на новом месте.

Быстрые и акробатически ловкие в ажурном сплетении ветвей, человекообразные обезьяны много теряют на ровной поверхности. Их походка здесь довольно неуклюжа. Ходят они на четвереньках, и только гиббон передвигается на слегка подогнутых ногах. Но как раз гиббон по всем особенностям своего строения должен считаться формой, наиболее далеко отстоящей от человека. Впрочем, и гиббон во время своего вертикального хождения должен комично балансировать своими длинными, распростертыми в стороны руками. Все остальные человекообразные обезьяны в лучшем случае могут сделать в вертикальном положении лишь несколько неуверенных шагов. При малейшей опасности они тотчас же стремятся удалиться на деревья, в свою родную стихию, а если это невозможно, переходят на четвероногое хождение (рис. 22).

Рис. 18-а Горила.

Рис. 19. Шимпанзе.

Рис. 20. Оранг-утан.

Рис. 21. Гиббон.

Рис. 22. Походка оранг-утана.

Но при этом резком отличии от человека человекообразные обезьяны имеют множество схожих с ним черт. Так, отсутствие хвоста, седлищных мозолей и запечных мешков отличает человекообразных обезьян от всех остальных обезьян и приближает их к человеку; далее «человеческими» у них являются число и форма зубов, форма и малая подвижность ушных раковин. Гнев, страх, радости, печали, раздражения, удовольствия и т. п. выражаются у них сходным с человеком образом (жесты, мимика лица, выражение глаз). Они даже «плачут» и «смеются», правда без слез и звуков, свойственных человеку. И их гримаса плача и смеха настолько характерна, что мы немедленно узнаем ее даже на photographиях.

Но, помимо всех этих внешних и бьющих в глаза черт сходства, имеются и множество других, еще более важных, хотя менее заметных. К таким признакам сходства надо отнести ежемесячную менструацию у самок антропоморфных обезьян, чего мы больше не встречаем ни у одного животного. Для определения близости и родства чрезвычайно важным признаком считается химический состав крови. И вот как раз установлена близкая «кровная» связь между человеком и человекообразными обезьянами. Их пульс, температура тела, частота дыхания — все это тоже близко человеку. В неволе человекообразные обезьяны болеют всеми человеческими болезнями, протекающими у них точно так же, как и у человека, с теми же последствиями и осложнениями. В неволе, вдали от своей родины, они обычно умирают от туберкулеза, заболевают гриппом, воспалением легких, малярией. Они легко могут быть заражены также сифилисом и многими другими человеческими болезнями.

Тщательные исследования всего строения и физиологии человекообразных обезьян доказали, что они стоят даже ближе к человеку, чем к остальным обезьянам. Близость человека к человекообразным обезьянам настолько значительна, что получение потомства от скрещивания между ними теоретически считается в науке очень вероятным. Правда, множество рассказов о будто бы имевших место скрещиваниях вне всякого сомнения принадлежат к выдумкам. Но огромное теоретическое значение подобных скрещиваний (которые должны проводиться конечно с применением искусственного осеменения обезьяны) заставило предпринять первые научные опыты в этом направлении. Такие опыты, начатые в 1927 году проф. Ивановым, специально командированным в Африку, сейчас продолжаются сотрудниками знаменитого парижского Пастеровского института на африканских тропических станциях этого института.

Каковы бы ни были окончательные результаты опытов, во всяком случае тот факт, что такие высокоавторитетные научные учреждения, как Всесоюзная академия наук и парижский Пастеровский институт, нашли нужным их проводить, достаточно свидетельствует в пользу близости между человеком и человекообразными обезьянами.

Недаром дано им и самое название человекообразных, или антропоморфных (от греческих слов «антропос» — человек, «морфа» — форма). И недаром туземцы считают человекообразных обезьян за людей (о чем красноречиво говорит, например, уже само название «оранг-утан», что означает «лесной человек»), только обезьяны, по мнению туземцев, составляют особую, низшую породу людей.

7. Обезьяны «гении» и «середняки»

В зоопарках, питомниках и научно-исследовательских институтах сделано множество наблюдений над поведением человекообразных обезьян. Все наблюдатели в один голос отмечают поразительную смышленость человекообразных обезьян, их чрезвычайно быструю и легкую обучаемость (не механическую дрессировку, а именно обучаемость) всевозможным действиям. Например, они очень легко учатся пользоваться обеденной посудой, а также вилкой, ложкой и ножом, «освоение» которых даже для ребенка представляет значительные трудности. Затем человекообразные обезьяны учатся надевать и снимать довольно сложную одежду, обвязывать себя салфеткой перед едой, готовить постель, укрываться одеялом и т. п. Шимпанзе хорошо различает до тридцати различных оттенков цветов, распознает довольно тонкие различия в величине и форме предметов и, в связи с этим, легко приучается различать буквы.

Но для нас самым важным и интересным является умение человекообразных обезьян пользоваться простыми орудиями и даже до некоторой степени «изобретать» их. В этом отношении особенно интересны работы германского исследователя Келлера, работавшего на острове Teneriffe в специально оборудованной для этого станции, в обстановке, соответствующей природным условиям жизни обезьян, а также работы американского исследователя Иеркса. Широко задуманные опытные исследования проводились и в нашем Сухумском обезьяньем питомнике, пока там были человекообразные обезьяны (шимпанзе и оранг-утан). Большей частью опыты производились над шимпанзе.

Без всякого научения и предварительного показа шимпанзе

используют найденную ими палку и для того, чтобы достать из-за решетки далеко положенное лакомство, и для того, чтобы сбить ею высоко подвешанный банан, и для того, чтобы ею, как «лопатой», выкопать корни или запрятанные в землю фрукты. Она же использовалась ими и как рычаг для поднятия тяжелых предметов. Обезьяна трогает и бьет палкой забежавшую в вольеру ящерицу или мышь. Палкой же она касается наэлектризованной металлической корзинки с фруктами, на опыте убедившись, что получается, если трогать ее рукой. Чтобы сорвать высоко подвешанный банан, шимпанзе прекрасно использует и ящик, который подтягивается под банан как подставка. А если нет ящика, шимпанзе привлекает под подвешанный банан своих собратьев, даже находящегося в помещении человека, чтобы затем, взобравшись к ним на плечи, достать лакомство. Иногда, когда банан был очень высоко и долгие старания ни к чему не приводили, шимпанзе сооружали из нескольких ящиков многоэтажные постройки. Правда, их строительные таланты напоминали детей, они ставили ящики так, что от малейшего прикосновения рушилась вся сложная постройка. Но настойчивостью и терпением они все же добивались того, что «вавилонская башня» давала им возможность добраться до банана.

Наблюдения Келлера показали еще, что удачный опыт одной обезьяны становится достоянием всего стада.

Когда во время опыта не было необходимой палки, шимпанзе отламывали сучья от недалеко лежащего спиленного дерева или применяли вместо палки железный прут, вырванный из стоящего у них прибора для чистки сапог, причем вырывание прута было сопряжено с большими трудностями и требовало большой настойчивости. Часто палка подвешивалась. И чтобы сорвать палку, шимпанзе строили баррикады из ящиков — «орудие» — для того, чтобы достать другое «орудие».

Яркий пример умения обезьян изготавливать примитивные орудия демонстрирует случай с Султаном — самым смышленным шимпанзе Тенерифской станции.

Однажды в его помещение были положены две короткие тростинки различного диаметра, которые свободно вставлялись одна в другую. С их помощью он должен был достать плод, лежащий настолько далеко за решеткой, что достать его одной тростинкой было невозможно. После долгих и неудачных попыток с каждой тростинкой в отдельности Султан высунул одну тростинку как можно дальше от решетки и затем начал подталкивать ее сзади другой тростинкой. Та-

ким образом Султану удалось коснуться плода первой тростинкой. Это делу конечно не помогло. Затем Султан притянул к себе первую тростинку при помощи второй и, словно играя, стал проделывать неоднократно все снова. Наконец, после безуспешных стараний, Султан отвернулся от плода и начал играть с тростинками. Во время игры он совершенно случайно вставил одну тростинку в другую — образовалась длинная палка. Как только в руках Султана оказалась эта длинная палка, он немедленно подскочил к решетке и принялся доставать ею плод, которым вскоре и завладел. Впоследствии, когда была к тому возможность, Султан всегда мастерски использовывал свое случайное «изобретение» по составлению одной длинной палки из двух коротких, вставляющихся друг в друга. Это «изобретение» вскоре стало достоянием и некоторых других питомцев станции.

Однажды Султану дали тростинку и деревянные дощечки, которые не входили в отверстие тростинки. После неудачных проб Султан принялся обгрызать дощечку с одного края до тех пор, пока она не вошла в отверстие.

Шимпанзе является самой смышленной человекообразной обезьяной, которой, например, значительно уступает орангутан, служивший объектом длительных исследований Иеркса. «Ограниченность» орангутана тем резче бросалась в глаза, что Иеркс, работая с молодым орангутаном Юлией, производил параллельные наблюдения над шимпанзе Чимом.

Таким образом и поведение человекообразных обезьян доказывает нам их чрезвычайную близость к человеку. Правда, на основании приведенных наблюдений нельзя делать того вывода, что обезьяны также способны к трудовой деятельности.

Орудия у человека являются орудиями общественного труда. Именно поэтому они представляют собою необходимое условие существования человека. У человекообразных же обезьян пользование орудиями — вещь случайная. Оно наблюдается у них от момента к моменту, причем исключительно в искусственной обстановке, но не на свободе. Вообще «только непосредственное конкретное восприятие — и оно одно — играет в его жизни существенную роль», пишет о шимпанзе известная исследовательница Ладыгина-Котс. Человекообразные обезьяны живут лишь настоящим — от случая к случаю. Опыт прошлого не выкристаллизовывается у них, и они не могут предвидеть будущего. Поэтому у человекообразных обезьян не может быть и речи о труде, тем более об общественном труде, так как каждая обезьяна всегда действует в одиночку. В природной обстановке им не приходится вовсе

прибегать к пользованию орудиями, так как они всем устройством своего тела и инстинктами приспособлены к жизни в этой обстановке.

Когда первобытный земледelec мотыжит землю и бросает в нее семена, когда первобытный охотник расставляет свой капкан, то, употребляя орудия, один лишь через несколько месяцев достигнет своей цели, а другой — через несколько часов или дней. Вот это и отличает трудовую деятельность человека, — ни одна обезьяна действовать с таким расчетом на будущее не может. Поэтому даже и в применении к человекообразным обезьянам остается в силе положение, выведенное Нуаре, что «животное — раб своих органов, человек — господин над своими орудиями труда».

8. Различия, говорящие о родстве

Чтобы понять и объяснить близкое сходство между человекообразными обезьянами и человеком, надо рассмотреть различия между ними.

Типичная особенность человека — это вертикальное положение его тела. Мы уже знаем, что ни одна из человекообразных обезьян не может принять вполне вертикальное положение и, тем более, не может в таком положении передвигаться. При ходьбе человекообразные обезьяны не могут ступать всей ступней. Они касаются земли лишь краем ступни, так как их подошва загнута немного внутрь, причем во время ходьбы они сгибают пальцы (рис. 22). Такое странное ступание показывает, что ноги человекообразных обезьян не приспособлены к ходьбе.

У человека дело обстоит как раз наоборот. В его ступне мы наблюдаем сводообразную выгнутость, что является как раз прекрасным приспособлением к прямому, двуногому хождению по земле. Сводообразность ступни как бы образует пружинистую рессору, обеспечивающую плавность движений, а при резких прыжках и беге она спасает внутренние органы от сотрясений. Всем известно, насколько так называемая «плоская стопа», изредка встречающаяся у человека, затрудняет движение, лишая его легкости, уверенности, плавности и быстроты.

С вертикальным хождением связаны у человека и такие специфически человеческие признаки, как ягодицы и икры. Они представляют результат сильного развития ягодичных мышц и образования мощного так называемого ахиллесова сухожилия в икроножной мышце. Интересно указать, что на мускулатуру нижних конечностей приходится у человека

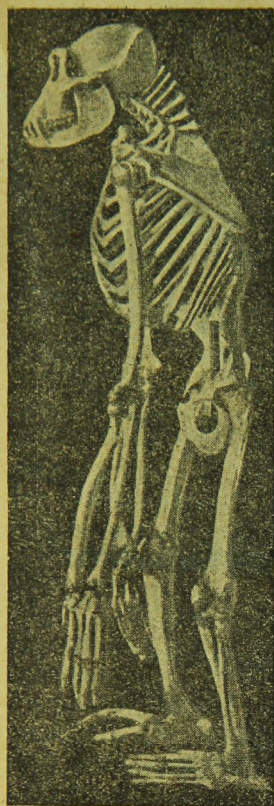

Рис. 23. Скелет
гориллы и чело-
века в профиль.

около 56 процентов общего веса всей мускулатуры тела, тогда как у человекообразных обезьян этот процент значительно ниже.

Явно заметные отличия наблюдаются еще в длине конечностей. Ноги обезьян очень коротки в сравнении с ногами человека. Ноги у них значительно короче рук, а туловище очень длинно. У человека же наблюдаются как раз обратные пропорции тела — прямые и крепкие ноги длиннее рук, а туловище короткое (рис. 23).

Но главное различие — в строении стопы. Стопа всех обезьян обладает противопоставляющимся большим пальцем, что превращает их ногу, подобно рукам, в хорошую хватательную конечность (рис. 24). Недаром всех обезьян выделяли раньше в особую группу, так называемый отряд четвероруких, в отличие от людей, составлявших отряд двуруких. Но прекрасные работы Гексли показали, что по

Рис. 24. Стопа и рука гориллы.

всем особенностям своего строения (скелет, мышцы, сухожилия) задние конечности обезьян вполне соответствуют ногам, а не рукам человека. Следовательно, обезьяны такие же двурукие, как и человек. Но стопа человека не обладает хватательной функцией, а со своим плотным, массивным скелетом, сводообразной изогнутостью и непротивопоставляющимся большим пальцем она служит прекрасной опорой тела, является хорошей «стоячей стопой», как ее назвал один анатом. Зато человеческая рука с ее длинными противопоставляющимся и крайне подвижным большим пальцем является самым совершенным хватательным органом. Это и дает ей возможность быть прекрасным «инструментом для создания инструментов». В обезьяньей же руке очень длинная кисть с очень слабо развитым большим пальцем — слабее всего у оранга, несколько сильнее у гориллы и шимпанзе. При обхватывании ветвей большой палец у них часто даже не принимает никакого участия. Они обхватывают ветви наподобие крючка, причем большой палец кажется при этом лишним, тогда как рука человека обхватывает предметы наподобие щипцов.

Словом, в строении конечностей, в особенности же задних, между человеком и обезьянами есть значительная разница. Но вот оказывается, что и в ногах человеческого зародыша наблюдается сильное отступление большого пальца — это придает им явно обезьяньи вид и должно рассматриваться только как отголосок четырехрукого обезьяньего прошлого. Мало этого! Оказалось, что даже большой палец новорожденного ребенка еще сохраняет в себе некоторую «самостоятель-

ность», которая впоследствии исчезает. Изредка, благодаря задержке зародышевого развития, мы и у взрослых людей находим «обезьянье» строение ноги. Хорошо выраженным это может быть лишь у тех народностей, которые в продолжение всей жизни ходят босиком, так как ношение обуви сильно влияет на развитие стопы и пальцев. Если с малого детства упражнять ноги в хватаньи, то нога человека может превратиться в довольно хорошую хватательную конечность, что мы и встречаем у многих первобытных народов. При их примитивном способе производства ноги являются для них как бы дополнительными руками, которыми они начинают рано пользоваться. Ногами они поднимают с земли многие мелкие предметы, удерживают ими предметы при работе. Ноги принимают участие в натягивании тетивы лука и вообще находят себе много «хватательных» применений. То, что эта особенность свойственна не только первобытным народам, блестяще доказано безруким от рождения художником Утаном. Постоянное упражнение сделало его ноги прекрасными заместителями рук, и он мог ими пользоваться не только при еде, питье и т. п., но даже с их помощью мог выполнять многие тонкие работы, например точить карандаш, рисовать и многое другое.

Различия между стопой человека и человекообразных обезьян есть результат различных направлений деятельности. «Стоячая стопа» человека прекрасно приспособлена к вертикальному хождению. «Лазающая стопа» обезьяны — продукт древесной жизни обитателей лесов.

Подобную же «лазающую стопу» мы находим еще у крайне примитивных сумчатых млекопитающих — сумчатых крыс и некоторых других лесных форм, недаром даже говорят о «ногоруких сумчатых». Хватательная «лазающая стопа» есть и у всех полуобезьян, у некоторых лесных грызунов, живущих на деревьях, и даже у голый летучей мыши Больших Зондских островов, у которой подобная стопа служит для обхватывания веток деревьев во время сна и покоя.

Целый ряд характерных различий между человекообразными обезьянами и человеком наблюдается и в их внутренней организации. Возьмем скелет (рис. 23). У обезьян позвоночный столб представляет собою лишь немного изогнутую дугу, у человека же мы наблюдаем несколько изгибов. В шейной и поясничной области выпуклости этих изгибов обращены внутрь, а в грудной и крестцовой выпуклости обращены к спине. Такая форма позвоночного столба обеспечивает упругую опору при вертикальном положении тела.

У гориллы тринадцать пар ребер вместо двенадцати, имею-

щихся у человека. Впрочем, другие человекообразные обезьяны обладают вполне «человеческим» числом ребер.

Заметны различия и в строении таза. При вертикальном положении человеческого тела его широкий большой таз является прекрасной опорой для внутренних органов, часть которых лежит во впадинах подвздошных костей. У человекообразных обезьян таз длинный и узкий и очень похож на таз многих других животных. Подвздошные кости не образуют у них вместительного «большого таза» (как у человека) — в нем и нет необходимости при отсутствии у обезьян вертикального положения тела.

Но самые яркие различия наблюдаются в черепе. У человека череп посажен свободно и в хорошо уравновешенном состоянии на вершине позвоночного столба, чему способствует положение затылочного отверстия у основания черепа. Для удержания человеческого черепа в его нормальном состоянии не требуется почти никакой мускульной силы, недаром у человека слабо развиты отростки шейных позвонков и мышц, прикрепляющихся к ним. На черепе же человекообразных обезьян затылочное отверстие помещается немного сбоку от основания черепа. Он не «центрирован» и не уравновешен на позвоночном столбе и постоянно стремится как бы упасть вниз — на грудь. Для удержания тяжелого черепа человекообразных обезьян в нормальном положении требуется постоянное и значительное мускульное напряжение, т. е. требуются мощно развитые мышцы с соответствующей костной опорой. Поэтому-то так велики у них отростки шейных позвонков, к которым эти мышцы прикрепляются. К черепу эти мощные мышцы прикрепляются в затылочной области, где и образуется особый костный валик, или затылочный костный гребень, достигающий исключительного развития у самцов гориллы и оранг-утана и совершенно отсутствующий на черепе у человека.

У человекообразных обезьян резко бросается в глаза преобладание лицевой части черепа над мозговой. Мозговая часть черепа кажется лишь незначительным придатком к мощному и сильно выступающему вперед жевательному аппарату. Как раз обратное соотношение мы встречаем у человека с его огромной, словно вздутой черепной коробкой и незначительным развитием лицевых частей и жевательного аппарата. Узкий и покатый лоб человекообразных обезьян почти совершенно скрывается за сильно развитыми надбровными дугами, обычно сливающимися в один сплошной надглазничный валик.

Крайне интересно, что и у человекообразных обезьян мы

встречаем различные формы черепа. Вообще человекообразные обезьяны считаются длинноголовыми и узколицими, но мы находим среди них немало короткоголовых и широколицых, причем это даже не может служить у них признаком каких-либо расовых подразделений, так как крайние формы можно встретить внутри одной и той же группы — стада.

Из всего сказанного ясно, что обезьяны должны значительно отличаться от человека по объему черепной коробки. Объем черепной коробки человекообразных обезьян не превышает 500 кубических сантиметров, тогда как средняя вместимость человеческого черепа доходит до 1500 кубических сантиметров, т. е. почти в три раза больше, чем у человекообразных обезьян. И это несмотря на то, что некоторые обезьяны, например взрослые самцы гориллы, значительно крупнее человека (рост около 2 метров при огромном и массивном туловище и чрезвычайной ширине груди).

И как бы в противовес мозговой части черепа у человекообразных обезьян мощно развит жевательный аппарат. У них крупные зубы с большими выступающими клыками — страшным орудием защиты. При закрывании челюстей большие клыки умещаются в особые прорехи между зубами другой челюсти. Соответственно величине зубов, челюсти человекообразных обезьян очень массивны и сильно выступают вперед. Для движения таких челюстей требуется мощно развитая жевательная мускулатура, главным образом височная мышца, которая ведает движением нижней челюсти. Вот наглядное сопоставление различий: у оранг-утана при общем весе мышц в 14300 граммов вся жевательная мускулатура весила 478 граммов, т. е. 3,34 процента общего веса мышц, причем на височные мышцы пришлось 300 граммов. У человека, при общем весе мышц в 20964 граммов, на жевательную мускулатуру пришлось всего 118 граммов (0,56 процента), а на височные мышцы — 68 граммов. Но мы знаем, что с мышцами связано соответствующее развитие скелетной опоры. Височные мышцы прикрепляются к височным областям черепной крышки, образуя там так называемые полуокружные линии прикрепления. Чем мощнее развиты височные мышцы, тем выше лежат эти полуокружные линии, а при очень сильном развитии височных мышц мышцы обеих сторон сходятся посередине черепной крышки. В таких случаях там образуется костный гребень, который тянется вдоль всей черепной крышки. У самцов гориллы и оранга эти гребни сильно развиты, что и придает их черепам и голове своеобразный вид. У шимпанзе и гиббона, как и у самок гориллы и оранг-утана, обычно эти гребни отсутствуют; нет их также

у молодых животных, у которых череп совершенно гладкий, как у человека. Правда, у шимпанзе расстояние между полукруглыми линиями обеих сторон колеблется между 1—3 сантиметрами (что говорит об очень большом развитии мышц), тогда как у человека это расстояние не меньше, а частью даже больше 10 сантиметров. Так как височная мышца проходит через скуловое отверстие, то вполне понятна его огромная величина у человекообразных обезьян в сравнении с очень малым скуловым отверстием у человека. Равно и скуловая дуга, к которой прикрепляется часть жевательной мускулатуры, крупна, широка и массивна у обезьян и представляет собою лишь узенький костяной мостик у человека.

9. По разным дорогам

Словом, сравнение человека и человекообразных обезьян познакомило нас с целым рядом различий между ними, при очень близком общем сходстве. После нашего разбора мы видим, что основные среди этих различий носят явно выраженный приспособительный характер. Особенности строения обезьяньих конечностей, их «лапающая стопа», даже пропорции их тела, т. е. соотношение длины рук, ног и туловища, — все это прекрасно соответствует их древесному образу жизни. Зубы, как главное, а для многих обезьян единственное орудие защиты, повлекли за собой развитие многих характерных особенностей их черепа.

Огромное же сходство между человеком и человекообразными обезьянами может быть объяснено лишь общностью происхождения, общностью предка, потомки которого развились в двух различных направлениях. Одни все больше и больше специализировались как жители тропических лесов, другие же пошли по пути очеловечения, по пути создания новой силы — общественного труда, который и превратил их в «победителей планеты», во «владык мира».

Итак, если общность происхождения объясняет нам сходство, то расхождение путей дальнейшего развития объясняет многие различия, которые мы встречаем между человеком и человекообразными обезьянами.

Но можем ли мы заглянуть в далекое прошлое, чтобы убедиться в правильности нашего вывода относительно общего предка?

Вспомним, что зеркалом прошлого является зародышевое развитие. В этом зеркале много мутных налетов, много зияющих пустот, изображения в нем часто искажены. И все же оно сохранило кое-какие интересные для нас образы.

У зародышей человекообразных обезьян и человека мы встречаем общую форму позвоночника. Даже у новорожденного ребенка позвоночник имеет еще вполне «обезьянью» форму, и лишь тогда, когда он начинает ходить, в его позвоночнике образуются типично человеческие, пружинистые изгибы, хорошо балансирующие голову и облегчающие передвижение при вертикальном положении тела. Поэтому ясно, что обезьяний тип позвоночника, а значит и соответствующая походка были общей исходной ступенью для обезьян и человека. Гордая «прямизна» человека является достижением лишь самых последних ступеней его длительной эволюции.

Очень длинным рукам и коротким ногам обезьян соответствуют короткие руки и длинные ноги человека. Но оказывается, что эти резкие различия теряются в зародышевом развитии. На некоторых стадиях зародышевого развития руки человеческого зародыша длиннее ног, а у новорожденного ребенка они почти равны ноге. Руки же обезьяньих зародышей значительно короче, чем во взрослом состоянии, а у гиббона они равны ноге, тогда как во взрослом состоянии они почти на треть длиннее. Это говорит за то, что современные пропорции у человекообразных обезьян и человека имели одну и ту же исходную форму с приблизительно равными конечностями, но в дальнейшем развитии у человека произошло укорочение, а у человекообразных обезьян еще большее удлинение рук.

Человеческая «стоячая стопа» — это совершенное приспособление к вертикальному передвижению — оказывается у человеческого зародыша немного вывернутой подошвой внутрь, к тому же обладает отступающим большим пальцем, т. е. имеет ясно выраженный характер обезьяньей «лазающей стопы». Только у современных человекообразных обезьян эта общая исходная форма «лазающей стопы» пошла по линии еще большей специализации.

Во время зародышевого развития ступневаются даже резкие различия в черепе и величине головного мозга. У новорожденных человекообразных обезьян мозговая часть черепа преобладает над лицевой. Лоб высокий, надбровных дуг еще нет, и черепная крышка совершенно гладкая. Все это делает череп новорожденной человекообразной обезьяны очень «человекоподобным», и лишь впоследствии, когда вырастают крупные зубы, череп все больше и больше начинает приобретать свой обезьяний характер, как бы удаляясь от общей исходной основы.

Как тут не вспомнить слов Энгельса в одном из писем его Марксу!

«Изучая сравнительную физиологи,— пишет он,— начинаешь испытывать величайшее презрение к идеалистическому возвеличению человека над всеми другими животными. На каждом шагу натыкаешься носом на полнейшее совпадение строения человека с остальными млекопитающими; в основных чертах это совпадение замечается у всех позвоночных... Гегелевская история о качественных прыжках в количественном ряде прекрасно сюда подходит»¹.

Это было написано 14 июля 1858 г., т. е. до выхода в свет знаменитого «Происхождения видов» Дарвина.

Сам Дарвин побоялся тронуть религиозную догму о возникновении человека и в своем «Происхождении видов» отделился лишь фразой, что на основе его учения «прольется свет и на происхождение человека и его историю». Только через двенадцать лет после выхода в свет «Происхождения видов», т. е. в 1871 году, Дарвин издал свой труд «Происхождение человека и половой отбор», в котором он доказал животное происхождение человека, сознавая при этом, что в продолжение многих лет он собирал материал о происхождении человека, «имея твердое намерение ничего не печатать, так как я думал,— пишет он,— что только усилю предубеждение против моих мнений».

Таково различие между Дарвином — типично буржуазным, в пределах дозволенного, «революционером науки» — и пролетарским революционером, материалистом-диалектиком Энгельсом, который первый решительно восстал против «идеалистического возвеличения человека».

Мы убедились в том, что все строение человеческого тела, его зародышевое развитие и его физиология категорически приводят к следующим выводам:

1. Человек является типичным млекопитающим животным.
2. Среди остальных млекопитающих животных он имеет близких родственников в лице человекообразных обезьян.
3. Сходство человека с человекообразными обезьянами может быть объяснено лишь общностью их происхождения от какой-то вымершей обезьяньей формы.
4. Различия между человеком и человекообразными обезьянами вызвано разными направлениями их эволюционного развития от исходной общей формы.
5. Специфически же человеческой особенностью является общественный труд с помощью изготавливаемых человеком орудий, и этот труд превратил человека в «особую силу при-

¹ К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV. Переписка 1854—1860 гг. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, 1931 г., стр. 346.

роды». Лишь на основе труда впоследствии выработалась речь, что является также характерной чертой современного человека.

Для окончательного подтверждения всех этих теоретических обобщений нужно было бы практически найти человеческого предка.

Но для этого нам надо перенестись назад на десятки и сотни тысяч лет. Что же, остается положиться на одну фантазию? Нет, в этом нет необходимости. Земля хранит летопись своей истории в пластах своей твердой коры, хранит в виде ископаемых остатков вымерших форм. Эти «записи» неполны. Неисчислимо множество их исчезло навеки. Но все же среди того, что сохранилось, кое-что относится и к человеку. И на этих окаменелых образах прошлого нам предстоит теперь выяснить этапы эволюции человека, выяснить путь и причины очеловечивания его обезьяньего предка.

V. Как и почему очеловечилась обезьяна

1. Каменные орудия, мамонты и древность человека

Раньше, когда в пластах земной коры находили ископаемые остатки различных животных, то их рассматривали или как случайную игру природы или как остатки животных, погибших во время библейского всемирного потопы. Еще в 1822 г. известный английский геолог Букланд издал свою знаменитую книгу «Ископаемые дилювия». Дилувий — значит потоп, и книга Букланда, написанная чуть ли не по прямому заказу высшего духовенства, призвана была доказать повсеместное распространение библейского потопы. Авторитет библии ослеплял науку того времени; видные ученые, под давлением библейских сказок, обращали простые, реальные, очевидные вещи в чудовищную фантазию. Одной из таких вещественных, материальных галлюцинаций оказалась первая находка «ископаемого человека», которая была в 1732 году опубликована швейцарским естествоиспытателем Яковом Шейхцером. Остатки скелета огромной вымершей саламандры он описал как остатки человека, утонувшего во время библейского потопы. Свою находку Шнейхцер так и окрестил: «человек — печальный свидетель потопы» (рис. 25). А ведь в наши дни не только студент, но и школьник не смешает скелета человека с саламандрой!

Только постепенно сбрасывала наука слепящую пелену библии. Знаменитый французский биолог Кювье, мировой авторитет по сравнительной анатомии, поднятой им же на высоту специальной науки, был одним из первых, кто, внимательно изучая труды ископаемого материала, пришел к решительному выводу, что он имеет дело с остатками вымерших животных, которых в настоящее время нет и в помине. Тем самым было положено начало палеонтологии как науке. Кювье установил, что от пласта к пласту мир вымерших организмов меняется. Чем глубже пласты, чем они древнее, тем более непохож их животный мир на наших современных обитателей. Следовательно, в пластах земной коры как бы запечатлелась смена форм, имевшая место в течение истории

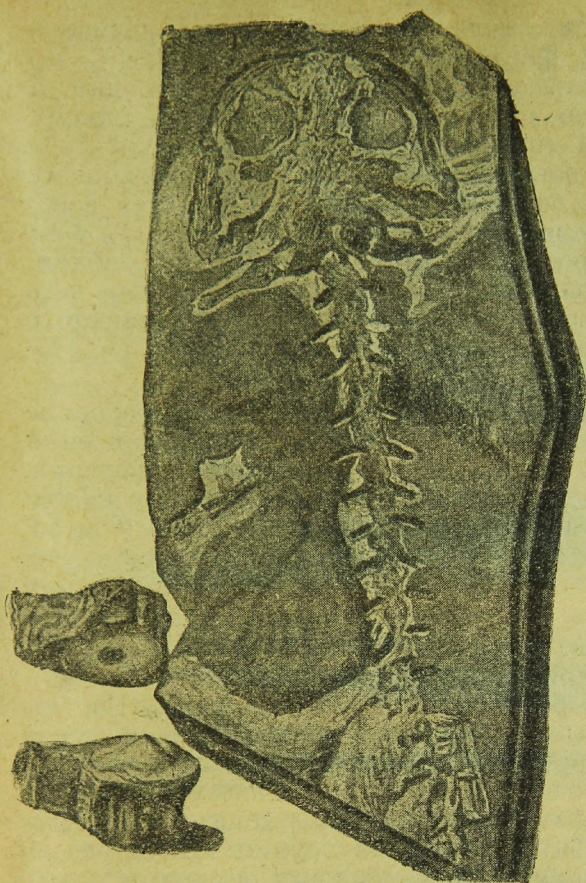

Рис. 25. Ископаемые остатки гигантской саламандры, описанные как остатки человека — «печального свидетеля потоп».

земли. Д'Орбиньи, известный ученый, ученик Кювье, насчитал 27 таких смен. По его мнению 27 раз на земной поверхности один органический мир сменялся другим. Но как же быть тогда с библией, которая ни словом не обмолвилась о вымерших животных, для которой существует лишь мир, каков он есть сейчас, — мир, созданный в шесть дней творения? Библейским сказкам как будто бы пришел конец. Но наука, верная служанка господствующего класса, в то время не выполнила бы социального заказа, если бы отказалась от христианской правоверности. Буржуазия позволит науке вступить в некоторый конфликт с буквой религии много позже, когда ей, буржуазии, вместе с ростом капиталистических фабрик и заводов потребуется более точное знание сил природы.

Наука же того времени нашла компромисс между религией и противоречащими ей фактами в «теории катастроф». По этой теории органический мир создавался богом не один, а 27 раз. Каждый раз по причинам, ведомым лишь одному богу, весь органический мир погибал в результате какой-либо мировой катастрофы, обычно потопа. На смену погибшему создавался новый мир, более совершенный и, по всей вероятности, более устраивающий, но тоже только на время!) бога с его капризными настроениями. Потоп, описанный в библии, является лишь последней мировой катастрофой, после чего и был создан наш современный органический мир вместе с человеком. 26 предшествующих творений библия не отбрасывала.

Вот взгляды, господствовавшие в науке в первой половине XIX века. В качестве выводов из подобных представлений следовало, что человек является последним актом творения. Поэтому «нет и не может быть никаких ископаемых костей человека», провозгласил мировой авторитет — Кювье. Тем более совершенно невозможным считалось одновременное существование человека с каким бы то ни было вымершим животным.

Но факты настойчиво и упрямо подкапывались под «научные» выводы общепризнанной науки.

Еще в XVIII веке в различных странах Западной Европы начали находить обитые каменные, главным образом, кремневые осколки. Некоторые исследователи видели в них искусственно обработанные орудия доисторического человека. Это мнение казалось тем правильнее, что у многих малокультурных народов подобные каменные орудия мы встречаем еще и сейчас. Изредка вместе с каменными орудиями удавалось извлечь и остатки всевозможных частей человеческого скелета, обладавшего всеми признаками древних ископаемых костей. Довольно часто найденные каменные орудия доисторического человека залегали вместе с ископаемыми остатками различных вымерших животных — мамонта, пещерного медведя, шерстистого носорога и др. Сам собой напрашивался вывод, что доисторические люди, или, как их называли, преадамиты, были современниками этих вымерших гигантов Европы. Библейская древность человека, определяемая приблизительно в шесть тысяч лет, казалось насмешкой над его действительной древностью, вытекавшей из сделанных находок.

Находки множились во всех странах Западной Европы. И чем больше становилось находок, чем убедительнее делался вывод о древности человека, тем яростнее официальная, ре-

лигиозно настроенная «наука» ополчалась на новые факты и новые веяния. В «научных» объяснениях вновь накопившегося материала не было недостатка. Некоторые видели в каменных орудиях результат быстрого остывания кусков изверженной и раскаленной лавы, попавшей при вулканических извержениях в воду. Другие приписывали образование каменных орудий действию мороза, благодаря которому кремневые глыбы и камни растрескивались и распадались, образуя подобия топоров, скребков, наконечников для копий и т. п. Совместное залегание остатков человека с остатками вымерших животных Кювье объяснял случайным перемешиванием пластов различной древности, скажем, при размывании пластов. Нередко найденные ископаемые остатки человека Кювье старался выдавать за кости других животных или приписывал их современному человеку, обвиняя исследователей в неправильном определении геологической древности находки.

Но материал все накапливался. Решающую роль сыграли работы французского археолога Буше де Перта, который в продолжение многих десятилетий исследовал речные наносы долины реки Соммы. Собранные им массовые материалы уже не могли быть опровергнуты.

Тогда, как пишет сам Буше де Перт, официальная наука выставила против собранных им фактов «препятствие, большее чем возражение, чем критика, чем сатира, даже чем преследование, а именно — презрительное молчание».

От подобного консерватизма первыми отказались многие английские ученые, что неудивительно, так как передовая в то время Англия шла на всех парах к зениту своего капиталистического расцвета.

Долина реки Соммы стала привлекать много английских геологов. Сам всемирно прославленный Ляйель, председатель Лондонского геологического общества, выехал в долину Соммы для окончательного решения вопроса. В 1853 году в своем докладе на съезде Английского общества естествоиспытателей Ляйель признал правильность вывода о большой геологической древности человека и о «каменном» доисторическом прошлом современного человечества.

Повсеместное нахождение каменных орудий скоро заставило дать особое название этому доисторическому прошлому человечества: оно было названо каменным веком. Впоследствии каменный век был подразделен на два периода — два века:

1) Древнекаменный век, палеолитический период, или, короче, палеолит (от греческих слов «палеос» — древний,

«литос» — камень), с каменными орудиями довольно примитивной техники, и

2) новокаменный век, неолитический период, или неолит (от греческих слов «неос» — новый, «литос» — камень), во время которого изготовление каменных орудий достигло довольно высокого совершенства благодаря применению различных приемов полировки, сверления и опилования. К неолиту относится и первое употребление человеком глиняной посуды.

Но и это деление оказалось еще очень поверхностным (в особенности для палеолита). Пришлось установить новые подразделения: верхний и нижний палеолит с целым рядом так называемых культур, следовавших друг за другом.

Итак, еще до появления эволюционного учения Дарвина археология с полной ясностью доказала: 1) чрезвычайную древность человека, 2) наличие ископаемого человека и вероятность существования особого вымершего человека и 3) наличие каменного века, который был доисторическим прошлым всего цивилизованного мира.

Уже все эти выводы заставляли предполагать какую-то эволюцию человека.

А между тем с появлением дарвинизма песня началась сначала. Недаром сам Дарвин так боялся касаться вопроса о происхождении человека. Официальная «наука» дралась до последнего против очевидности, против фактов. Она упрямо играла на том, что во времена Дарвина не было еще известно ископаемых остатков предков человека.

Но и здесь игра «ученых лакеев фидеизма», прислужников религии, оказалась проигранной. Современная наука располагает уже непосредственными доказательствами существования ряда переходных звеньев между обезьяной и человеком, о которых во времена Дарвина можно было только строить теоретические догадки.

2. Обезьяно-человек

Нужно знать, что ископаемые остатки предков человека, (как и значительное число ископаемых остатков вообще) представляют собою лишь отдельные случайные находки. Большинство из них дала Западная Европа, и это не потому, что Западная Европа являлась родиной человека или главным местожительством его предков, но потому, что земная кора лучше всего изучена в заселенной и культурной Западной Европе. Постройка железных дорог, каменоломни, разработка залежей, мелиоративные работы, многочисленные геолого-разведочные работы, наконец специальные раскопки для поис-

ков ископаемых остатков человека — все это в сумме привело к тому, что земная кора тут изображена и исследована больше, чем где бы то ни было.

Правда, если не говорить о количестве, а о теоретической важности находок, то придется сказать, что наиболее ценные находки сделаны во внеевропейских странах — странах очень плохо исследованных (сколько, значит, еще остается там сделать находок!).

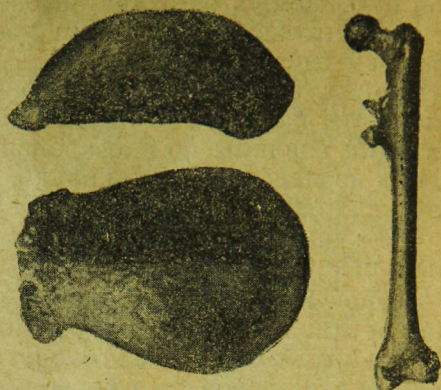
Одна из важнейших находок сделана на острове Ява военным врачом Дюбуа.

Остров Ява богат ископаемыми остатками различных растений и животных. По поручению голландского правительства Дюбуа занимался их систематическими сборами. Главным местом его сборов был берег небольшой (ставшей после этого знаменитой) реки Соло-Бенгавана близ селения Триниль. Здесь в течение нескольких лет им собрано огромное количество ископаемого материала. Но лишь четырем очень скромным окаменелостям пришлось прошуметь на весь мир, вызвав бурю восторга, негодования и споров. Это были: 1) два небольших от употребления достаточно сильно стертых коренных зуба, 2) верхняя часть черепной крышки и 3) бедренная кость левой ноги (рис. 26).

Находки были сделаны в 1891 и 1892 годах. Раньше всего был найден один коренной зуб. На расстоянии метра от него нашли черепную крышку. В следующем году на расстоянии 15 метров от первой находки было найдено бедро, а в трех метрах — второй зуб. Все эти находки сделаны в одном и том же слое, на той же глубине (12—15 метров от поверхности) и обладают вполне одинаковой степенью минерализации. Все данные говорили за то, что зуб, бедренная кость и найденная часть черепной крышки принадлежали одной и той же особи, тогда как второй найденный зуб по видимому должен принадлежать более молодой особи того же вида.

Все остатки носят явно человекоподобный характер. Лишь в бедренной кости бросается в глаза уродливый костный вырост, который придает ей необычный и крайне своеобразный вид. Вне всякого сомнения, этот костный вырост — результат болезни, по всей вероятности так называемого костоеда, довольно часто встречающегося у обитателей сырых и влажных мест. Но если не считать вырост, то бедро очень похоже на человеческое, и оно говорит о вертикальном положении тела его обладателя. Правда, при таком бедре положение тела не могло быть безукоризненно вертикальным, как у современного человека, — обладатель ископаемого бедра имел немного подогнутые колени и не мог их полностью выпря-

Рис. 26. Черепная крышка и бедренная кость питекантропа.

мать. Но во всяком случае он ходил на двух ногах. Еще об одном говорило бедро, а именно — о росте. Судя по бедру, его обладатель был ростом около 170 сантиметров — выше среднего человеческого роста. Он был крупным, мускулистым, сильным существом.

Но кем было это загадочное существо?

Решающий материал для ответа на этот вопрос дает черепная крышка. При ее общем человекоподобном виде бросается в глаза наличие довольно сильно развитых надбровных дуг, которые придают ей явно выраженный обезьяний характер. Обезьяньим же признаком является и низкий покатый лоб, но он более высок, чем у всех современных человекообразных обезьян. Больше чем у современных человекообразных обезьян, был и объем черепа. Около тридцати лет Дюбуа осторожно удалял каменистую массу, заполнявшую найденную им черепную крышку. Зато этот убийственно кропотливый труд дал ему возможность точно установить объем черепной крышки, дал возможность познакомиться с ее внутренним строением и даже получить слепок головного мозга.

Объем черепа, обладавшего такой крышкой, оказался равным около 900 кубических сантиметров, т. е. больше объема черепа самой крупной человекообразной обезьяны, но меньше человеческого (около 1500 кубических сантиметров). Слепок мозга показал, что по многим особенностям он больше приближается к строению человеческого мозга, чем обезьяний мозг. Хорошо сохранившиеся на черепной крышке полукруглые линии говорят, что челюсть нашего существа была менее крупной и массивной, чем челюсть современных человекообразных обезьян.

Словом, по всем признакам найденная Дюбуа форма в одно и то же время совмещает в себе признаки обезьяны наряду с признаками человеческого типа. И поэтому Дюбуа назвал найденное им вымершее существо питекантропом, т. е. (в переводе с греческого) обезьяно-человеком. Это название дополнил прибавкой слова «эректус», что значит выпрямленный — прямостоящий. Питекантропус эректус (*Pithecantropus erectus*), т. е. обезьяно-человек прямостоящий, — под таким именем вошла в науку тринильская находка Дюбуа.

Кто же такой питекантроп?

Сам Дюбуа и многие ученые вместе с ним рассматривают питекантропа как переходную ступень от вымерших человекообразных обезьян к человеку. Даже теоретически мы не можем себе представить более подходящей формы перехода, чем питекантроп с отмеченной двойственностью его признаков. В отличие от человекообразных обезьян мы находим у питекантропа выпрямленность, прямохождение, с чем связана дифференцировка конечностей, сыгравшая решающую роль в процессе очеловечения (ибо только при такой дифференцировке возможен труд с постоянным использованием орудиями труда и их изготовлением). Таким образом питекантроп воплощает решающий шаг от обезьяны к человеку.

Известный английский антрополог Элиот Смит дает такое описание питекантроповой стадии: «Освобождение рук от ходьбы перенесло всю ответственность на ноги, которые сделались более отвечающими своему назначению быть опорой тела с тех пор, как утеряти хватательную способность, стали длиннее и специализировались для быстрого передвижения. Как только прямое положение тела стало обычным и закрепилось, а конечности специализировались, эти прямоходящие обезьяны целыми сообществами вышли из лесов своей родины, вооруженные палками, камнями, с зачатками тех способностей, благодаря которым они покорили весь мир. Большие опасности, с которыми должны были столкнуться отважные духом существа, как только они выступили открыто, и постоянная борьба этих полулюдей с различными врагами и с силами природы явились факторами, быстро уничтожавшими всех неприспособленных к новым условиям существования, а естественный отбор выработал из оставшихся в живых настоящих людей».

Питекантроп настолько соответствует всем теоретическим предположениям о переходной форме, что можно сказать, что находка питекантропа была как бы пророчески предсказана наукой (что еще раз подтверждает правильность учения о животном происхождении человека). Но, чтобы считаться дей-

ствительным предком человека, питекантроп должен быть древнее его. Если бы питекантроп и даже самый примитивный ископаемый человек жили в одно и то же время, то питекантроп не мог бы конечно рассматриваться как предок человека: нельзя стать взрослым, не пройдя до конца стадию ребенка.

Отсюда ясно, почему крайне важно наиболее точно определить геологическую древность питекантропа (да и вообще всех находок ископаемых остатков человека и его предков).

Как раз геологическая древность питекантропа установлена довольно хорошо благодаря трехлетним работам (1906—1908 годы) специальной экспедиции, посланной на остров Яву для продолжения исследования Дюбуа близ селения Триниль. При определении древности питекантропа очень важными оказались прекрасно сохранившиеся остатки многих растений, найденных в том же слое, что и питекантроп. Все найденные растения (54 вида) принадлежат к теперь существующим формам, из чего необходимо сделать вывод, что питекантроп был не древнее начала так называемого четвертичного периода, т. е. последнего периода в истории земли. О том же говорят многочисленные остатки различных вымерших животных (например предков слонов), также характерных для четвертичного периода. Но остатки найденных растений красноречиво говорят и о другом. Все они принадлежат к вечнозеленым растениям умеренного и влажного климата. Лишь часть из них — только 24 вида из 54 — растут теперь на острове Ява, обычно на высоте 600—1 200 метров. Большинство же других распространены от Ост-Индии до Новой Гвинеи и Австралии. Это доказывает, что во время существования питекантропа остров Ява, как и другие близлежащие острова, был связан с азиатским материком.

Климатические условия, при которых растут теперь растения, бывшие современниками питекантропа, приводят нас еще к одному очень важному выводу: они говорят о том, что во времена питекантропа климат на острове Яве был более влажным и холодным. Средняя годовая температура должна была быть на 6 градусов ниже современной, благодаря чему граница вечного снега на горах острова Явы спускалась примерно на 800 метров ниже, чем теперь.

Питекантроп был современником ледникового периода. Изучение остатков ледникового периода в Европе показало, что он состоял из четырех оледенений, перемежавшихся между собою так называемыми межледниковыми эпохами с более теплым и мягким климатом.

Тщательные исследования привели к выводу, что питекант-

роп жил в начале четвертичного периода, т. е. при наступлении первого оледенения. Это было, по примерным расчетам некоторых ученых, около одного миллиона лет назад — возраст, вполне достаточный для того, чтобы признать за питекантропом право считаться одним из первых предков человека.

Следовательно, все анатомические особенности питекантропа, как и его геологическая древность, убедительно доказывают нам, что мы имеем перед собой действительно обезьяно-человека, т. е. один из первых эволюционных шагов от вымершей человекообразной обезьяны к человеку.

3. Вопли о гиббоне и молодости питекантропа

И именно потому, что питекантроп является шагом, переступающим пропасть, отделяющую человека от «соседней земли млекопитающих», он стал поперек горла реакционерам всех мастей.

Против питекантропа и его почетного места в ряду человеческих предков был сделан ряд «отводов».

Первый из них сводился к тому, что питекантроп не обезьяно-человек, а обезьяна и именно гиббон, но гигантский гиббон (так как современные гиббоны довольно малы). Сходство находили в некоторых особенностях черепной крышки и в бедренной кости, говорящей о двуногом хождении. Мы знаем уже, что гиббоны ходят на двух ногах, правда совсем не так, как человек. Поэтому у них совершенно иначе устроена, например, стопа. Но ведь стопы-то питекантропа не нашли.

Возводя питекантропа в звание гигантского гиббона, «ученые лакеи поповщины» выводили его из ряда человеческих предков, так как гиббоны являются как раз группой человекообразных обезьян, наиболее далекой от человека.

Поднявшиеся вопли о гиббоноидности питекантропа заставили передовых ученых-эволюционистов со всей возможной тщательностью изучить его ископаемые остатки. Черепная крышка была детально изучена Вейнертом. Его исследования показали, что лобная кость питекантропа наиболее близка шимпанзе и крайне далека как раз от лобной кости гиббона. Об этом говорит наличие в ней так называемых лобных пазух, которых вовсе нет у обеих азиатских человекообразных обезьян, т. е. у гиббона и оранга. У гориллы и шимпанзе эти пазухи достигают очень значительной величины, тогда как у всех человеческих рас они развиты слабее. Лобная пазуха питекантропа, которая стала особенно хорошо заметной после удаления каменистой массы, заполнявшей черепную крышку, оказалась занимающей среднее положение между лобными

Рис. 27. Распил через лобные кости для демонстрации лобных пазух: а) гориллы, б) шимпанзе, в) питекантропа, г) неандертальца, д) человека.

пазухами африканских человекообразных обезьян и человеком (рис. 27). Следовательно, и по этому признаку питекантроп является переходным звеном от антропоморфных обезьян к человеку.

Итак, обследование черепной крышки сняло с питекантропа обвинение в его принадлежности к гиббонам. К тому же выводу привело и тщательное исследование бедренной кости, предпринятое всемирно известным антропологом Швальбе¹. Бедро питекантропа не настолько отклоняется от человеческого бедра, чтобы его можно было считать за бедренную кость гиббона. Отличия же его от человеческого бедра

¹ В своих исследованиях Швальбе пользовался лишь имеющимися фотографиями, описаниями и рисунками, так как сама бедренная кость, находящаяся в распоряжении Дюбуа (как и все остатки питекантропа), почти совершенно недоступна для других ученых. Прекрасный по меру секретничества и индивидуалистических «монопольей» в науке буржуазных стран!

есть отличия переходной ступени, т. е. отличия бедра обезьяно-человека.

Словом, внимательное изучение питекантропа выбило из рук поповщины еще одно из «научных» возражений против животного происхождения человека. Тогда на сцену выступил второй отвод, сводящийся к чрезвычайной геологической молодости питекантропа.

В 1927 году с этим «отводом» выступил известный американский палеонтолог Генри Осборн. Правда, тот же Осборн в своей книге «Человек древнего каменного века», вышедшей в 1915 году (у нас переведена в 1924 году), писал о том же питекантропе, что «он представляет собою ту ступень в развитии человека, которую теоретически мы могли ожидать на заре плейстоценного времени» (т. е. ледникового периода.—А. Б.). Но, как видно, в последние годы Осборн «прозрел». Быть может, его «прозрению» способствовали напумевшие на весь мир «обезьяний процесс», на котором «общественный обвинитель» Брайан выступил с лозунгами: «Вне библии, которую христиане считают откровением воли божией, у нас нет знаний» и «Все, что противоречит библии,— неверно, ложно и несет с собой разрушение и смерть». Это было в 1925 году. К этому времени в 24 штатах США было запрещено преподавание эволюционного учения в школах.

Как бы то ни было, «прозревший» Осборн «омолодил» питекантропа на несколько сот тысяч лет. И при таком «омоложении» питекантроп оказался современником ископаемого человека, так называемого неандертальца, или первобытника, и конечно больше не мог считаться его предком. Для обоснования своего «отвода» Осборн пользуется выводом палеонтолога Дитриха, который определяет остатки стегодонт (предков слонов), найденных вместе с питекантропом, как позднечетвертичные. Но беда в том, что все геологи, занимающиеся этим вопросом, отвергают мнение Дитриха. При этом интересно, что в критике дитриховских положений геологи оперируют данными самого Осборна, считающегося лучшим знатком ископаемых слонов. Как знаток слонов, Осборн считает стегодонтов — современников питекантропа — за древнюю форму. А как исследователь происхождения человека Осборн «омолаживает» питекантропа, ссылаясь на мнение Дитриха, им самим опровергнутое!

Слишком белыми нитками шит и второй «отвод» против питекантропа.

Значение питекантропа как реального обезьяно-человека, т. е. одной из конкретных ступеней в эволюции человека, сейчас должно считаться прочно установленным наукой.

4. Обитатель чжоу-коу-тяньских пещер

Долгое время питекантроп был одиночной и случайной находкой, что отчасти и облегчало всевозможные «выпады» против него. Тем ценнее оказалась находка остатков другого существа, близкого к питекантропу и являвшегося почти его современником. К тому же интересен тот факт, что вымерший «современник» питекантропа был найден не в костеносных слоях острова Явы, а за многие сотни километров от него — в пещерах близ селения Чжоу-коу-тянь, сравнительно недалеко от Пекина (Бейпина). В 1926 и 1927 годах там были открыты три зуба с явно человеческими признаками, что заставило исследовавшего их проф. Давидсона Блэка назвать их обладателя «пекинским синантропом» (синантроп — значит «китайский человек»). С 1928 года начались систематические раскопки в поисках синантропа. В том же году китайский геолог Бей нашел осколки нижних челюстей взрослой особи и ребенка. В следующем году им были найдены несколько зубов и хорошо сохранившаяся черепная крышка синантропа. В 1930 году в том же холме были выкопаны несколько зубов и обломки черепа, из которых Давидсон Блэк составил почти целый череп синантропа. Дальнейшие раскопки дали в руки исследователей большое количество примитивных каменных орудий из кварцита и, повидимому, орудия из кости. Найдены также остатки угля и золы и большое количество трубчатых костей многих вымерших животных. Все они были исключительно расколоты для добывания костного мозга. Найденные остатки синантропа принадлежат нескольким особям, что заставляет предполагать, что пещеры близ Чжоу-коу-тянь служили жильем небольших общественных групп (об этом убедительно говорят также массовые находки обработанных орудий из кварцита). Эти же находки говорят еще о том, что под сводами пещер общество синантропов жило в продолжение очень долгого времени. Здесь они с'едали свою добычу — плод удачной совместной охоты. Здесь они хранили запасы кварцита, необходимого для выделывания орудий, и здесь же их изготовляли. Судя по углям и золе, надо думать, что обитатели чжоу-коу-тяньских пещер могли уже пользоваться огнем. Они, очевидно, прожаривали куски мяса. Но скудность остатков углей и золы заставляет думать, что огонь еще не был постоянным спутником их жизни. Вероятно, он был их редким и довольно случайным гостем, но гостем, который не вызывал уже у них панического ужаса, как у других животных. Китайский человек как бы прошел первые и крайне важные для человека ступени знакомства с огнем. Найдя природный очаг огня, он уже не упускал воз-

Рис. 28. Орудия синантропа.

возможности им воспользоваться. Но, по всей вероятности, китайский человек не умел ни добывать, ни даже сохранять огонь. И это указывает на чрезвычайную примитивность культуры китайского человека. О том же говорят и его орудия (рис. 28). Обычно это камни, которые несколькими сильными, но верными и умелыми ударами при помощи другого твердого камня обиты, как бы стесаны с нескольких сторон. При такой обивке образуются колющие края или режущие поверхности. Но форма орудий китайского человека была случайной, она зависела от формы взятого куса кварцита.

Дифференцировка орудий, специальная выделка орудий определенной формы пришла много позже. Культура синантропа была еще настолько низка и примитивна, что мы должны считать ее близкой к началу, к истокам человеческой культуры.

Какова же древность той культуры и каков сам китайский человек — ее создатель и носитель?

Геологическую древность синантропа было нетрудно определить по многочисленным остаткам различных животных, найденных вместе с ним и частично бывших его добычей. В пещере Чжоу-коу-тянь выкопаны остатки древней лошади, особого вида носорога и оленя, остатки своеобразного саблезубого тигра, так называемого махайрода, с огромными клыками саблеобразной формы и некоторые другие вымершие животные. Все они говорят опять-таки о начале ледникового периода, когда и на юге Европы обитал саблезубый тигр и теплолюбивый носорог.

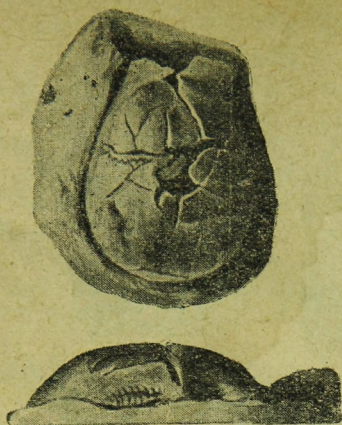

Рис. 29. Черепная крышка синантропа (вместе с частью каменной породы).

Оказывается, что и по особенностям своего строения китайский человек подходит крайне близко к своему современнику — питекантропу, что наглядно видно из строения его черепной крышки (рис. 29), сильно суженной в лобной части, так же как у питекантропа. Бросаются в глаза и сильно развитые надбровные дуги, хотя они немного слабее выражены, чем у питекантропа. Близок к питекантропу и общий профиль черепной крышки: впрочем, у синантропа ее объем больше и лоб подымается более круто. В общем различия эти очень незначительны. И правы антропологи, как например Вейнерт, которые отмечают, что находка синантропа раньше всего важна и ценна тем, что она блестяще подтверждает правильность оценки питекантропа как обезьяно-человека. Находка китайского человека наглядно продемонстрировала необоснованность и классовую партийность (под маской «научной беспартийности») всех выпадов против питекантропа.

Итак, по признакам строения мы вынуждены и синантропа считать обезьяно-человеком. Но это лишь по признакам строения. Мы знаем, что решающей гранью, которая отделяет человека от остальных животных, в частности от обезьян, является то, что «человек — животное, делающее орудия». И вот по этому решающему признаку синантроп должен считаться несомненным человеком. Его орудия, его умение пользоваться огнем говорят за то, что перед нами один из родоначальников человечества. Небольшие группы этих обезьяноподобных и невзрачных существ, еще пугливых, но уже вооруженных обитыми кварцитами и общественно-трудовой спаянностью, впервые вступили в сложное многообразие мира как совершенно новые и до того неведомые сочлены природы.

Синантроп уже таил в себе все могущество будущего «владыки мира», которому он начал прокладывать дорогу.

5. Челюсть из Мауэрских песков

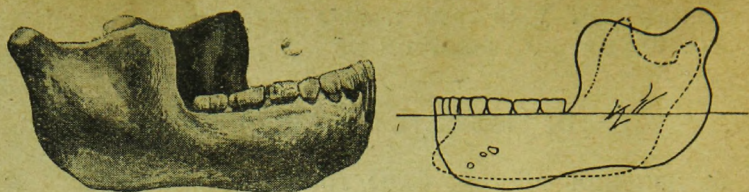
У деревни Мауэр, близ города Гейдельберга в Германии, залегают мощные слои песка, отложенные рекой Неккар во вторую межледниковую эпоху. Когда-то многоводный Неккар накопил здесь в течение многих тысячелетий слои песка около 12 метров толщиной. Над ним лежат двенадцатиметровые слои лёсса — наследия третьей межледниковой эпохи с сухим климатом, когда буйные ветры несли с собой тучи пыли.

Мауэрские пески давно и систематически разрабатывались для различных целей. В довольно большом количестве находили в них и ископаемые остатки различных животных, например древнего слона, особого вида носорога, вымершего льва, двух видов вымерших медведей, дикого кабана, благородного оленя, дикого быка, зубра, двух видов диких вымерших лошадей и др. Эти ископаемые остатки и позволили определить геологическую древность Мауэрских песков. Их возраст (около середины ледникового периода) заставил предположить возможность находки в песках остатков человека. Однажды на глубине 24 метров от поверхности и была найдена хорошо сохранившаяся челюсть (рис. 30). В сравнении с нижней челюстью современного человека она поражает своей массивностью, напоминающей обезьянью челюсть. Обезьяньей является и значительная скошенность подбородка. Но вместе с тем хорошо сохранившиеся зубы категорически решают вопрос о принадлежности челюсти человеку. Клыки не возвышаются над остальными зубами, и все зубы образуют сплошной подковообразный ряд, типичный для человека. По всем особенностям своего строения, даже и по своей величине, зубы гейдельбергской челюсти крайне близки к зубам современного человека. Они даже несколько малы для мощной и массивной челюсти из Мауэрских песков.

Словом, по совокупности всех своих признаков гейдельбергская челюсть представляет собой переходную ступень от обезьяны к человеку. В этом она сходна с черепной крышкой питекантропа и синантропа. Следовательно, и в гейдельбергском человеке мы имеем перед собой обезьяноподобного предка, что соответствует и его геологическому возрасту (около пятисот тысяч лет назад).

Но был ли этот предок наш уже человеком? Этот вопрос может быть разрешен только на основании находок орудий труда. Но они не найдены в Мауэрских песках. Правда, это

Рис. 30. Гейдельбергская челюсть.

еще не значит, что гейдельбергский человек ими не пользовался. Ведь в Мауэрских песках сохранились остатки животных, которые были случайно подхвачены быстрыми и мутными струями многоводного тогда Неккара. Трупы сгнивали в воде. Скелет рассыпался на части. В тихих заводях, на мелях или у какого-либо препятствия отдельные части скелета находили себе наконец вечный покой. Таким-то путем и попала в Мауэрские пески нижняя челюсть гейдельбергского человека, оторвавшаяся от черепа после того, как сгнили поддерживающие ее мышцы и сухожилия. В других местах, по дну бывшего Неккара, рассеялись остальные части черепа и всего скелета. Многие из них, возможно, совсем не сохранились, а другие остаются замурованными в каких-либо отложениях, расположенных, может быть, за десятки и сотни километров от Мауэрских песков.

Очевидно, при таких условиях образования Мауэрских песков с их ископаемыми остатками там нечего искать каменных орудий (деревянные же и вообще не могут сохраниться). Зато в отложениях той же межледниковой эпохи в других местах найдены в бывших пойменных долинах каменные орудия, иногда в огромных количествах. Им сопутствовали остатки древнего слона, вымершего носорога, гиппопотама, древней лошади и т. д. Орудия примитивны. Как и у синантропа, они не имеют вполне определенных форм, но все же в них уже заметна некоторая тенденция к специализации. В большом количестве примитивные орудия межледникового периода нашел Буше де Перт в наносах реки Соммы. Их находили в межледниковых наносах и многих других рек. Но самые массовые сборы этих орудий (рис. 31) были произведены во Франции, в долине реки Марны, близ города Шелля. Отсюда и название этих орудий — шелльские. В науке говорят даже о шелльской культуре. Шелльские орудия найдены в очень многих местах Западной Европы — в Англии, Германии, Испании, Португалии, Греции и в целом ряде внеевропейских стран — в Индии, Палестине, Месопотамии, по всему северному побережью Африки. Но во внеевропейских находках не всегда удавалось точно определить их геологическую древность.

Среди шельских орудий большую роль играет так называемый ручной топор, вернее — ручной ударник или ручное рубило. Он достигает довольно значительной величины, иногда свыше 20 сантиметров. В нем наблюдается уже довольно определенная форма — миндалевидная, овальная или копьевидная. Для более удобного обхватывания рукой один его конец обычно остается не «обтесанным», тогда как другой образует колющее острие, а обе стороны обтесаны в режущие края. Зажатый в руке ручной ударник был довольно универсальным орудием — колющим, режущим, сверлящим, копающим и т. п. Помимо ручных ударников мы встречаем и более мелкие «орудия» — отколы камня с заостренными краями.

По своей геологической древности орудия второй межледниковой эпохи, во всяком случае орудия начала ее, соответствуют времени существования гейдельбергского человека. И мы имеем право предположить, что гейдельбергский человек являлся творцом этих орудий. Тогда условия находок этих орудий расскажут нам о его быте.

В теплом климате межледниковой эпохи он жил на открытых местах — стоянках, жил небольшими группами. Охота играла немаловажную роль в его жизни. Поэтому его обычные стоянки располагались в пойменных равнинах реки, богатых дичью, обеспечивающих его водой, различными кореньями и съедобными травами. Может быть, на местах своих стоянок гейдельбержцы скрывались от непогоды в примитивных шалашах, построенных из веток деревьев близлежащего леса. Может быть, во время ненастья или большой жары они просто удалялись в тень лесных чащ или под навесы имеющих скал. Добыча трудового дня сносилась к месту стоянок, где весь небольшой коллектив, каждый с одинаковым правом, принимал участие в пиршестве. За костром, без беспокойных дум о завтрашнем дне, и съедалась вся добыча. Запасов не делали, и если пищи было вдоволь — ели, пока не сваливались у костра и не засыпали мертвым сном. Остатки пиршества продолжали лежать и догнивать на месте стоянок, накапливаясь с каждой новой трапезой и распространяя смрадный запах. Но, видно, он не мешал гейдельбержцу. Может быть, он даже был для него приятным напоминанием о недавно пережитых оргиях сытости.

День был заполнен охотой и собиранием растительной пищи. Для того чтобы делать орудия труда, нужен был кремь и твердые породы камня. И изготовление орудий уже не было делом случайным. Изготовление искусственных орудий дает право говорить о зачатках дифференциации труда

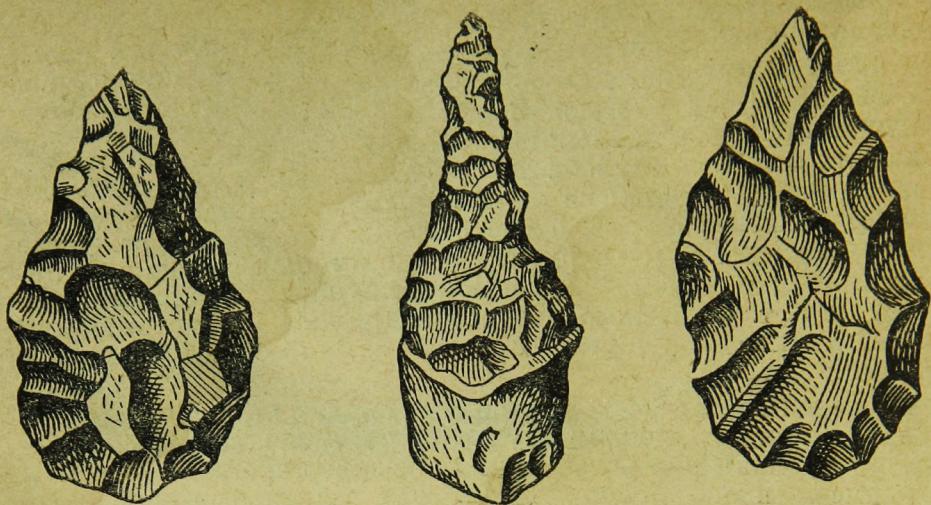

Рис. 31. Орудия шелльской эпохи.

внутри первобытных групп древних людей. Усложнение трудовых процессов в свою очередь говорит о том, что уже на данной стадии возникли зачатки речи. Но «речь» неандертальцев еще весьма мало имеет общего с речью в современном значении. То была «речь» жестов и мимики, которая усиливала нечленораздельные звуки наших далеких предков.

Как охотник и собиратель растительной пищи, особенно и своих примитивных орудиях труда, он не мог долго сидеть на месте. Гейдельбержцы кочевали всем небольшим коллективом. Места их стоянок отмечены красноречивыми следами в виде забытых и выброшенных орудий и множества «кухонных отбросов» — свидетелей пиршеств.

До наших дней дошли те следы стоянок, которые, во время половодья покрывались мутными водами разливавшихся рек, заносивших их год от года песками и илом. Они-то, хотя и неполно, рисуют нам жизнь гейдельбергского человека.

6. Из открытых стоянок в пещеры

Исследования речных и лёссовых отложений с поразительной ясностью знакомят нас с постепенным изменением климата к концу межледниковой эпохи. Климат становился более влажным и холодным, на севере началось огромное накопление льдов. Нарастающие ледяные массы все больше и больше отодвигали к югу тундру с ее северными обитателями. Тундра наступала на лес и луга, и лес медленно, но верно

продвигался к югу, оттесняя степи. Вместе со сменой растительного покрова земли шла смена и животных форм. Степные животные заменялись лесными, на смену лесных постепенно пришли типичные обитатели далекого севера во главе с двумя неразлучными гигантами ледникового периода — мамонтом и шерстистым носорогом. Они были авангардом наступающих с севера ледников, авангардом, провозгласившим оледенение Европы.

История человека времени похолодания и оледенения Европы запечатлелась в виде множества сохранившихся орудий. Характерные орудия этой переходной эпохи впервые были во множестве найдены Буше де Пертом близ местечка Сент-Ашель у города Амьена, отчего и сама эпоха получила имя сент-ашельской эпохи, или культуры. Впоследствии сент-ашельские орудия были найдены во многих местах Западной Европы, а также в Индии, Палестине, Сирии, Египте и других странах.

От грубо обтесанных орудий шелльской эпохи сент-ашельские орудия отличаются своей большой легкостью, более тщательной обработкой, более резко выраженной дифференцировкой (рис. 32). Они вообще более совершенны. Как и раньше, орудия обрабатывались тесаной техникой, но она производилась уже особыми, удобными по форме отбойниками. Грубыми ударами намечались режущие края. Но помимо этой первичной обработки, орудие подвергалось вторичному, более тонкому и тщательному обтесыванию, которым орудию придавалась правильная форма. Его делали более плоским, отчего оно становилось легче, а на режущие края наносилась так называемая ретушь, придающая им большую правильность и остроту. Ручной ударник еще продолжает играть большую роль, но он поражает легкостью и изяществом. Среди орудий ясно выделяются каменные ножи, колющие и сверлящие буравы, а также скребки, которыми многие малокультурные народности еще и теперь обрабатывают шкуры убитых животных, снимая с них остатки мяса, жира и подкожного слоя.

При умеренно холодном климате ашельской эпохи человек продолжал еще жить на открытых стоянках. Огонь костров и шкуры животных должны были защищать его от холода. Огонь являлся стержнем всего его существования. Потухание костра было катастрофой, грозящей гибелью. Огнем должен был быть полон небольшой кругозор мыслей человека. И в вечной заботе об огне он научился сохранять и поддерживать его, как неценного помощника и защитника. Может быть, как раз в это время он впервые научился искусственно добывать огонь, так как практика массового изготовления ка-

Рис. 32. Орудия ашельской эпохи.

менных, а также и деревянных орудий создавала для этого все предпосылки (искры, разогревание от трения), а жизнь настойчиво требовала теплоты огня и власти над ним.

Все ухудшающиеся условия существования делали борьбу за жизнь все более трудной. Но ожесточенная борьба ведет к прогрессу. Спаянным общественно-трудовым коллективом стоял человек против надвигающихся льдов и сурового климата. В орудиях и коллективе было его единственное спасение. И орудия совершенствовались. Общественные отношения становились прочней и многогранней. Повидимому, именно в эту эпоху зародилась звуковая речь, это мощнейшее орудие общения между людьми. Расширился кругозор понятий и мыслей. В это время возникли вероятно, первые идеологические надстройки в сознании ашельского человека.

Суровый климат согнал человека с его открытых стоянок. Холода заставили его искать каких-то убежищ. Но строить себе жилищ он еще не умел. И человек снова, как во времена синантропа, вынужден был уйти под естественную защиту пещер. Он превратился в троглодита — «пещерника». Но он был не единственным претендентом на эту естественную жилплощадь. Такими же троглодитами, как человек, были пещерная гиена и пещерный медведь — страшный хищник ледниковой эпохи, ростом значительно превышающий нашего бурого медведя. Очень часто человек великого оледенения должен был отвоевывать себе жилище у этих опасных конкурентов. И в этой борьбе, вне всякого сомнения, решающую роль сыграл огонь, так как только огнем и дымом человек мог освободить пещеру от ее свирепых и хищных обитателей и огнем же он мог защитить ее затем от их нападений,

Разрушаясь от времени, пещеры постепенно заполнялись обломочным материалом потолка и стен. Камни, щебень, пыль хоронили под собой то, что находилось на дне пещеры — кости, золу, угли, орудия. Таким-то образом записывались для будущих тысячелетий страницы из жизни человека ледникового периода. В некоторых пещерах как бы хорошо законсервировались ископаемые остатки самого человека-пещерника, и это дает нам возможность восстановить его образ.

Каков же этот троглодит — современник мамонта и конкурент пещерного медведя?

7. Современник мамонта и пещерного медведя

Одна из первых находок ископаемых остатков человека этого периода была произведена в 1856 году в Германии близ города Дюссельдорфа в долине Неандер (по-немецки — Неандерталь, «таль» — долина), названной по имени известного немецкого поэта Иохима Неандера. В прекрасном строительном известняке, который двумя отвесными стенами спускается в долину, прорытую небольшой речкой Дюссельбах, есть много пещер. При ломке камня была открыта одна из них, сплошь заваленная затвердевшей глиной, щебнем и обломочным материалом. Во время очистки пещеры наткнулись на кости человека. Удалось собрать черепную крышку, обломки ребер, тазовых костей, несколько костей верхних и нижних конечностей и целую правую лопатку. Все это и составляет знаменитую неандертальскую находку, которая была тщательно исследована проф. Фюльротом. Особенного интереса заслуживает черепная крышка, отличающаяся низким покатым лбом и сильно развитыми надбровными дугами, сливающимися в один сплошной и резко выступающий надбровный валик. Эти признаки, отсутствующие у всех современных человеческих рас, заставили Фюльрота признать в находке остатки очень древнего человека, названного неандертальцем. Доклад Фюльрота вызвал бурю негодования. Когда в 1859 году этот доклад был напечатан в научном журнале, то в особом примечании редакция торжественно подчеркивала свое несогласие с взглядами Фюльрота. Огромную роль в дискредитации неандертальца сыграл всемирно известный антрополог и патолого-анатом Вирхов. Все типичные особенности черепной крышки неандертальца он сводил к патологическим процессам — к рахиту в детском возрасте и к особому виду податры во взрослом состоянии. Авторитет Вирхова оказал свое действие, неандерталец был «обезличен» до того, что даже Дарвин не придавал ему особого значения. Лишь Ляйель и

Гексли рассматривали его как одно из промежуточных звеньев между человекообразными обезьянами и человеком. Но их было двое, может быть, нашлось еще несколько «еретиков», а против них сплоченным фронтом стояла официальная наука со всем многочисленным «штатом» ее известных и неизвестных ученых. Они-то и решили участь неандертальца, превратив его на несколько десятилетий в патологического выродка. В 1885—1886 годах в Бельгии в одном из гротов близ Спи на реке Маасе под туфовым известняком были вырыты два неполных человеческих скелета, кремневые орудия и остатки мамонта, шерстистого носорога, пещерного медведя и пещерной гиены, т. е. самых красноречивых свидетелей великого оледенения. Найденные остатки черепов обладали всеми характерными признаками неандертальской находки. К этим «патологическим» признакам прибавился еще один признак, подчеркивающий примитивность человека ледникового периода. Хорошо сохранившаяся нижняя челюсть была более массивной, чем челюсть современного человека, хотя и менее крупна, чем челюсть из Мауэрских песков. У нее отсутствовал подбородочный выступ, характерный для современного человека, но она не имела и такого скошенного загиба внутрь, который делает гейдельбергскую челюсть явно обезьяноподобной. Интересно, что челюсть такой же формы, как челюсть из Спи, была еще в 1866 году найдена в той же Бельгии в гроте близ Ла-Нолетт вместе с костями мамонта, носорога и северного оленя. Но до находок в Спи ей не придавали никакого значения, опять-таки рассматривая ее как нечто «патологическое».

Только находки в Спи заставили антропологов признать, что все признаки неандертальца должны считаться нормой для человека ледникового периода.

И постепенно, вместе со все новыми и новыми находками, неандерталец, или первобытник, стал все отчетливее выступать из мглы своего отдаленного, доисторического прошлого.

Находок неандертальца нам известно теперь немало. Очень важной оказалась находка проф. Горянович-Крамбергера в 1899 году в Кроации в небольшой пещере, вернее нише, расположенной в долине речонки Крапиницы близ города Крапина. Вся пещера была заполнена обломочным материалом, результатом выветривания потолка и стен ниши. В этой сплошной массе песка, камней и тонкой пыли Горянович-Крамбергеру удалось установить девять культурных слоев с остатками человека и следами его жизни. В культурных слоях найдены остатки костров, множество обожженных и расколотых костей теплолюбивого «носорога Мерка», первобытного

быка, остатки лошади, гигантского оленя, медведя, бобра, сурка, т. е. большинства животных, говорящих о конце межледниковой эпохи с явными признаками наступающего оледенения. Следовательно, крапинский человек был древнее человека из бельгийских гротов.

Вместе с остатками животных найдено до пятисот человеческих костей, принадлежащих, по крайней мере, десяти особям различного возраста. Множество найденных каменных орудий близки к орудиям ашельского типа. Девять друг под другом находящихся культурных слоев показывают нам, что крапинский человек неоднократно и в продолжение долгого промежутка времени периодически посещал удобную для жилья нишу у реки Крапиницы. И этот древний крапинский человек также обладал типичными особенностями неандертальца — первобытника.

Решающую роль для выяснения образа первобытника сыграли некоторые находки во Франции, в особенности же находка в 1908 году в одной из пещер, находящейся в местности Ля-Шапель-о-Сен. В ней нашли хорошо сохранившийся, почти совершенно целый скелет, принадлежащий старику. Скелет находился в естественной выемке, оказавшейся на дне пещеры. Он лежал в позе как бы спокойно спящего на спине человека с поднятой правой рукой. Вместе с скелетом найдены различные каменные орудия и кусочки охры. В слоях, находящихся непосредственно над скелетом, оказалось много каменных орудий, кости шерстистого носорога, северных оленей и некоторых других животных времени великого оледенения. Особенности строения черепной крышки и нижней челюсти сразу выдавали неандертальца, а спокойное положение скелета в естественной выемке дна пещеры заставляло предположить погребение.

Ритуальный акт погребения у первобытника, отдаленного от нас не менее чем на сто тысяч лет, должен, пожалуй, вызывать у нас некоторое сомнение. Но целый ряд дальнейших находок подтвердили наличие погребения у первобытника. В том же 1908 году в так называемой «нижней пещере» местности Ле-Мустье раскопки обнаружили части скелета юноши, также лежащего как бы в спокойной позе спящего. Голова его находилась на «подушке» из собранных в кучу кремней. Двумя же кремнями был покрыт сверху нос.

В 1909 году в пещере Ла-Ферраси найден скелет неандертальца также в позе спящего, но с подогнутыми ногами. Причем, судя по всему, погребение было совершено не в могиле, а положенный в землю труп был покрыт сверху камнями. Интересная находка была сделана в 1924 году в Крыму, в

гроте Зийк-Коба, в 35 километрах от Симферополя, близ селения Кипчак. Вместе с остатками мамонта, шерстистого носорога, сайги, лошадей, бизона, оленей и др. найдено много каменных орудий и кости человеческих ног — голени и стопы — единственное, что сохранилось от скелета. По предварительному исследованию эти остатки оказались сходными с соответствующими костями неандертальца, хорошо знакомыми по скелету из Ля-Шанелль-Сен и др.

Остатки первобытника известны и во внеевропейских странах. Так, например, в 1925 году в Палестине в одной из пещер близ Галилейского озера вместе с каменными орудиями, характерными для неандертальца, найдена часть лобной кости и еще некоторые обломки человеческого черепа. Надбровные дуги и покатый лоб галилейского черепа опять-таки сразу выдают в нем неандертальца, а некоторые особенности заставляют считать этот череп даже немного более примитивным, чем неандертальские черепа из Европы. Явные признаки первобытника имеет и череп из Родезии (Южная Африка), найденный в 1921 году в пещере Брокен-Хилл совместно с остатками разных африканских животных. Геологическая древность родезийского человека не могла быть точно установлена, так как не вполне точно выяснены условия его находки, так же как далеко не классифицированы следы различных эпох ледникового периода для Южной Африки.

Находки костей неандертальца известны еще и из некоторых других внеевропейских стран. Остатками первобытника мы достаточно богаты, чтобы довольно полно восстановить его образ, а пожалуй и быт.

В 1918 году в Пятигорске, на террасе, расположенной близ реки Подкумок, но на 15 метров выше ее теперешнего уровня, в отложениях последнего оледенения найдены во время земляных работ ломкие и хрупкие остатки человеческих костей. Среди них была довольно хорошо сохранившаяся лобная часть черепной крышки и хуже сохранившиеся обломки других частей черепа, обломок нижней челюсти, левой плечевой кости и др. К сожалению, вместе с остатками костей не найдены ни каменные орудия, ни остатки вымерших животных, которые дали бы возможность точнее определить и геологический возраст и культуру подкумковского человека. Однако, если судить по развитости надбровных дуг и некоторым другим признакам, подкумская находка должна быть отнесена к неандертальцам более поздней эпохи. Она как бы даст переходную форму от неандертальца к современному человеку (находка хранится в Гос. музее антропологии в Москве).

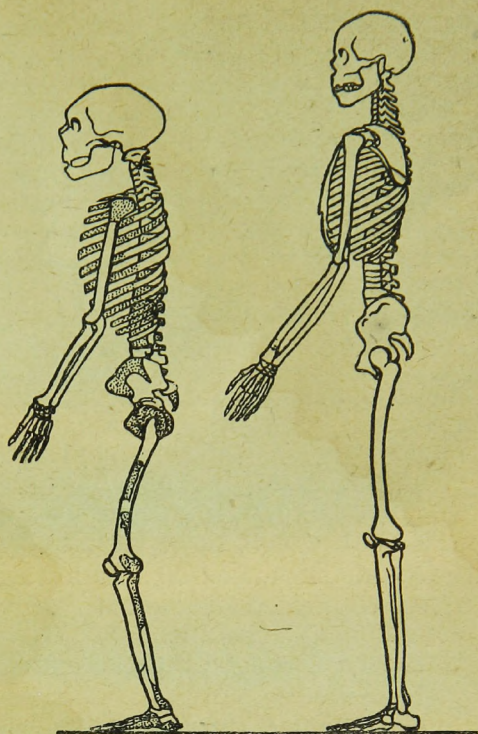

Рис. 33. Скелет неандертальца и современного человека.

8. Первобытник, современный человек и обезьяны

Особенно интересно и важно для нас сопоставить первобытника с современным человеком, с одной стороны, и с антропоморфными обезьянами — с другой. Прежде всего приходится установить низкий рост неандертальца, приблизительно 155 сантиметров, тогда как средний рост современного человека равен 165 сантиметрам, а народности с ростом неандертальца сейчас относятся к низкорослым. Затем у неандертальца (рис. 33) позвоночный столб не обладает характерными для современного человека изгибами и в шейной области по-обезьяньи немного наклонен вперед, что говорит о том, что естественная походка неандертальца была слегка согнутой, он ходил как бы вечно сутулясь. Строение костей бедра и голени и их сочленение друг с другом явно указывают на то, что ноги неандертальца не могли быть вполне выпрямленными. Они всегда оставались немного согнутыми в коленях. В стопе неандертальца нет ясно выраженной

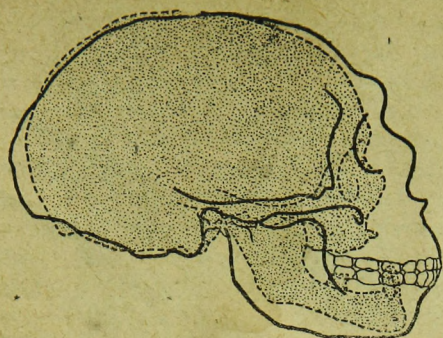

Рис. 34. Череп неандертальца (сплошная линия) на фоне черепа современного человека.

сводообразной изогнутости, типичной для современного человека. Стопа неандертальца довольно плоска и не так хорошо приспособлена к вертикальному хождению, как у нас. Следовательно, походка неандертальца была довольно неуклюжей, хотя и уверенной, в ней отсутствовала легкость, увертливость и быстрота движений.

Сочленения костей руки также указывает на некоторые примитивные особенности строения, на некоторые обезьяньи черты, выражающиеся в большей ограниченности движений большого пальца и предплечья.

Но самые характерные особенности мы встречаем в черепе. Некоторые из этих особенностей — надбровные дуги и покатый лоб — были отмечены и правильно оценены уже Фюльротом, исследовавшим впервые найденную черепную крышку неандертальца.

При сопоставлении неандертальских черепов с черепами современных человеческих рас (рис. 34) раньше всего бросается в глаза разница в развитии лицевых частей. У первобытника они сильно развиты и значительно выступают вперед. Развитие лицевых частей делало лицо неандертальца животноподобным — оно во многом напоминало «морду», недаром Клаач даже говорит о «человеческой морде». Подобное впечатление еще более усиливалось «козырьком» надбровных дуг, нависавших над глазничными впадинами, как бы значительно углубляя их. Под таким «козырьком» лицо приобретало звериное выражение, тем более что он почти совершенно скрывал за собой узкий и покатый лоб. Но это не все. Как мы уже указали, некоторая примитивность замечается также и в строении нижней челюсти. По массивности и отсутствию подбородочного выступа она занимает среднее положение между гейдельбергской челюстью и челюстью современного человека.

Важной особенностью в черепе первобытника является положение затылочного отверстия. Оно расположено не у самого основания черепа, как у современного человека, а немного назад и вверх, т. е. почти так же, как и у человекообразных обезьян. При таком положении затылочного отверстия череп первобытника не сбалансирован на позвоночном столбе, тем более что последний изогнут вперед. Как и у обезьян, тяжелая, падающая на грудь голова неандертальца требовала для своего уравнивания постоянного мускульного напряжения. Поэтому-то мы и находим у неандертальца значительное развитие остистых отростков шейных позвонков, к которым, как мы знаем, прикрепляется затылочная мускулатура, удерживающая голову. И величина остистых отростков и направление их явно «обезьяньего» типа.

И все же, несмотря на ряд «обезьяньих», признаков, первобытник обладает явно человеческим объемом черепа. При низком, узком и покато лбе объем его черепа (свыше 1 500 кубических сантиметров) даже больше среднего объема черепа современных европейцев, что объясняется сильной удлинненностью неандертальских черепов.

Сопоставление черепной крышки питекантропа, синантропа, неандертальца и современного человека с достаточной наглядностью иллюстрирует процесс постепенного «очеловечивания», постепенного увеличения объема черепа. И мы знаем, что геологический возраст питекантропа, синантропа и неандертальца вполне соответствует этапам этого очеловечивания. Самый древний — питекантроп, немного моложе — синантроп, а неандерталец — современник мамонта — наиболее близок нашей современности.

Неандерталец — человек, но не совсем современный. Он не добрался еще до ступеньки «человека разумного», в нем есть еще много обезьяньего. Его руки еще не владеют тем многообразием сложных движений, которое, по словам Энгельса, дает возможность «как бы силой волшебства вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини»¹.

Но этот примитивный и обезьяноподобный пожиратель мамонтов и пещерных медведей сумел пережить тяжелое время ледникового периода. Его спасло то, что в своей человечности он поднялся на более высокую ступень, о чем говорят его орудия и другие «летописные записи», сохранившиеся в пещерах — местах его обитания.

¹ Энгельс, Диалектика природы. Партиздат, 1932 г., статья «Роль труда в процессе очеловечивания обезьяны».

9. Орудия и быт неандертальца

Человек не отступил перед наступившим оледенением. Он не покинул Европы. Он даже не отошел далеко к югу вместе с другими животными.

Низкорослый, вечно сутулый, с несколько подогнутыми коленками, с непомерно тяжелой головой, всегда немного склоненной на грудь, с «человечьей мордой» и с глазами маленькими и хмурыми под тенью надбровных дуг, — неандерталец победил природу, потому что он был человек, он был «особой силой природы».

По долинам, вдоль рек он начал заселять пещеры, изгоняя из них пещерных медведей и пещерных гиен. В пещерах он всегда располагался недалеко от входа, чтобы была достаточная тяга для его костра. Костер пылал ярко и жарко, о чем говорят огромные кучи золы и угля и груды обожженных сильным жаром костей крупных животных. Человек, наверно, уже умел добывать огонь и знал все тонкости его. Огонь спасал от холода, от сырости пещеры, от опасных хищников, от страшной тьмы ночей, грозившей неожиданными опасностями.

На костре жарилась добыча, — возможно, что целой тушей, — а вокруг сидело все население пещеры, весь коллектив. Людей в пещере бывало много, о чем говорят крупные очаги в пещерах и огромная масса кухонных отбросов. Кухонные отбросы — это сохранившееся меню стола неандертальца. Правда, не полное меню, так как многие из его даже обычных блюд ни в каком виде не могли дойти до нас. Совершенно не сохранилась вегетарианская часть этого меню, а безусловно она играла немалую роль в его жизни. Состав мясной пищи известен полней. Первобытник изводил немало мелкой дичи. Но поражает как раз большое количество обугленных остатков костей мамонтов, шерстистых носорогов и пещерных медведей — гигантов ледникового периода. Его лакомым блюдом был костный мозг: ни одна мозговая кость не найдена целой: все расколоты вдоль, а инomногих заметны следы ударов кремневыми орудиями, а иногда даже и самое орудие находят застрявшим в кости — так велика была сила удара.

Первобытник, очевидно, был неплохим охотником. И все же приходится удивляться, как невзрачный и неказистый неандерталец со своим примитивным вооружением мог справляться с мамонтом и подобной «дичью». Это заставляет нас предполагать, что неандерталец был довольно изощренным охотником. Должно быть, он пользовался ловчими ямами, ловушками и еще чем-либо подобным. Но для этого

нужен хорошо согласованный, организованный коллектив, многорукий и многоголовый общественный труд. Нужны и соответствующие орудия.

Каменные орудия неандертальца (рис. 35) еще совершеннее ашельских. Раньше всего более совершенен принцип их обработки. Орудия неандертальца создаются не обтесыванием, а из отщепов, откалывавшихся от больших камней сильными ударами отбойника. Отщепы тонки и с хорошими режущими краями. В дальнейшем они требуют лишь сравнительно небольшой «ретуши». Подобная так называемая сколотая техника обработки орудий, при меньшей затрате труда, дает орудия более легкие, более удобные и более острые. Им легче придавать желаемую форму, их легче дифференцировать. Недаром формы некоторых орудий, перенятые от ашельской культуры, например ручной ударник, постепенно исчезли, заменившись новыми, лучшими.

Довольно полная и типичная «индустрия» неандертальца была открыта в пещере Ле-Мустье, ввиду чего и говорят о мустьерской культуре, о мустьерской индустрии. Мустьерские орудия найдены вообще во многих местах Европы и во внеевропейских странах. Орудия, встречающиеся вместе с костями неандертальца, всегда принадлежат к мустьерскому типу. Самая пока что древняя находка первобытника с его орудиями — это находка в Крапине (конец межледниковой эпохи). И как раз индустрия крапинского человека сближает типичные орудия мустьерского типа с предшествующей индустрией ашельской эпохи. Отсюда мы можем сделать важный вывод, что мустьерская индустрия есть продолжение ашельской.

Говоря об орудиях каменного века, нам следует помнить, что в жизни людей этой эпохи большую роль играли орудия из дерева, которые не могли сохраниться в ископаемом виде. Вне всякого сомнения у неандертальца эти орудия из дерева также дифференцировались на целый ряд орудий. Помимо крепкой дубинки с тяжелым, сучковатым концом, которой, наверно, пользовался уже синантроп, а может быть и питекантроп, неандерталец безусловно использовал еще и заостренную палку. Палка же использовывалась им как рукоятка для многих каменных орудий, о чем говорит сама форма орудий. Целый ряд каменных орудий неандертальца являются, очевидно, инструментами для обработки дерева. Судя по этим орудиям, техника обработки дерева стояла довольно высоко.

Вооруженный значительным ассортиментом орудий, жив-

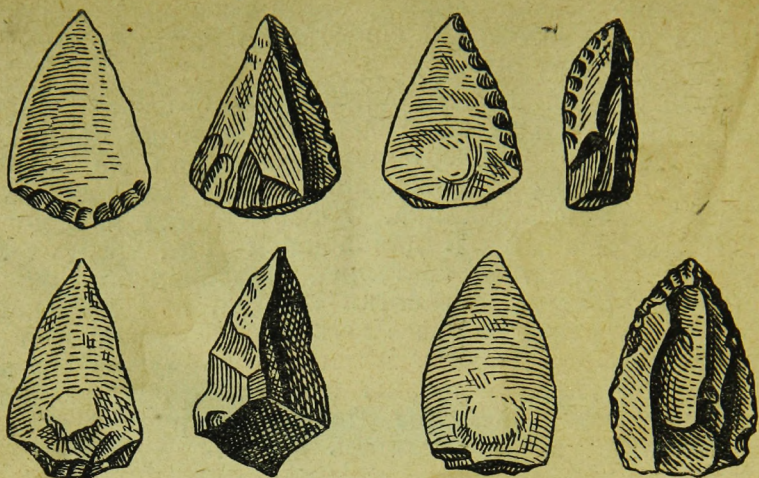

Рис. 35. Орудия неандертальца.

ший в спаянном, довольно большом коллективе, неандерталец мог достигнуть многого в борьбе за жизнь.

Практика неандертальца требовала четкой согласованности действий членов коллектива, возможной только при сознательном общении между ними. И если у человека ашельского периода речь могла ограничиться более или менее богатым языком жестов, то сложный, дифференцированный труд неандертальца требовал несомненно уже зарождения звуковой речи.

Трудовая практика и речевое общение между членами коллектива впервые начали выковывать в мозгу неандертальца отчетливые мысли и понятия. Он начал абстрактно мыслить, оставаясь вместе с тем грубым реалистом. Богатый опыт его охотничьей жизни, смерть сотоварищей на длительных стоянках натолкнули его на проблему живого и мертвого. Сны — свои и чужие — быть может, привели его к мысли, что жизнь двойственна: есть тело и еще что-то. Он привык все овеществлять. Так наряду с телом появилась и душа.

Его хозяйственная деятельность заставила его впервые осознать себя как создателя и творца. Он приписал функцию деятельности, творчества душе, так как мертвое тело неподвижно и бездеятельно. Он испытывал страх перед неожиданными, грозными явлениями природы, он видел таинственную деятельность в ней — и он одухотворил всю природу.

Позже, когда в орде выделится вождь, властный над жизнью и смертью ее рядовых членов, первобытник перенесет земную иерархию в мир духов — он станет почитать и умилять самых сильных и грозных из них — духов «вождей» грозных явлений природы и духов покойных вождей орды. Так родится религия.

В мировоззрении первобытника дух вещественен, реален, он нуждается в одежде, пище, орудиях. Поэтому дух, покидающий тело, требует забот. Отсюда и ритуальные обряды погребения.

10. Расы человека

Прошло оледенение. Климат, еще довольно холодный, стал суше. Ледники отступили, но полоса тундр оставалась широкой. Местами вновь появился лес. Рождались обширные степные пространства. Буйные ветры вновь несли с собой тучи песка и пыли, и во многих местах начали отлагаться толщи лёсса.

Тогда животные тундр столкнулись с лесными животными, и с ними смешались пришедшие из Азии обитатели степей — дикая лошадь, дикий осел, а впоследствии и антилопа — сайга. Создались такие условия, что во многих местах три различных фауны — тундры, лесов и степей — как бы сожительствова­ли вместе на сравнительно небольшой территории. Мамонт и шерстистый носорог прижились на прежних местах своего обитания, но к ним прибавился еще северный олень, который надолго стал как бы господствующей формой, — недаром говорится об «эпохе северного оленя».

В этот период мы находим в Европе прославленного «охотника за северными оленями», охотника, для которого охота была основой его жизни, — к ней при­норавливались все его орудия и весь его быт. Много красноречивых следов оставил после себя этот охотник древнекаменного века. Он тоже был троглодитом. Но более сухой климат нередко давал ему возможность жить на открытых стоянках, подобно его древним предшественникам из эпохи ашельской культуры.

Эти охотники создали целый ряд постепенно совершенствующихся культур древнего каменного века, которые вплотную подходят к веку полированных орудий, т. е. к ближайшим доисторическим временам. Древность нашего охотника определяется примерно в 50 тысяч лет.

Неандерталец, широко распространенный по земной поверхности, везде сохранял в основном свои типичные осо-

бенности. Но все же некоторые различия мы находим и в черепах неандертальцев, что дает нам право говорить о «расах» человека. Еще более отчетливо расовые подразделения выступают у современников «эпохи северных оленей». Даже на сравнительно небольшой территории Западной Европы, давшей нам огромное количество ископаемых остатков человека этого периода, мы встречаемся с большой пестротой антропологических особенностей. Одна из рас, сыгравшая большую роль на протяжении всей «эпохи северных оленей», носит название кроманьонской расы (по первой находке, сделанной во Франции в долине реки Везеры близ деревни Кро-Маньон). В гроте, случайно открытом во время прокладки дороги, найдены были хорошо сохранившиеся скелеты старика, женщины с явными следами ранения на лбу, двух юношей и остатки детских скелетов. Вместе с скелетами оказались каменные орудия так называемой ориньякской эпохи, о которой речь будет дальше, а также много просверленных раковин, безусловно служивших украшениями (ожерелья). Важно отметить, что все раковины принадлежали морским формам, обитающим на французском побережье Атлантического океана, что говорит о далеких переходах людей или, может быть, даже об обмене. Из животных найдены остатки мамонта, гигантского медведя, северного оленя, дикой лошади, волка, лисицы, мелких грызунов и др.

Кроманьонцы были высокорослы — около 180 сантиметров. Их длинноголовые, очень объемистые (свыше 1500 кубических сантиметров) черепа обладали всеми характерными признаками современного «человека разумного» (рис. 36).

Широкий и круто поднимающийся лоб, слабое, почти незаметное развитие надбровных дуг, нижняя челюсть с резко выраженным подбородочным выступом, носовые косточки, говорящие об орлином профиле носа, — все это признаки, вполне уместающиеся в тип современного человека. Этими признаками мог бы гордиться любой самый «чистокровный ариец». Только у кроманьонца, наряду с этим, было короткое, широкое, скуластое лицо и пропорции конечностей, напоминающие негров.

Тип кроманьонца был подтвержден целым рядом других находок, из которых очень важными оказались находки в так назыв. гротах Гримальди (Гхарма-Гранде), близ города Ментоны, расположенных в самом живописном уголке Средиземного моря. Вместе с остатками пещерного медведя, шерстистого носорога, дикой лошади, северного оленя и других животных, вместе с орудиями так наз. ориньякской эпохи в этих гротах найдено много погребений кроманьонского

Рис. 36. Череп кроманьонца из Комб-Капель.

человека. Обычно голова и ноги покойника были защищены каменными плитами, поддерживаемые по бокам каменными же подпорками. В более древних погребениях скелеты находили спокойно лежащими на спине, с вытянутыми ногами и с руками согнутыми так, что кисти почти касались подбородка. У скелетов более новых находок согнутые ноги были плотно прижаты к туловищу, а руки — к лицу или груди, что заставляет предполагать, что конечности трупа были крепко привязаны, как бы забинтованы. У некоторых современных малокультурных народностей мы и теперь встречаем подобный способ погребения. В большинстве случаев скелеты, а также и самая могила, была окрашены в яркокрасный цвет. Окраска сделана кровавиком¹, которым густо посыпали могилу и, по всей вероятности, окрашивали и самый труп. В одном случае найденный скелет даже лежал на специально посыпанном слое мелкоизмельченного кровавика.

Почти со всеми скелетами найдены украшения в виде различных — иногда очень искусно и изящно составленных — ожерелий из просверленных раковин, а изредка и из зубов оленя, костяных подвесок и рыбьих позвонков. Все говорит о сложном ритуале погребения, вероятно, уже связанного со специальным культом.

Кроманьонский человек из гротов Гримальди был очень высокорослым. Все найденные мужские скелеты обладали ростом свыше 180 сантиметров, а два скелета (один из так называемого грота Детей, а другой из грота Барма-Гранде) достигали высоты 194 и 193 сантиметров.

К концу древнего каменного века, в эпоху так называемой мадленской культуры, кроманьонский человек утерял высокорослость своих предков. По скелетам этой эпохи, най-

¹ Кровавик — одна из естественных минеральных красок.

денным во Франции и Германии, средний рост мужчины определяется в 160 сантиметров, что заставило многих антропологов даже говорить о вырождении кроманьонца, хотя остальные характерные особенности кроманьонца имеются налицо. Тем важнее отметить, что именно с этим «вырождающимся» кроманьонцем связан исключительный расцвет искусства мадленской эпохи и высокая техника изготовления орудий из рога и кости.

По наряду с кроманьонцем на территории Западной Европы обитали и другие расы. Одной из них, имевшей, как видно, довольно значительное распространение в Европе, была так называемая брюнн-пршедмостская раса, остатки которой найдены близ города Брюгеа в Богемии и около городов Брюнна Пршедмоста в Моравии.

Особенностью брюнн-пршедмостской расы является ее крайняя длинноголовость (головной показатель около 70) при длинном и узком лице (рис. 37). Также бросается в глаза покатый лоб и сильное развитие надбровных дуг, но не слитых в сплошной надбровный валик, как у неандертальца. В Брюнне находки сделаны в толщах лёсса с остатками мамонта и шерстистого носорога. А в Пршедмосте мы наблюдаем самую смешанную фауну, говорящую о том, что эта местность являлась настоящим охотничьим раем. Найденные здесь остатки мамонтов принадлежат не меньше чем девятистам особям. Много остатков северного оленя, дикой лошади, песца, волка. В более скромных количествах найдены остатки пещерной гиены, бурого медведя, зубра, благородного оленя, лося и антилопы — сайги, этого типичного жителя современных азиатских степей. По всему видно, что стоянка в Пршедмосте была очень долго обитаема и густо населена.

Несмотря на явные расовые различия, мы наблюдаем здесь тот же способ погребения, что и у кроманьонцев ориньякской эпохи. Могила и сам покойник со своим полным убранством и украшениями посыпались кровавиком, отчего скелет, камни и даже ложе могилы впоследствии окрасились в кроваво-красный цвет. Найденные орудия более вершенны, чем орудия кроманьонца ориньякской культуры.

Вместе с тем как раз на заре ориньякской культуры в Европе обитала еще одна раса, остатки которой найдены в одном из гротов Гримальди — в так называемом Детском гроте. В культурном слое, лежащем над слоем с остатками орудий мустьерской эпохи (неандертальца!) и на 0,6 метра, ниже того слоя, где был найден типичный скелет кроманьонца, были открыты скелет женщины среднего возраста и

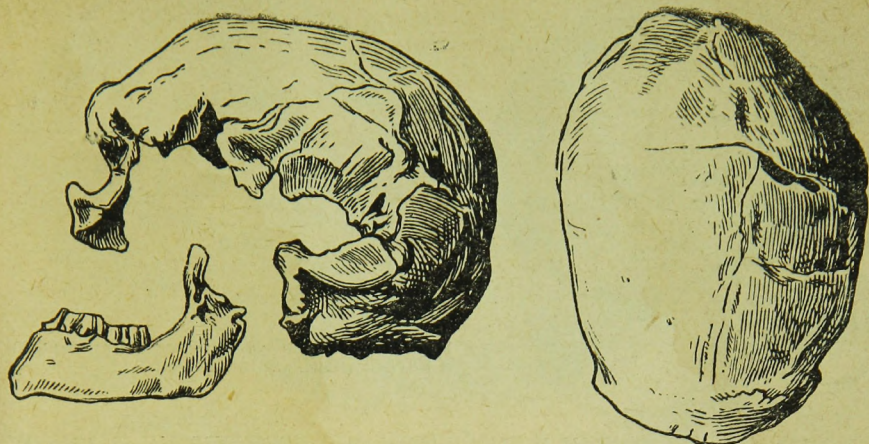

Рис. 37. Остатки черепа Брюнн-Пршедомской расы: а—в профиль, б—сверху

скелет юноши (рис. 38). Выступающие вперед лицевые части черепа, ясно выраженный прогнатизм и некоторые другие особенности в строении черепа и всего скелета носили явно негроидный характер. Это и заставило рассматривать находку в Детском гроте как находку представителей особой расы, которую называли «раса Гримальди». Пока это единственная находка, и ввиду этого нельзя сказать ничего определенного о распространении негроидной расы Гримальди. Заведомо ясно только, что наряду с кроманьонцем и брюнн-пршедомским человеком во время верхнего палеолита существовала и раса с негроидными признаками. Позднее в Европе появились еще новые расы. Замечательно то, что с ними мы можем познакомиться по одной и той же находке в пещере Офнет в Баварии. В одном из ее культурных слоев разрыты две круглых могилы с черепами, помещенными в охру. В одной из могил найдено 27, а в другой 6 черепов, главным образом женских и детских. Все черепа были обращены лицом к западу. Все трупы, за исключением мужских, были богато украшены ожерельями из просверленных раковин и зубов оленя, а одна детская голова была, видимо, покрыта чепчиком, составленным из нескольких сот плотно прилегающих друг к другу раковин. Вне всякого сомнения, мы имеем дело с особым видом погребения, которое у некоторых народностей встречается еще и теперь. Головы рассматриваются какместилища души, им приписывается магическая сила. Поэтому у мертвеца отрезается голова и хоронится отдельно, тогда как остальная часть тела обычно

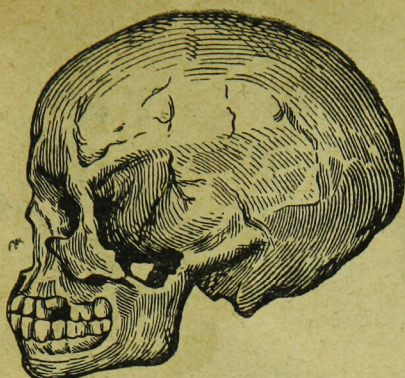

Рис. 38. Череп юноши расы Гримальди с негроидными признаками.

сжигается. С подобным погребением мы повидимому и имеем дело в пещере Оффнет.

Удивительным в оффнетской находке является то, что с ней рядом находятся черепа с крайне различными расовыми признаками (рис. 39 и 40). Длинноголовые черепа из оффнетской пещеры имеют много общего с черепами современной средиземноморской расы, тогда как найденные там же широкоголовые черепа близки к альпийской расе. В тех же могилах найдены черепа со смешанными признаками.

Наличие длинноголовых и широкоголовых рас оффнетского типа подтверждено находками и в других местах Западной Европы.

О чем говорят изложенные факты? Они убеждают нас в том, что морфологически (по внешним признакам) единое человечество крайне изменчиво. Эту изменчивость можно проследить уже на черепах неандертальской стадии развития человека. В то же время ископаемые костные находки полностью опровергают домыслы расовиков о наличии у людей чистых рас, резко разграниченных друг от друга. Разнорасовые черепа из оффнетских могильников дают наглядную картину общения и смешения разнорасового населения Европы еще за много тысячелетий до нашего времени. Побудителем для этого были конечно общие для разных расовых групп экономические интересы, которые на всех ступенях развития человека направляли общественное развитие.

11. Культура вымершего «разумника»

Какова же была культура вымершего «разумника», пришедшего в Европу, пожалуй, еще в то время, когда в ней обитал неандерталец?

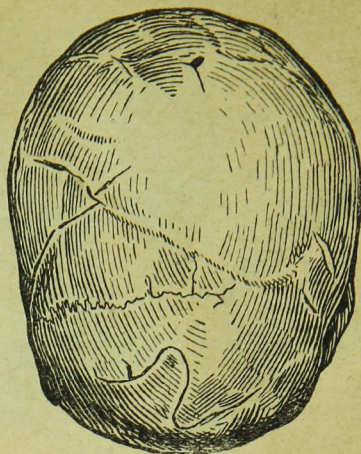
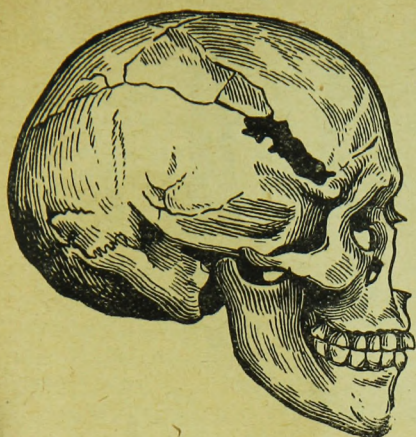

Рис. 39 Длинноголовый череп из Офнет.

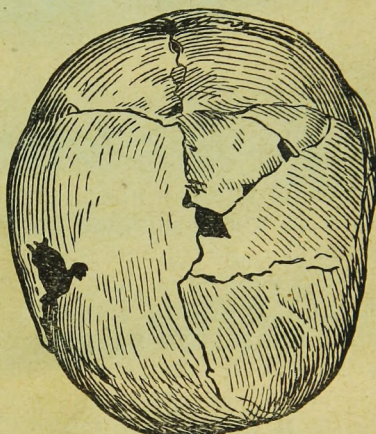
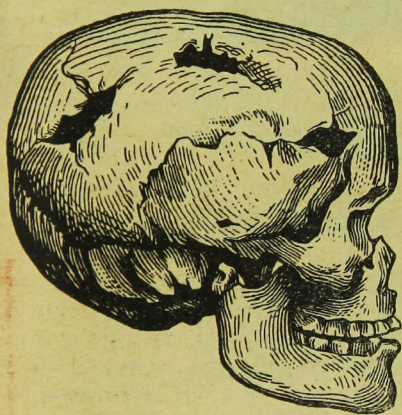

Рис. 40. Короткоголовый череп из Офнет.

Культура «разумника» проделала довольно значительную эволюцию. Вначале в обработке каменных орудий мы замечаем ту же сколотую технику, что и у неандертальцев. Орудия готовились из отобранных тонких отщепов. Но им придавалась еще более правильная форма, и постепенно они стали изготавливаться с все большей и большей тщательностью. Уже на этих первых стадиях верхнего палеолита, на стадии так называемой орианкской культуры (по находкам близ города Ориньяк во Франции), замечается большая дифференци-

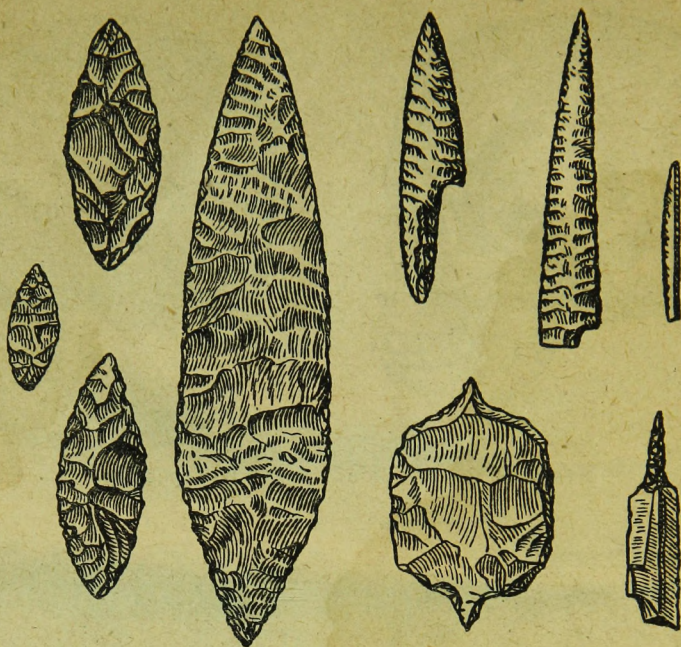

Рис. 41. Орудия салютрейской эпохи.

ровка орудий — ножи, скребки, проколки, резцы. Впервые появляются каменные наконечники для копий и изделия из кости в виде наконечников для дротиков и копий.

В дальнейшую эпоху (солотрейскую) обработка каменных орудий достигла наибольшего совершенства (рис. 41). Орудиям придавали мастерски законченные формы, и они поражают своей легкостью, изяществом, тонкостью и тщательностью обработки. Особого совершенства достигают орудия охоты и обработки шкур. Наконечники для копий приобретают особую выемку для прикрепления к деревянному древку. Шила, проколки и другие мелкие кремневые инструменты говорят о том, что уже имело место шитье одежды из шкур.

Наконец в так называемую мадленскую эпоху каменные орудия начинают отступать на задний план и постепенно заменяются орудиями из рога и кости, доставляемыми охотой (рис. 42). При этом широко использовались рога и кости северного оленя и бивни мамонта. Для обработки рога и кости создавалось множество совершенных каменных резцов различной формы и величины, начиная от крупных до чрезвычайно мелких. Из рога и кости изготовлялись наконечники

нечники для копий, ножи, проколки, шила, даже иголки с ушком, крючки для рыбной ловли и многое другое. Впервые появляются костяные гарпуны, ставшие впоследствии главным орудием охоты. Вначале они делались с одним рядом зубьев, а затем с двумя.

На протяжении всех указанных эпох наряду с остатками орудий во множестве попадаются остатки искусства. Украшение тела и одежды стало обычным явлением; помимо всевозможных ожерелий, для украшения тела, вне всякого сомнения, применялась татуировка и раскраска различными цветными глинами и естественными красками (коровяк, охра). Нередко применялась резьба и гравировка. Резные изображения мы встречаем на многих предметах обихода. В крупном виде мы находим их на стенах обитаемых пещер. Там же попадают и рельефные изображения. Рельефную

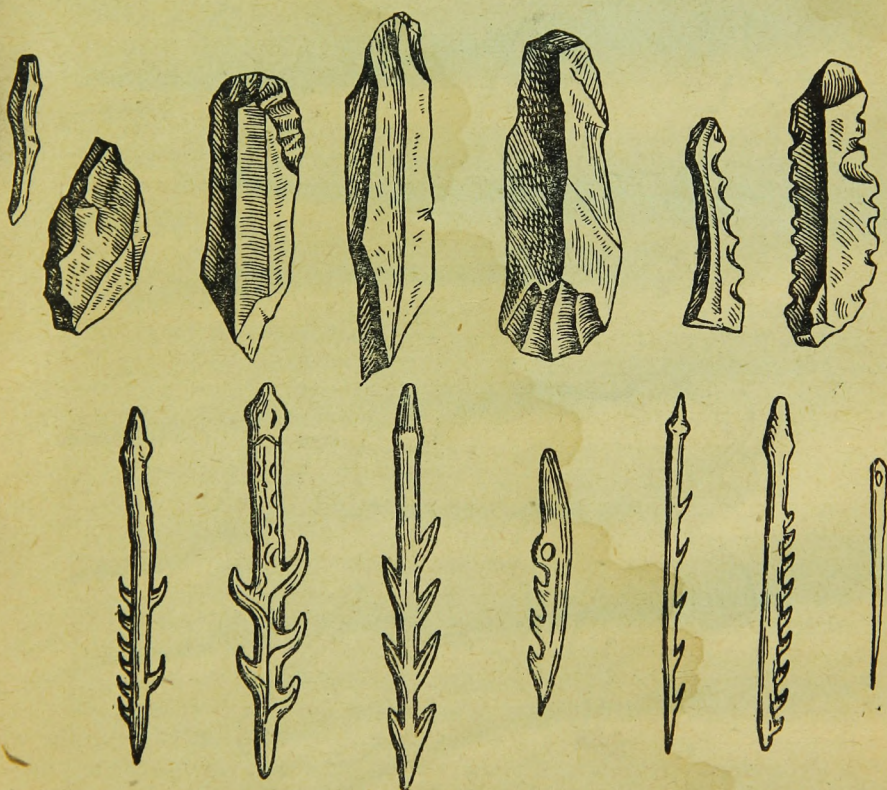
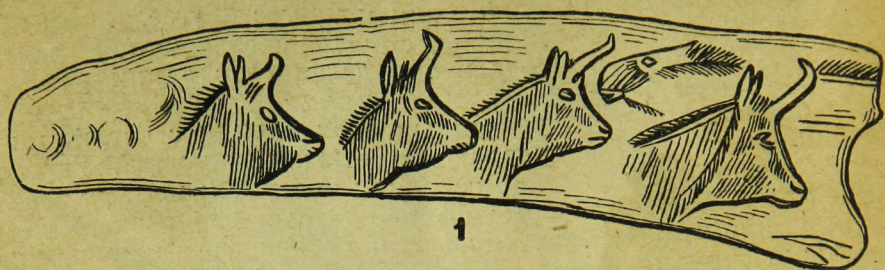
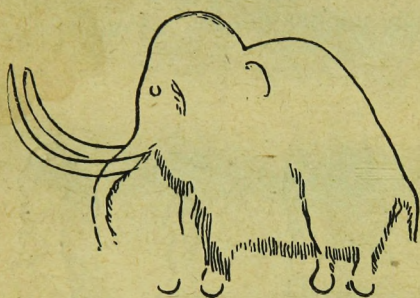

Рис. 42. Орудия мадленской эпохи: а) из камня, б) из рога и кости.

1

2

3

4

Рис. 43. Рисунки мадленской эпохи.

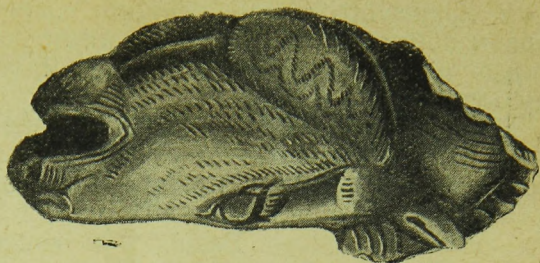

Рис. 43-а. Голова дикой лошади, вырезанная из кости.

пластику находим мы и во многих работах из рога и кости. Особого расцвета искусство достигло в мадленскую эпоху. На стенах многих пещер Франции и Испании мадленский кроманьонец оставил нам прекрасные резные, а затем еще покрашенные изображения (рис. 43 и 43а). Он же оставил немало резных работ из рога и кости, выполненных с исключительным мастерством.

Основным мотивом всего искусства верхнего палеолита были охотничьи животные — зубр, мамонт, северный олень, дикая лошадь, кабан, бизон. Они изображались мчащимися и спокойно пасущимися, в одиночку и стадами, ранеными и умирающими. Животные передаются с поражающим мастерством и правдивостью. Художники-охотники знали свою дичь, знали до мельчайших деталей ее строение и поведение.

Изучение современных малокультурных народностей заставляет думать, что в этом искусстве было нечто ритуальное. Рисунки животных на стенах пещер делались не для приятного времяпрепровождения и эстетического наслаждения. Это рисунок-закливание, священный рисунок. Охотники верили, что в них заключается чудодейственная сила, заставляющая нарисованное животное плодиться во множестве, давая обильную добычу. Рисунок отдавал животное во власть охотничьей общины, рода, племени. И искусство было общественным актом. Изображения рисовались и вырезались в глубине пещер, по стенам, на полу и потолке и часто там, где их не мог видеть человеческий глаз, куда проникал лишь старейшина, шаман, а может быть, уже и жрец. Рисунками такого же магического значения усеивались отдельные предметы обихода; орудия и украшения таким образом превращались в талисманы, приносящие удачу в охоте. Это показывает нам, что идеология палеолитических охотников была сложна. Об этом же говорят и погребения, связанные с сложными представлениями о загробной жизни. Более чем вероятно, что они населили уже природу богами, и сравнительно часто встречающиеся скульптурные изображе-

ния, преимущественно женщин, обычно вырезанные из слоновой кости, являются маленькими домашними идолами, которые мы так часто встречаем у многих современных малокультурных народностей.

Дифференцировка и высокое совершенство орудий труда говорят о довольно сложной общественной жизни человека верхнего палеолита. При подобных орудиях в прекрасных для охоты условиях Европы он мог жить и жил довольно большими группами. Разделение общественного труда глубоко понижало весь трудовой коллектив, и впервые создавалась необходимость в выделении старейших, вождей, может быть и жрецов. Сложная трудовая деятельность все более многогранными связями связывала людей друг с другом, и язык их совершенствовался.

Словом, все, что мы знаем о вымершем «разумнике» Европы, с полной очевидностью говорит о том, что не только по особенностям своего строения, а и по своей культуре он должен быть полностью включен в семью современного человека. Еще во времена мамонта и северного оленя его культура проделала длительную эволюцию, достигнув ступеней даже более высоких, чем у некоторых народов современности. И мы видели, что достижения были достоянием и результатом творческой деятельности различных рас — короткоголовых и длинноголовых, широколицых и узколицых, высокорослых и низкорослых. Почти все они, пожалуй, на равных началах участвовали в создании расового состава будущей Европы. Каждая из этих рас одинаково вкладывала свою лепту в общее культурное развитие Европы, пока на дальнейших ступенях исторического развития человечества не образовались мощные культуры оседлых народностей, к которым и перешла ведущая роль.

VI. Родословное дерево человека

1. Родословное дерево как оно есть

Итак, через целый ряд ископаемых и вымерших предков мы добрались до человека «разумного». Мы просмотрели историю человека на протяжении миллиона лет. И приблизились ли мы теперь к решению вопроса о происхождении человека? Можем ли мы построить его родословное дерево?

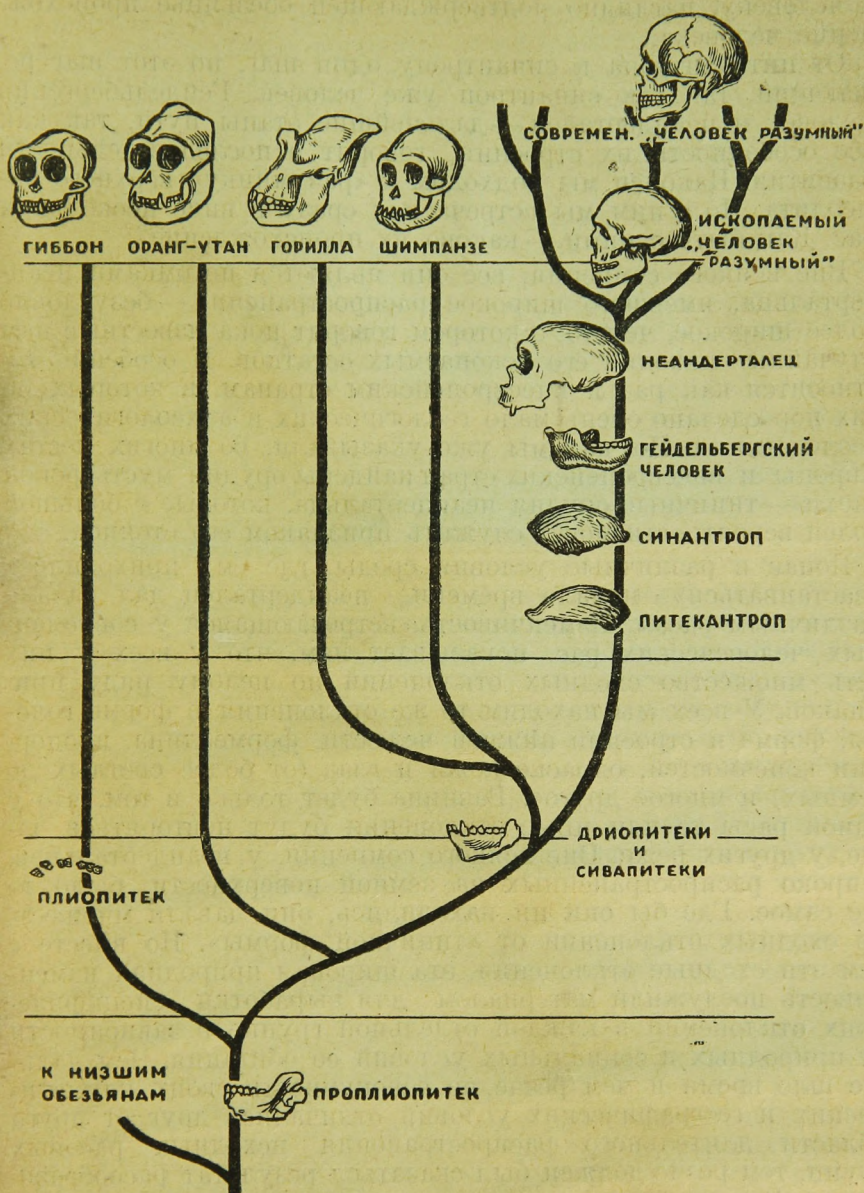
Как раз для выяснения второго вопроса нам придется проникнуть в земную кору еще глубже и познакомиться с ее историей, уходящей еще дальше назад, за пределы четвертичного периода. Четвертичному периоду предшествовал так называемый третичный период, который длился многие миллионы лет. Третичный и четвертичный периоды образуют вместе так называемую кайнозойскую эру, что в переводе с греческого означает «новая жизнь». Речь идет о новой жизни потому, что, в отличие от предшествующих эр и периодов, в кайнозойе мы впервые сталкиваемся с господствующим преобладанием млекопитающих животных, начинаясь до наших дней. И по отношению к современным (самым новым) формам и проведено подразделение третичного периода на пять эпох: первая — палеоцен (что означает «древне-новое»), вторая — эоцен («заря новой жизни»), третья — олигоцен («немного нового»), четвертая — миоцен («мало нового») и пятая — плиоцен («больше нового»). В начале третичного периода жили многие вымершие животные, которые могут рассматриваться как исходные формы различных групп современного животного мира. В эоцене мы впервые встречаем остатки небольшого животного, которое по всем своим признакам должно считаться прародительской формой всех обезьян. Но ясно выраженных обезьяньих черт у него еще нет и, тем более, нет признаков высших, или человекообразных обезьян. В олигоцене старого света найдены остатки нескольких обезьян, представляющих собою неспециализированные и как бы сборные формы, от которых могли взять начало и низшие и высшие обезьяны. Из этих форм для нас особенно интересен проплиопитек из олигоцена

Египта. Это была маленькая обезьяна с сравнительно слабо развитой нижней челюстью и с клыками, едва выступавшими над другими зубами. Число и расположение зубов в челюсти, как и некоторые другие особенности, заставляют признать в этой форме родоначальника ветви и человека и высших обезьян. Найденный в миоцене Западной Европы плиопитек, обладая чертами сходства с проплиопитеком, вместе с тем уже является вполне ясно выраженным гиббоном. От плиопитеков и ведут свое начало современные гиббоны. В миоцене же Западной Европы были найдены нижние челюсти и зубы крупных человекообразных обезьян — дриопитеков. Впоследствии дриопитеки и близкие к ним формы — сивалитеки — были вырыты и в знаменитых в геологии Сиваликских холмах, расположенных на южном склоне Гималайских гор и представляющих собою третичные отложения. Изучение всех этих форм показало, что в эпохи миоцена и плиоцена Азия была чрезвычайно богата разнообразными человекообразными обезьянами. Некоторые из них выказывали большую близость к горилле, другие к шимпанзе, а третьи обладали признаками, явно сближающими их с человеком. Эта-то многоформенная группа дриопитеков — сивалитеков и послужила исходным пунктом для современных горилл, шимпанзе и человека. В миоцене же были найдены зубы человекообразной обезьяны, названной палеосимией (что значит «древний оранг»), которая представляет собою уже вполне специализированную форму, ведущую к орангу.

Итак, в миоцене и плиоцене найдена родоначальная малоспециализированная группа человекообразных обезьян, которая является как раз исходной и для человека. От этой группы и пошло расхождение в двух направлениях, объясняющее нам сходства и различия между человеком и человекообразными обезьянами.

Таким образом имеющихся в нашем распоряжении данных достаточно для того, чтобы основной вывод дарвинизма по отношению к человеку считать обоснованным. Человек произошел от вымершей человекообразной обезьяны, он отделился от общей исходной формы с современными человекообразными обезьянами. Причем оранг и гиббон являются рано отколовшимися ветвями, недаром они и отстоят от человека дальше шимпанзе и гориллы.

Что же касается дальнейшего развития человека, то все важнейшие из имеющихся фактических данных нам уже известны. Начиная с раннего четвертичного питекантропа, мы просмотрели весь ряд наших вымерших предков. Именно питекантроп является одной из ясно выраженных переходных

Родословное дерево человека.

форм от обезьяны (из группы дриопитеков — сивапитеков) к человеку, наглядно подтверждающей обезьянье происхождение человека.

От питекантропа к синантропу один шаг, но этот шаг решающий, так как синантроп уже человек. Гейдельбергский человек и неандерталец — дальнейшие этапы пути, так как все особенности их строения говорят о последовательности развития. Наконец мы подходим к «разумнику» верхнего палеолита. Но с ним мы встречаемся сразу в виде нескольких рас. Как быть с ними — каково их происхождение?

Вне всякого сомнения, все они являются потомками неандертальца, имевшего широкое распространение — безусловно более широкое, чем то, о котором говорят пока известные нам случайные находки его ископаемых остатков. И особенно это относится как раз к внеевропейским странам, в которых до сих пор сделано очень мало геологических и археологических исследований. Но, как мы уже указывали, во многих местах Европы и внеевропейских стран найдены орудия мустьерской эпохи — типичные орудия неандертальца, которые с большой долей вероятности могут служить признаком его стоянок.

Попав в различные условия среды, где ему приходилось «заставляться» немало времени, неандерталец дал начало различным расам. Изменчивость, встречающаяся у современных человеческих рас, показывает нам, что у всех у них есть множество сходных отклонений по целому ряду признаков. У всех мы находим те же отклонения в форме головы, форме и строении нижней челюсти, форме лица, пропорции конечностей, окраске кожи и глаз (от более светлых до темных) и многое другое. Разница будет только в том, что у одной расы те или иные отклонения будут повторяться чаще, у других реже. Вне всякого сомнения, у неандертальцев широко распространенных на земной поверхности, было то же самое. Где бы они ни находились, они давали множество сходных отклонений от «типичной формы». Но вместе с тем эти сходные отклонения, эта широкая природная изменчивость послужили материалом для выработки специфических отклонений в каждой отдельной группе в зависимости от природных и социальных условий ее обитания. Чем дальше шло время и чем резче по совокупности своих климатических и географических условий отличались друг от друга области длительного распространения исходных расовых групп, тем резче должен был сказаться результат расообразования. Это очень ясно заметно уже на родезийском черепе, который как будто моложе всех остальных находок. Но при этой пестроте сходных отклонений и специфических различий

все образовавшиеся расы должны были одинаково вырабатывать в себе и общие основные всечеловеческие особенности. Ибо основным условием всякого человеческого существования является общественный труд и требования, предъявляемые им, создавали в основном общее у различных человеческих рас.

Общим для всех этих первых рас, выработавшихся в различных местах земной поверхности из широко распространенного неандертальца, были признаки, ставящие их в ряд человека «разумного». Расовые же различия, являющиеся чисто внешними различиями, говорят о том, что нельзя даже ставить вопрос — выше или ниже одна раса другой.

Подводя итоги, мы должны констатировать, что многие вопросы, особенно вопросы расообразования, к сожалению, не могут быть пока что освещены с исчерпывающей полнотой. Для этого нам нехватает «архивных» материалов. Они хранятся, вероятно, в тех уголках земли, которые меньше всего подвергаются систематическим и тщательным исследованиям. Но, как видим, несмотря на все эти недочеты и пропуски в наших знаниях, мы должны с полной категоричностью считать установленными как животное происхождение человека, связь и родство его с современными человекообразными обезьянами, так и путь очеловечения вымершей человекообразной обезьяны. Этот путь очеловечивания хорошо известен нам на значительном отрезке — от питекантропа до «человека разумного». И этот отрезок категорически убеждает нас в единстве происхождения всех человеческих рас. Нет никаких научных палеонтологических фактов, которые могли бы служить хотя бы тенью обоснования для теории различного происхождения и неравноценности человеческих рас.

И в отношении творческой одаренности тех или иных рас археология и палеонтология также дают нам исчерпывающий ответ. Мы видели, что в создании культуры верхнего палеолита все расы оказались вполне равноценными участниками. Мало этого, мы знаем, что высших ступеней мадленской культуры с ее исключительным расцветом искусства кроманьонский человек достиг как раз в период своего «вырождения», когда он например, вопреки антропологическому идеалу расовиков, стал ниже ростом. Это антропологическое «вырождение» не только не привело к упадку культуры, что следовало бы ожидать по теории расовиков, но совпало с быстрой дальнейшей эволюцией предшествующей культуры, достигшей в мадленскую эпоху своего блестящего расцвета.

Все, что знает наука о современных расах и происхождении человека и человеческих рас, находится в явном противоречии с положениями «теории» расовиков.

2. Боковые тупики и теории «шиворот навыворот»

Ясно выраженное стремление превратить науку в идеологическое орудие класса эксплуататоров, обнаруживается и в отношении реакционных ученых буржуазии к самому родословному дереву человека. Многие буржуазные ученые всячески стараются запутать этот вопрос, чтобы создать впечатление множества непреодолимых трудностей. На чью мельницу тут льется вода — достаточно ясно.

С этой точки зрения интересны взгляды уже известного нам Осборна, «прозревшего» в условиях антидарвинистически настроенной Америки. Мы уже знаем, что, с одной стороны, он постарался «омолодить» питекантропа настолько, чтобы он выпал из родословного дерева человека. А с другой стороны, он постарался состарить человека, перенеся его предков в глубь третичного периода. Он высказал взгляд, что явно человеческие формы принадлежат такой древности, «которую даже трудно себе представить» (но которую, повидимому, отлично представляет себе сам Осборн). Этот взгляд означает, что явно человеческие формы существовали еще в те далекие периоды земли, когда даже не было ясного подразделения между низшими и высшими обезьянами. И сам собой отпадает вопрос о родстве человека с человекообразными обезьянами и об общности их происхождения. Человек как бы приобретает совершенно самостоятельную историю развития. Его эволюционный путь идет особнячком, ни с кем не перекрещиваясь.

Все это должно доказать все то же: человек — «особый остров, с которого нет моста на соседнюю землю млекопитающих».

Но с этими осборнскими «мудрствованиями лукавыми» даже не приходится серьезно считаться, так как они порождены «чистым разумом» «прозревшего» буржуазного профессора и не имеют под собой никакого научного обоснования.

Другие буржуазные антропологи не решаются говорить о крайней древности человека. Даже и питекантропа они согласны не считать гиббоном.

Но они строят родословное дерево человека по принципу, введенному когда-то тем же Осборном (в 1915 году). Этот принцип построения заключается в том, что все известные нам древние ископаемые формы, относящиеся к человеку, помещаются не на пути его эволюции, а рассматриваются

лишь как боковые ветви. Питекантроп, гейдельбергский человек, неандерталец, даже кроманьонский человек (уж на что вполне «человек разумный») — все загнаны в «боковые тупики», осуждающие их на вымирание. Вместо этапов эволюционного развития человека они превращены в случайных, побочных вырожденков человеческого рода — «в семье», мол, не без уродов». Так, мы знаем, действовал еще Вирхов в отношении неандертальца. Некоторые буржуазные «мыслители» вполне логично додумали дело до конца, и их исключительно смелый и оригинальный «научный» вывод свелся к тому, что не человек произошел от обезьяны, а... человекообразные обезьяны произошли от человека! С их точки зрения горилла и шимпанзе, оранг-утан и гиббон являются выродившимися людьми, и мы можем лишь сожалеть об их утерянном человеческом облике! Но они хоть дожили до современности, а боковые веточки человекоподобных существ ледникового периода окончились полным вымиранием.

И эта теория «шиворот навыворот» — не человек от обезьяны, а обезьяна от человека! — служит лишь прекрасной иллюстрацией того, для чего увешивается боковыми ветвями родословное дерево человека. Недаром подобное «родословное дерево человека» прекрасно используется религиозниками в борьбе с эволюционистами и дарвинистами.

Но какие же ступени ведут к современному человеку в родословных деревьях типа Осборна? Каковы этапы его эволюционного пути?

Их нет — ни ступеней, ни этапов. Широкая пустая дорога ведет к современному человеку от отдаленной древности третичного периода через широкоголовых и длинноголовых людей офнетской могилы. Только им, немногим из вымерших «разумников», оказана «великая честь» иметь какое-то прямое отношение к современному человечеству. А откуда они? Кто их предки и чьи они потомки?

Неизвестно.

О происхождении человека можно говорить все, что угодно, — в этом-то и все дело. Эта пустая дорожка служит «научным» обоснованием исключительного и обособленного пути человеческого развития. Для самого Осборна эта пустая дорожка как бы послужила предварительной подготовкой к провозглашенной им древности человека, «которую даже трудно себе представить». Мы уже видели, как эта дорожка, спускаясь в отдаленнейшие глубины третичного периода, приводит вместе с тем и к современной «научно-агрессивной поповщине».

Поэтому мы должны с особой осторожностью и большой

внимательностью относиться к «вариантам» родословного дерева человека. Именно потому, что оно является родословным деревом человека, оно превратилось в фронт острой борьбы. В этой «идейной войне» для буржуазных ученых маскировка важнее, чем прямой удар, ибо прямо бить нечем. И тем важнее для нас срывать все и всяческие маски со всех демагогов в этом вопросе и под нарядом «научной» внешности научиться видеть их классовое нутро.

На чем основано построение родословных деревьев типа Осборна? Ни на чем.

Ведь наука знает не только одно единственное человеческое родословное дерево. Например, знамениты «полные» родословные деревья для лошадей (так называемый «лошадиный ряд»), для слонов и для некоторых других животных. Принцип, положенный в основу построения родословных деревьев, всегда один и тот же и не может быть другим. Геологический возраст и признаки сходства и различий, т. е. переходности форм,— вот что определяет и должно определять положение найденной вымершей формы в родословном дереве. Так и построены «лошадиный ряд» и ряд слонов, которыми палеонтология справедливо гордится как ценнейшими достижениями эволюционного учения. И если мы посмотрим к этим прославленным родословным деревьям, то в них мы столкнемся с большей неполнотой, с большими прорывами, чем в человеческом ряду. Но об этом никто не кричит, ибо речь идет не о человеке, а о лошадях и слонах.

По всем известным нам особенностям строения вымершие четвертичные предки человека не только прекрасно укладываются в единый ряд развития, но делают этот ряд по его полноте одним из лучших палеонтологических рядов, какие только нам известны. Ни на секунду не приходится сомневаться, что, не будь это ряд человека, никому бы даже в голову не могло прийти насоздавать уйму тупиков, оставив пустой основную ветвь развития!

Классовая борьба, рождающая борьбу идеологий, превращает многих буржуазных ученых в «услужливых лакеев» господствующего класса, выполняющих его «социальный заказ». Еще и еще раз мы убеждаемся в правильности положения Ленина, писавшего, что «в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии» — значит и науки.

VII. Труд создал человека

Что же двигало вперед процесс эволюции человека? Чем было вызвано очеловечение обезьяны?

Среди буржуазных ученых есть такие, которые, не решаясь отрицать самый факт очеловечения обезьяны, пытаются «объяснить» этот факт особой, предопределенной целенаправленностью, под каковым туманным псевдонимом скрывается «старый знакомец» — божье предопределение. Особая, непохожая на других обезьяна очеловечилась по специальному соизволению божью.

Таким образом вопрос о причинах очеловечивания обезьяны является проблемой огромного мировоззренческого значения.

Из всего шредыдущего уже вытекает тот ответ на этот вопрос, который дает действительная наука.

Не «целенаправленность», не неизвестные и не познаваемые силы природы, а труд создал человека,— труд и те условия, которые вызвали его появление, которые сделали труд необходимым условием существования предков современного человека.

Так все данные современной науки блестяще подтверждают гениальные мысли Маркса и Энгельса о причинах, вызвавших появление человека,— мысли, выраженные в развернутом виде в замечательной статье Энгельса «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны».

Мы видим, что только с точки зрения этой трудовой теории может быть вообще объяснено происхождение человека. Только диалектико-материалистическая точка зрения в состоянии объяснить качественное своеобразие процесса очеловечения.

Вот тут-то и важно сравнить точку зрения Маркса—Энгельса с точкой зрения Дарвина.

Дарвин дал чисто биологическую теорию. Эволюцию человека он объяснял так же, как эволюцию любого животного: голым действием естественного отбора. Нельзя провести границу между животным и человеком, нельзя указать, где кончается животное и начинается человек, говорил Дарвин. Мы убедились, что эта теория (имевшая конечно в свое время

колоссальное прогрессивное значение) не объясняла своеобразие эволюции человека, даже в отношении его телесных (физиологических и морфологических) особенностей (рука и мозг). Поэтому-то эта теория не была защищена от нападков реакционных ученых, игравших на том, что дарвинизм недостаточен для объяснения основного в происхождении человека.

Вспомним, например, «аргументацию» Уоллеса, соавтора теории естественного отбора, отказавшегося от этой теории именно в вопросе о происхождении человека.

А объективно дарвиновская точка зрения в этом вопросе (независимо от желания самого Дарвина) — точка зрения биологизации происхождения человека — создавала известную логическую почву для реакционных теорий социального дарвинизма.

Только трудовая теория позволяет понять происхождение человека и с его анатомо-физиологическими и с его социальными особенностями.

Роль исключительно важного толчка для начала «очеловечения» одной из ветвей человекообразных обезьян сыграл ледниковый период.

С поредением лесов многие лесные обитатели попали в новые условия существования. Вместе с лесами погибали или отступали к югу типичные жители лесов, в том числе и обезьяны. Но ушли не все обезьяны. Возможно, что остались те, которые оказались отрезанными на случайно сохранившемся лесном островке. Не исключена возможность и постепенного приспособления к новым условиям какой-либо менее связанной с лесными чащами формы человекообразных обезьян: ведь процесс гибели и отступления лесов растянулся на тысячелетия. Для этой формы пространства, покрытые травой и мелким кустарником, стали постепенно такой же родной стихией, как раньше стволы и ветви деревьев. Но тут пришлось переходить уже на новую пищу, на новые способы добывания ее и, самое важное, на новые способы передвижения, резко отличающиеся от лазания и карабканья по деревьям. И среди оставшихся обезьян начался жестокий отбор от поколения к поколению. Подобно современным человекообразным обезьянам, вымершие обезьяны, высшие представители млекопитающих, уже обладали способностью употреблять в случае нужды палки и камни в лесах, т. е. в нормальных условиях их существования, пользование орудиями труда было для них случайным явлением. С переходом же к новым условиям существования — с деревьев на землю, из дремучих чащ в перелески — все должно было

измениться. Все строение тела обезьян мало подходило и для передвижения на ровной поверхности земли, и для добывания новой пищи в виде растений, которые нужно было вырывать или выкапывать, и для ловли мелких животных, и для спасения от хищников. Вот эту недостаточность приспособленности в строении тела и приходилось компенсировать первыми «орудиями». То, что раньше носило случайный характер, стало необходимостью. Палка, камень, заостренный сучок дерева должны были превратиться в их постоянных спутников. Они защищались ими и добывали с их помощью пищу. Особое значение приобрела и общественная жизнь.

Человекообразные обезьяны, относящиеся к «общественным животным», и раньше жили небольшими стадами. Но каждый член такого стада (как и сейчас у обезьян) жил сам по себе. На свой страх и риск каждый добывал себе пищу, отдельно, вернее попарно — самец и самка — строили себе гнезда, и лишь в моменты опасности по поданному кем-либо в стаде крику — сигналу — все стадо в паническом ужасе и с устрашающими воплями и визгом собиралось вместе для отражения врага.

В новых условиях совместные и согласованные действия оказывались все более необходимыми. И опасностей стало больше, так как не было уже спасительных лесных чащ, а к передвижениям на земле обезьяны были плохо приспособлены. Стадо, зародыш коллектива, стало их единственной силой, а употребление орудий — необходимым условием их жизни. Для постоянного пользования орудиями труда необходима была дифференцировка конечностей. Руки должны были стать естественными орудиями для пользования искусственными орудиями. Они должны были утратить функцию передвижения, передав эту функцию целиком задним конечностям.

Этим, по словам Энгельса, «был сделан решительный шаг для перехода от обезьяны к человеку»¹. Постоянное пользование орудиями постепенно привело к предварительному сознательному изготовлению их. Усложнившиеся условия жизни предъявляли все повышавшиеся требования к развитию мыслительных способностей, и отбор, рожденный жестокой борьбой за существование, оставлял право на жизнь только особям, у которых мозг случайно оказался развитым более совершенно.

Совершенствовалась и рука, приспособляясь для тысячи

¹ Энгельс, Диалектика природы. Партиздат, 1932 г., стр. 50.

точных трудовых движений, превращаясь в великодушный естественный орган для создания и использования орудий. И эволюция руки в свою очередь обуславливала дальнейшую все ускоряющуюся эволюцию предков человека, их труда и их выраставших из общественного труда социальных связей.

С начала изготовления орудий наш обезьяний предок превратился в «особую силу» природы — между ним и остальным животным миром легла качественная грань. Он сделался человеком. Он стал активно приспособлять себя к природе и природу к себе. Эволюция мозга тесно сплеталась с развитием руки и развитием общественного труда, причем ведущим в диалектическом единстве этого процесса был общественный труд. Рука об руку со всем этим вырабатывалась все более совершенная вертикальная походка. Обезьянья форма под влиянием труда и для труда все больше превращалась в тип современного человека. Тот же труд выковывал человеческую речь, сформировал и углублял человеческое сознание. «Начинавшееся, вместе с развитием руки и труда, господство над природой расширяло с каждым новым шагом кругозор человека», пишет Энгельс¹. Каждый новый шаг его трудовой деятельности углублял его познание, и прав ученый, который писал о доисторическом человеке, что, «оббивая клинок своего каменного топора, он в то же самое время оттачивал лезвие своих способностей».

Труд как необходимое условие существования — вот причина очеловечивания обезьяны. Труд сделал человека тем, что он есть, поднял его из царства животных на высшую ступень, где господствуют уже не биологические, а социальные законы, обусловившие дальнейшую историю развития человеческого общества. Трудовая деятельность выковала и эти законы — законы классовой борьбы.

И именно эти законы, законы классовой борьбы в доживающем свой век капиталистическом обществе объясняют нам и «расовые теории», и стремление реакционных ученых окружить тайной происхождение человека.

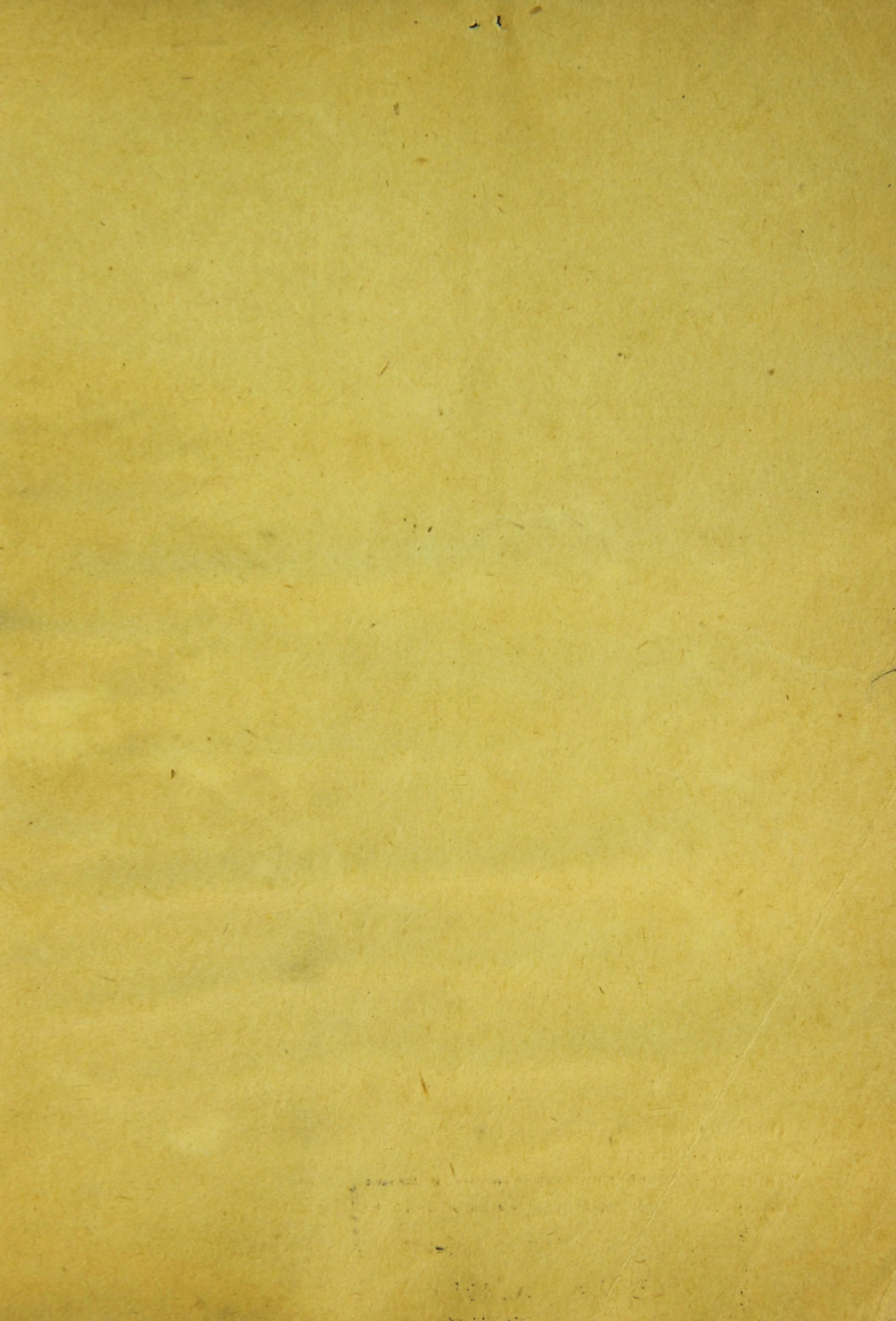
Законы классовой борьбы говорят нам, что бесклассовой и объективной наука сможет стать лишь в бесклассовом обществе социализма. Только в этом обществе наука целиком сможет стать действительной наукой, работающей в интересах всего человечества.

А пока только мы, строители социализма на одной шестой части мира, можем высоко поднять знамя такой науки.

¹ Энгельс; Диалектика природы. Партиздат, 1932 г., стр. 50—59.

Используя все лучшее, что есть в мировой науке, все действительные огромные достижения ее, мы в то же время должны с чрезвычайной бдительностью относиться к обобщающим теориям буржуазных ученых, особенно в решающих мировоззренческих вопросах. Ибо не интересы истины, а интересы господствующих классов, интересы поповщины и фашистского террора маскируются под мнимонаучной внешностью многих подобных теорий: в классовом обществе не может быть надклассовой или внеклассовой идеологии.

ЧИТ. ЗАЛ
Центр. обл.-биб-ки
им. Базилевского

Цена 2 руб.

М 19 12

Продажа во всех магазинах, отделениях
и киосках Книгиза

Почтовые заказы направлять без задатка
по адресу: Москва, Книгиз, «Книга—почтой»